

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 3 (177)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2023

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Щупленков Н.О., Щупленков О.В.

Этносоциокультурные конструкты эпохи цифровизации.....9

Игнатов М.А., Демененко И.А., Авилова Ж.Н.

Смысловые поля коммуникативных практик студенческой молодежи в сети интернет (по результатам социологического исследования).....22

Узденова Б.Х., Кочкаров Р.С., Борлакова Ф.А.,

Карабашева Х.И., Узденова А.А. Развитие информационного общества в современных условиях.....34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Дианов С.А., Базарьева Л.П., Кобяков А.В.

Геобрендинг для угасшей территории: стратегии продвижения культурного наследия на муниципальном уровне.....39

Старостенков Н.В. Советско-германский договор о ненападении (1939 г.): взгляд сквозь призму принципов внешней политики стран Запада.....50

Гуреев Я.В., Гаврилюк Н.П. Феномен новых партий в условиях российской политической системы (на примере партийного строительства партии «Новые люди»).....61

Даев А.Н., Терновая Л.О.

Социальные взаимодействия моды и спорта.....68

Старостенков Н.В. Особенности деятельности партийных, государственных и общественных организаций Советского Союза по формированию у трудящихся мотивации к выполнению и перевыполнению задач, стоявших перед советской промышленностью в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).....79

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дианов С.А., Дианова Ю.В. Национальный проект

«Образование» и трансформация системы профессионального образования в регионе (2005 – 2020 гг.).....93

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Живец А.П. Политические условия и цели коллективизации в СССР...105

СОЦИОЛОГИЯ

Абдуллаева А.Р. Некоторые аспекты развития международного муниципального сотрудничества.....114

Барковский Е.С. Правильная постановка управленческой проблемы.....124

Абдуллаева А.Р. Социальная технология как инструмент для развития международного сотрудничества на местном уровне.....129

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тамби С.А. Панъевропейское движение и Эстония. Часть 1. Установление и укрепление связей в межвоенный период, и истоки эстонского евроскептицизма.....139

Гао Чуньюй, Гао Янь, Цяо Юй
Грусть - фоновый цвет русских эмигрантов.....165

Цуй Фабо Пример китайско-российского культурного обмена в 19 веке - создание китайской академии в России.....176

Гусейнов Эльнур Развитие ветроэнергетических проектов в Азербайджане: перспективы сокращения выбросов парниковых газов.....186

Ван Тин Диалог культур в современном мире: проблемы и решения...194

Пэн Хаоюй Российско-китайская межкультурная коммуникация в условиях современности.....199

Сю Тинтин Китайская народная опера как феномен национального искусства.....203

Цзэн Лояо Китайский балет в контексте национальных традиций...208

Цинь Шиюй Китайский национальный балет: традиции и новаторство.....212

Аннотации.....216

Авторы.....229

Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....233

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии

и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Mos-

cow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Ставропольский государственный педагогический институт

Щупленков Н.О.

*Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный педагогический институт.*

Щупленков О.В.

*Доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин,
Ставропольский государственный педагогический институт.*

Этносоциокультурные конструкты эпохи цифровизации

В эпоху цифровизации происходит пересмотр наднациональных особенностей диалогизации социальных отношений при перманентности политических и экономических процессов. Этносоциокультурные акторы диалоговой синергии проявляют динамическую последовательность в использовании и обработке информации, стремятся приобрести необходимый модус превосходства над остальными акторами этносоциокультурных отношений. Происходят серьезные цивилизационные сдвиги в сохранении национально-культурных особенностей различных социальных групп, проявляющихся в трансформации этнических, национальных, конфессиональных маркеров. Данные процессы происходят в условиях, когда нивелируется, с одной стороны, идеологическая прерогатива информационного общества, когда информационная активность и социальные лифты создают активные зоны пассионарности в различных областях науки и производства, ускоренном развитии возможностей приводят к формированию этносоциокультурных идентичностей надэтнического ранга. С другой – увеличение традиционной конструкты в этносоциокультурных отношениях, стремлении населения к сохранению норм и ценностей в повседневности, преувеличению роли религии, национальных особенностей в культуре и политики. Глобализация и цифровизация воспринимаются как данность нашего времени.

Среди трудов которых существенное значение для данного исследования имеют работы в отношении больших циклов конъюнктуры Н.Д. Кондратьева и его последователя Й.А. Шумпетера, сформировавшего основы инновационной теории. Сложившееся инновационно-технологическое направление в дальнейшем исследовалось С. Кузнецом

и К. Перес, выделивших институциональную, технологическую и экономическую грани у инновационного процесса. Р. Нельсон, в свою очередь, определял институты как «социальные технологии». Позднее свой вклад внесли Э. Роджерс, описавший процесс инновационной диффузии, Р. Фостер, представивший S-образные кривые, которые отражают поступательный и волнообразный характер технологического развития, С.Ю. Глазьев с концепцией технологических укладов, экономисты эволюционного направления Р. Нельсон и С. Уинтер и другие¹.

Активно вопросы развития различных отраслей хозяйства и их особенностей обсуждаются на страницах научных изданий, в частности «Этносоциум и межнациональная культура»².

Исследование этносоциокультурной диалогизации происходит в открытом медиаресурсе. Выделим основные направления данной работы. В контексте информационной безопасности отмечаются работы Рябовой Е.Л., Терновой Л.О., Сулеймановой Ш.С., Владимировой М.Б. и других³. Раз-

1 Карпаев О.В. Влияние цифровизации на процесс общественного воспроизводства дисс... канд. экон. наук. М.: 2022.

2 Шупленков О.В. Этническая идентичность – проблема определения категории // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2010. № 4 (28); Шупленков О.В. Сохранение этнокультурной идентификации России в условиях глобализации // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2013. № 12 (66); Шупленков О.В. Формирование русской этнической идентичности через самосознание // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2014. № 6 (72); Шупленков О.В. Политические условия реализации гражданской идеи в современной России // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2015. № 2 (80); Шупленков Н.О., Шупленков О.В. Современные подходы к пониманию исторической истины и объективности // Этносоциум. № 8. (122). 2018; Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Этносоциокультурная миграциология – современные подходы к изучению миграции // Этносоциум и межнациональная культура. № 6 (132). 2019; Шупленков О.В., Шупленков Н.О. Политика замещающей миграции в Германии // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 3 (141).

3 Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Поток информации как испытание // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 9 (63). С. 181; Владимировая М.Б. Современное информационное общество и нарастание в нем процессов манипулирования массовым сознанием // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 2 (18); Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Влияние информационных процессов на современные конфликты // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110); Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Информационное обеспечение государственной политики России в условиях экономических санкций // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106); Караткевич А.Г. Геополитические аспекты глобальных трансформационных вызовов. Часть I. // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 3 (19); Воат А.А. Использование технологий спин-докторинг, астротурфинг и инфотейнмент в политической рекламе как инструмент воздействия на массовое сознание // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 4 (28); Шинкаренко В.Д., Шербинина О.О. На пороге новых вызовов глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108); Воат А.А. Трансформация массового сознания скрытыми техниками политической рекламы (социально-философский аспект) // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 5 (29); Мошняга П.А. Проблема гомогенности в глобальном обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 3 (27); Левкина Л.И. Влияние самоорганизующихся «снизу» сообществ на процессы глобализации и модернизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 11 (101); Караткевич А.Г. К вопросу о структуре системной социотрансформации переходных обществ // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 2 (18); Хитарова И.Ю. Информационная война: что нас ждет на Олимпиаде в Сочи? // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 2 (26); Чусова Н.С. Межкультурная коммуникация как механизм регулирования межэтнического взаимодействия в современном российском обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 5 (21); Ву Тхи Хьонг Применение дистанционного электронного голосования в избирательных процессах // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172).

витие диалогизации в международном информационном пространстве происходит в аспекте развития межкультурных и молодежных отношений⁴. Также важным элементом этносоциокультурной диалогизации является вопрос формирования соотношения оптимального баланса между региональными и глобальными процессами⁵.

Стремительное технологическое развитие, происходящее в двадцать первом веке, так называемая мобильная революция, активное развитие социальных сетей, новые возможности аналитики привели к цифровому преобразованию бизнес-моделей предприятий. Так, например, на рынке стали продвигаться платформы с бизнес-сетями и экосистемами, потре-

4 Рябова Е.Л. Китайская Народная Республика: образование, молодежная политика, информационные технологии // Казачество. 2017. № 28 (4); Бахарев В.В., Жукова Т.В. Технологизация позитивной трансформации и кросскультурной коммуникации студенческой молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 1 (17); Огнева В.В., Болховитина Т.С. Информационная картина регионального социально-политического пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 3 (19); Марков Б.В. Модернизация общества в зеркале философской антропологии // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 5 (29); Джантеева Д.С. Специфика этнополитических медиакоммуникаций // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 11 (101); Воат А.А. Рекламно-информационное пространство в структуре информационного общества (социально-философский анализ) // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 6 (30); Костин А.В. Изменение мотивации деятельности в информационном обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 7 (23); Садовсков А.Е. Электронное правительство: текущее состояние и барьеры развития в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108); Мельникова А.Ю. Социальные сети и некоторые особенности молодежной коммуникации в них // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 10 (112); Кочкаров П.С., Узденова Б.Х., Алиева З.Х., Карабашева Х.И., Шебзухова К.В. Роль стратегии развития информационного общества в российской Федерации на 2017–2030 годы в формировании информационного пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174); Узденова Б.Х., Кочкарова М.С., Урусова А.Н.М. Урусов М.И., Шаханова З.Ю. Реализация информационно-коммуникационных технологий в условиях формирования информационного общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174); Узденова Б.Х., Кочкаров П.С., Борлакова Ф.А., Шебзухова К.В., Узденова А.А. Экосистема цифровой экономики // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174); Гаврилюк Н.П., Сорочан В.В. Социум цифровой эпохи – вызовы, риски или новые возможности? // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174); Винокуров Н.В. Социальные медиа в процессах политической социализации молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 11 (173); Константинов М.С. Интернет как глубинная коммуникативная ценность в сознании студенческой молодежи (по результатам анкетированных опросов 2015–2021 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172); Юэ Цян О модели онлайн- и офлайн-смешанного обучения «Русской грамматике» в китайском вузе // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172); Миронова Т.А. Вклад студентов в движение от инклюзивного образования к инклюзивной культуре и коммуникации // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 9 (171); Филатов О.В. Современная структура НАТО по обеспечению информационной безопасности // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 9 (171).

5 Мурашко С.Ф., Кротова А.Н., Косырева М.С. Технологии глобальной коммуникации в социальных медиа // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106); Сирюкова Я.А. Внешние риски и вызовы для формирования гражданской идентичности // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 7 (109); Прокудин Д.Е. Информатизация отечественного образования как основной фактор формирования информационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 3 (19); Караткевич А.Г. Реинтеграция как фактор социотрансформации и противовес глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 5 (21); Бахарев В.В., Надуткина И.Э., Трапезников С.В. Направления развития инновационной деятельности как основа улучшения качества жизни населения в регионе // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 7 (31); Баглиева А.З. Антропокультурные основания полиэтнического коммуникативного пространства Дагестана: история и современность // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 4 (20); Чернавский А.С. Глобализация и фрагментация виртуального пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 1 (17); Мамедов Б.Г. Трансформация политической системы Турции в условиях глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 11 (101).

бители получили повсеместный доступ к информации через Интернет и возможность выбрать канал. В то время как конкуренция происходит на уровне самых прогрессивных бизнес-моделей, компаниям необходимо адаптировать свои бизнес-процессы, чтобы оставаться конкурентоспособными в современном цифровом мире. Это означает, что технологии и информационное моделирование дополняют друг друга.

Н.Н. Трофимова предлагает в контексте роли цифровизации на инновации бизнес-моделей предприятий рассмотреть понятие информационного моделирования как изменение бизнес-модели компании, которое является новым для фирмы и приводит к заметным изменениям в ее практике взаимоотношений с клиентами и партнерами. Так, например, большие данные (новые источники данных), автоматизация (измененные функции машин), новые взаимосвязи по всей цепочке создания стоимости (устранение непрозрачности) и цифровые интерфейсы с клиентами создают серьезную базу для новых бизнес-моделей и потенциальной реструктуризации целых секторов. Можно выделить три различных способа, которыми цифровизация влияет на компании и их бизнес-модели и изменяет их: оптимизация существующих бизнес-моделей (например, оптимизация затрат); трансформация существующей бизнес-модели (например, реконфигурация существующих моделей, расширение существующего бизнеса); и разработка новой бизнес-модели (вытеснение устоявшихся участников рынка, новые продукты/услуги). При этом цифровизация в основном влияет на ценностное предложение, управление внутренней инфраструктурой и отношения с клиентами. В основном это изменения в форме предложений (продуктов, услуг или пакетов решений в форме облачных вычислений или профилактического обслуживания), которые неминуемо вызывают изменения в бизнес-модели предприятия. По мере увеличения количества таких предложений, как пакеты услуг и решений, отношения с клиентами становятся более интенсивными, превращаясь в долгосрочное сотрудничество. Однако это требует развития технологий, активного внедрения современного программного обеспечения или разработок в сфере аналитики и обработки данных.

Внедрение цифровых технологий имеет принципиально важное значение для всех областей деятельности компании. Однако для эффективного процесса внедрения цифровых технологий преимущества цифровизации в процессах компании должны быть очевидны заранее, чтобы внедрение прошло более эффективно. Кроме того, степень цифровиза-

ции, применяемая каждой фирмой, должна определяться потребительским спросом⁶.

Социальные факторы, как внутренние, так и внешние, оказывают заметное влияние на профессионализацию персонала бизнес-организаций, результативность и эффективность деятельности предпринимательских структур, их практическую целеориентацию в условиях рыночной экономики. Проявление социальных факторов заметно, прежде всего, в правовой, организационной, социально-экономической, кадрово-профессиональной, социально-культурной сферах. При этом, решение задач стратегического развития бизнес-организаций, обеспечения эффективности работы менеджмента компаний возможно лишь при надлежащей организации профессионального развития персонала, разработке и реализации мер по совершенствованию регулирования кадровых процессов и отношений в рыночной среде, профессионализации кадров, их социального и профессионального развития. В этом плане важное значение имеет рассмотрение проблемы влияния социальных факторов на профессионализацию кадров и эффективность бизнес-организаций, роли человеческого капитала и управления человеческими ресурсами в условиях рыночной экономики.

В арсенале управленческой деятельности современных компаний и корпораций достаточно много личностных факторов и факторов окружающей среды, которые способствуют профессионализации персонала компаний. С точки зрения формирования человеческого капитала, изложенной выше, это становится очевидным. Личные факторы включают благополучие, индивидуальные характеристики и межличностные отношения. Факторы окружающей среды включают институциональную культуру, формальные и неформальные учебные программы и характеристики практики. При этом, влияние социальных факторов на профессионализацию кадров бизнес-организации является прямым и системообразующим для бизнес-организаций.

Уместно заметить, что стратегия кадрового обеспечения бизнес-организации состоит в том, что здесь, с одной стороны, просматривается четко выстроенное комплексное стратегическое планирование управления кадровыми процессами и отношениями. С другой стороны – структура управления кадровыми процессами в организации становится адекватной «формальному» стратегическому планированию и кадровой страте-

⁶ Трофимова Н.Н. Влияние цифровизации на инновации бизнес-моделей предприятий // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 6 (168).

гии, предусматривающих достижение количественных и качественных параметров улучшения кадрового обеспечения организации. Тем самым, создается основа для выработки долгосрочной стратегии достижения целей и создания механизмов реализации кадровой политики, представляя стратегию накопления человеческого капитала, воспроизводства, развития и востребования человеческих ресурсов организаций.

Концепция управленческими ресурсами определяет их возрастающую роль не только как чисто экономического ресурса, приносящего прибыль, но и как социальную ценность организаций различного типа, да и российского общества в целом, общественного здоровья и культуры. Качество человеческого капитала характеризуется уровнем социального развития и благосостояния, положением здравоохранения, науки, образования, культуры, отношением государственных органов к функционированию и развитию этих социальных сфер⁷.

В процессе «прихода к власти» пятой информационной революции, которая сопоставила лицом к лицу человечество и глобальные трансграничные информационные компьютерные сети, информатизация стала неотъемлемым и доминирующим фактором не только в политических процессах, но и в сфере глобальной, внутриотраслевой экономики, общественно-социальной, духовной жизни. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) вступают доминирующим фактором глобализации и основным всеобъемлющим фактором эволюционного прогресса, соединяя воедино как неоспоримые блага, так и глобальные угрозы, качественно новые вызовы, выявляя неготовность общества к столь быстрым темпам развития ИКТ.

Блага, открывающиеся перед человечеством за счет развития ИКТ под воздействием 4-ой промышленной революции действительно масштабны: развитие инновационной цифровой экономики, трансграничное общение людей, доступ к массивам знаний, телемедицина, e-government, e-democracy, облачные («туманные») вычисления, национальные электронные библиотеки, дистанционное обучение, развитие искусственного интеллекта, робототехники. Но на фоне этого имеет место феномен разрушения личного пространства, качественно новой технологически усовершенствованной фазы информационных войн, кибератак, кибервойн, кражи персональных данных, кибермошенничества. Безальтернативный процесс ускоряющихся темпов расширения глобального интернета про-

⁷ Пономаренко Б.Т., Курбонзода К.Х. Влияние социальных факторов на профессионализацию персонала бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 1 (163).

исходит в условиях отсутствия адекватной реалиям сегодняшнего дня законодательной базы международного регулирования киберпространства, де-факто ослабляющей потенциал безопасного нахождения в нем пользователей глобальной сети. В практическом плане для Российской Федерации помимо усилий по достижению консенсуса в мировом сообществе о необходимости начала реальной разработки основ международно-правового регулирования трансграничной сети интернет приоритетным направлением является совершенствование национального сегмента интернета и дальнейшая разработка нормативно-правовой основы его функционирования в рамках информационного законодательства страны, создание и развитие системы государственного аудита и мониторинга информационных ресурсов, размещенных на платформе отечественного программного обеспечения (ПО).

Государственная информационная политика выполняет роль средства цивилизационно прогресса, несет ограничительно-охранительную функцию, служит для укрепления информационного суверенитета, обеспечивает информационную безопасность. Важным инструментом ГИП является помощь в адекватной интеграции национального информационного пространства в мировое, в обеспечении конституционного права на доступ к информации. Иными функциями, которыми обладает ГИП, довольствуется и государственный сектор: содействие установлению связи между государственной властью и электоратом, информационное сопровождение внутри страны, управление общественным мнением и генерация массового сознания, информирование по всем позициям власти относительно заданных тем; далее – в крупном масштабе – регулирование рынка информационной продукции, обеспечение технических возможностей для доступа к информации; защита культурного наследия и языка. Информационная политика инвестирует в правовую базу информационного взаимодействия и комплекс ограничительных и превентивных мер, обеспечение открытости государства для населения, что, как итог, становится базой для создания открытого, демократического информационного общества. Иным ключевым фактором является и то, что ГИП осуществляет интеграцию региональных субъектов в единое информационное пространство, а также трудится над преодолением информационно-технологического и технического дисбаланса между различными слоями общества. Кропотливая работа ГИП над СМИ и медиа позволяет транслировать духовные ценности, отвечающие национальным интересам и культурно-историческим реалиям РФ, способствуя регуляции в от-

ношении отечественных СМИ⁸.

Цифровая грамотность предполагает способность критически оценивать информацию, представленную в разных форматах и принимать решения о том, как использовать эту информацию в различных контекстах реальной жизни. По сути, цифровая грамотность представляет собой способность находить, оценивать, использовать и создавать информацию с помощью цифровых технологий. Сегодня она включает такие области, как онлайн-безопасность, онлайн-коммуникации, цифровая этика. Итак, цифровая грамотность означает способность понимать и использовать цифровые технологии. Это относится к способности находить, использовать и создавать информацию в Интернете выгодным и полезным способом. Цифровая грамотность также означает знание ограничений технологий, понимание опасностей и мер предосторожности, которые требуются при их использовании.

Цифровая грамотность отличается от компьютерной грамотности, которая является лишь частью цифровой грамотности. Цифровая грамотность гораздо глубже, чем простое использование компьютера. Фактически, цифровая грамотность отличается от компьютерной грамотности тем, что требует не просто знания цифровых инструментов навыков критического мышления, понимания необходимых стандартов поведения, ожидаемых в онлайн-среде, и понимания общих социально-экономических проблем, созданных цифровыми технологиями.

Однако цифровая грамотность понятие, включающее более широкий спектр навыков, умений и компетенций, которые применяются как в обычной жизни, так и для обучения и работы в цифровом обществе. Среди них можно выделить медиаграмотность, цифровое творчество, науку и инновации в цифровой среде, цифровые коммуникации, сотрудничество и вовлеченность, цифровое обучение, личностное и профессиональное развитие, цифровую идентичность и самоактуализацию⁹.

Экономическая среда быстро изменяется и трансформируется под действием технологий, в частности процесса цифровизации. Для успешного развития компаний и экономики в целом, в современных условиях необходима трансформация стратегического управления с учетом процесса цифровизации и новых возможностей и угроз, сопряжённых с ним. Цифровые технологии охватывают все сферы общественной жиз-

8 *Меньшиков П.В., Борискина А.А.* Актуальные аспекты трансформации государственной информационной политики РФ на современном этапе // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2022. № 1 (163).

9 *Трофимова Н.Н.* Необходимость повышения цифровой грамотности руководителей предприятий в условиях системного COVID-кризиса // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 8 (158).

ни, и для повышения конкурентоспособности и удержания позиций на рынке компании вынуждены прибегать к стратегическому управлению в цифровой экономике и разрабатывать стратегии на основе возможностей, открывающихся посредством использования цифровых технологий, позволяющих формировать более выгодные предложения и быстро адаптироваться к изменению потребительского спроса и внешней среды в целом, совершенствовать коммуникационные процессы и аналитику для разработки стратегических альтернатив¹⁰.

Информационная война всегда влечет за собой определенные цели, направленные на противника. Цели в первую очередь включают в себя ведение пропаганды и дезинформации против соперника. С этой целью манипулируемая информация распространяется против злоумышленника через определенные СМИ, среди которых больше всего фигурируют основные СМИ. У противника создается определенный вид восприятия, который реализуется за счет использования печатных и электронных СМИ.

Вторжение в киберпространство – еще один тактический ход, который рассматривается как элемент информационной войны. Практика вторжения в киберпространство зависит от технологий. Вторжение в киберпространство – это когда стратегически важные компьютерные системы злоумышленника атакуют с помощью вирусов или вредоносного ПО путем взлома. В новейшей истории можно найти множество примеров таких инцидентов, которые продолжаются и сегодня. Это подчеркивает серьезный характер угроз при создании технологий систем безопасности государства. Таким образом, каждое государство старается поддерживать строгую безопасность над своими стратегически важными системами данных.

Информационная война часто включает в себя основной целью – формирование повествований масс. Это достигается путем распространения ими манипулируемой информации. Государство или его агентства могут выполнять эту функцию с использованием услуг СМИ или без них. Например, СМИ могут использоваться для этой цели в рамках территориальных границ государства. Однако, когда государство или его агентства стремятся построить конкретное повествование о людях своего государства-противника, они могут прибегать к другим скрытым или открытым действиям; например, они могут отправить своих агентов в «логово» противника, маскируя свои личности и распространяя опреде-

¹⁰ Будзилевич В.В. Стратегическое управление в условиях цифровой экономики // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155).

ленные повествования среди широкой публики. С другой стороны, некоторые другие инициативы – такие как создание неправительственных организаций («НПО») во враждебном государстве – также могут работать как инструменты для ведения информационных операций. Такие НПО могут внешне представлять свои идентичности как заслуживающие доверия организации, работающие на развитие местного населения, но, втайне, они могут работать над распространением определенного антигосударственного нарратива среди масс¹¹.

Реализация информационных благ, равно как и использование информационного фактора (информационных ресурсов) в производстве осуществляется на одной или нескольких стадиях, к основному перечню которых относятся сбор, передача, хранение и обработка. Благодаря цифровизации существенно увеличиваются количественные параметры эффективности процессов на каждой из данных стадий; в некоторых случаях у информационных процессов снимаются принципиальные ограничения. В данном контексте диффузия современных цифровых информационно-коммуникационных технологий определенно представляет собой информационную революцию. Это создает необходимые предпосылки для производства революции и в индустриальном секторе. Преобразования в реализации информационного фактора производства оказывают существенное влияние на трудовой фактор, который во многом определяет дальнейшую траекторию экономического развития. Однако, исторически с момента возникновения новых информационных или коммуникационных технологий до их повсеместного применения экономическими агентами должно было пройти определенное количество времени, иногда довольно значительное.

Список литературы:

1. Баглиева А.З. Антропокультурные основания полиэтнического коммуникативного пространства Дагестана: история и современность // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 4 (20). С. 103-113.
2. Бахарев В.В., Надуткина И.Э., Трапезников С.В. Направления развития инновационной деятельности как основа улучшения качества жизни населения в регионе // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 7 (31). С. 61-73.
3. Бахарев В.В., Жукова Т.В. Технологизация позитивной трансформации и кросскультурной коммуникации студенческой молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 1 (17). С. 97-121.
4. Будзилевич В.В. Стратегическое управление в условиях цифровой экономики // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 62-68.
5. Винокуров Н.В. Социальные медиа в процессах политической социализации молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 11 (173). С. 15-25.
6. Владимирова М.Б. Современное информационное общество и нарастание в нем процессов манипулирования массовым сознанием // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 2 (18). С. 107-119.
7. Воат А.А. Использование технологий спин-докторинг, астротурфинг и инфотейнмент в политической рекламе как инструмент воздействия на массовое сознание // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 4 (28). С. 68-77.
8. Воат А.А. Рекламно-информационное пространство в структуре информационного общества (социально-философский

11 Михайлов В.А., Алиев Т.Э. Основные тактики информационной войны // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155).

- анализ // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 6 (30). С. 198-204.
9. Воат А.А. Трансформация массового сознания скрытыми техниками политической рекламы (социально-философский аспект) // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 5 (29). С. 157-166.
10. Ву Тхи Хюнг. Применение дистанционного электронного голосования в избирательных процессах // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172). С. 45-57.
11. Гаврилюк Н.П., Сорочан В.В. Социум цифровой эпохи – вызовы, риски или новые возможности? // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 98-109.
12. Джантеева Д.С. Специфика этнополитических медиакоммуникаций // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 11 (101). С. 155-162.
13. Карапаев О.В. Влияние цифровизации на процесс общественного воспроизводства: дисс... канд. экон. Наук. М. 2022. 166 с.
14. Караткевич А.Г. Геополитические аспекты глобальных трансформационных вызовов. Часть I. // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 3 (19). С. 106–118.
15. Караткевич А.Г. К вопросу о структуре системной социотрансформации переходных обществ // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 2 (18). С. 142-155.
16. Караткевич А.Г. Реинтеграция как фактор социотрансформации и противовес глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 5 (21). С. 80-89.
17. Константинов М.С. Интернет как глубинная коммуникативная ценность в сознании студенческой молодежи (по результатам анкетированных опросов 2015–2021 гг.) // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172). С. 18-26.
18. Костин А.В. Изменение мотивации деятельности в информационном обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 7 (23). С. 110-117.
19. Кочкаров Р.С., Узденова Б.Х., Алиева З.Х., Карабашева Х.И., Шебзухова К.В. Роль стратегии развития информационного общества в российской федерации на 2017–2030 годы в формировании информационного пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 15-20.
20. Левкина Л.И. Влияние самоорганизующихся «снизу» сообществ на процессы глобализации и модернизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 11 (101). С. 55-74.
21. Мамедов Б.Г. Трансформация политической системы Турции в условиях глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 11 (101). С. 171-177.
22. Марков Б.В. Модернизация общества в зеркале философской антропологии // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 5 (29). С. 18-27.
23. Мельникова А.Ю. Социальные сети и некоторые особенности молодежной коммуникации в них // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 10 (112). С. 82-91.
24. Меньшиков П.В., Борискина А.А. Актуальные аспекты трансформации государственной информационной политики РФ на современном этапе // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 1 (163). С. 9-24.
25. Миронова Т.А. Вклад студентов в движение от инклюзивного образования к инклюзивной культуре и коммуникации // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 9 (171). С. 29-40.
26. Михайлов В.А., Алиев Т.Э. Основные тактики информационной войны // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 5 (155). С. 9-13.
27. Мошняга П.А. Проблема толерантности в глобальном обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 3 (27). С. 112-124.
28. Мурашко С.Ф., Кротова А.Н., Косырева М.С. Технологии глобальной коммуникации в социальных медиа // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 58-62.
29. Огнева В.В., Болховитина Т.С. Информационная картина регионального социально-политического пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 3 (19). С. 181-192.
30. Пономаренко Б.Т., Курбонзода К.Х. Влияние социальных факторов на профессионализацию персонала бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 1 (163). С. 45-50.
31. Прокудин Д.Е. Информатизация отечественного образования как основной фактор формирования информационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 3 (19). С. 36-46.
32. Рябова Е.Л. Китайская Народная Республика: образование, молодежная политика, информационные технологии // Казахстан. 2017. № 28 (4). С. 96-104.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Поток информации как испытание // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 9 (63). С. 181.
34. Садовсков А.Е. Электронное правительство: текущее состояние и барьеры развития в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108). С. 79-87.
35. Сирюкова Я.А. Внешние риски и вызовы для формирования гражданской идентичности // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 7 (109). С. 107-116.
36. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Влияние информационных процессов на современные конфликты // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 8 (110). С. 9-28.
37. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Информационное обеспечение государственной политики России в условиях экономических санкций // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4 (106). С. 119-133.
38. Трофимова Н.Н. Влияние цифровизации на инновации бизнес-моделей предприятий // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 6 (168). С. 41-46.
39. Трофимова Н.Н. Необходимость повышения цифровой грамотности руководителей предприятий в условиях системного COVID-кризиса // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 8 (158). С. 119-126.
40. Узденова Б.Х., Кочкарова М.С., Урусова А.Н.М. Урусов М.И., Шаханова З.Ю. Реализация информационно-коммуникационных технологий в условиях формирования информационного общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 36-44.
41. Узденова Б.Х., Кочкаров Р.С., Борлакова Ф.А., Шебзухова К.В., Узденова А.А. Экосистема цифровой экономики // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172). С. 18-26.

- циум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 36-44.
42. Филатов О.В. Современная структура НАТО по обеспечению информационной безопасности // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 9 (171). С. 112-122.
43. Хитарова И.Ю. Информационная война: что нас ждет на Олимпиаде в Сочи? // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 2 (26). С. 12-18.
44. Чернавский А.С. Глобализация и фрагментация виртуального пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 1 (17). С. 219-224.
45. Чусова Н.С. Межкультурная коммуникация как механизм регулирования межэтнического взаимодействия в современном российском обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 5 (21). С. 95-101.
46. Шинкаренко В.Д., Шербинина О.О. На пороге новых вызовов глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 6 (108). С. 9-28.
47. Щупленков О.В. Этническая идентичность – проблема определения категории // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2010. № 4 (28). С. 153-157.
48. Щупленков О.В. Сохранение этнокультурной идентификации России в условиях глобализации // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2013. № 12 (66). С. 20-26.
49. Щупленков О.В. Формирование русской этнической идентичности через самосознание // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2014. № 6 (72). С. 9-14.
50. Щупленков О.В. Политические условия реализации гражданской идеи в современной России // Международный издательский центр Этносоциум. Научный и общественно-политический журнал, 2015. № 2 (80). С. 14-19.
51. Щупленков Н.О., Щупленков О.В. Современные подходы к пониманию исторической истины и объективности // Этносоциум. № 8. (122). 2018 С. 65-74.
52. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Этносоциокультурная миграциология – современные подходы к изучению миграции // Этносоциум и межнациональная культура. № 6 (132). 2019. С. 60-68.
53. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Политика замещающей миграции в Германии // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 3 (141). С. 68-79.
54. Юэ Цян О модели онлайн- и оффлайн-смешанного обучения «Русской грамматике» в китайском вузе // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 10 (172). С. 95-103.

Bibliography

1. Baglieva A.Z. Anthropological foundations of the multi-ethnic communicative space of Dagestan: history and modernity // Ethnosocium and interethnic culture. 2009. № 4 (20). P. 103-113.
2. Bakharev V.V., Nadutkina I.E., Trapeznikov S.V. Directions for the development of innovative activity as a basis for improving the quality of life of the population in the region // Ethnosocium and international culture. 2010. № 7 (31). P. 61-73.
3. Bakharev V.V., Zhukova T.V. Technologization of positive transformation and cross-cultural communication of student youth // Ethnosocium and interethnic culture. 2009. № 1 (17). P. 97-121.
4. Budzilevich V.V. Strategic management in a digital economy // Ethnosocium and international culture. 2021. № 5 (155). P. 62-68.
5. Vinokurov N.V. Social media in the processes of political socialization of youth // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. № 11 (173). P. 15-25.
6. Vladimirova M.B. Modern information society and the growth in it of the processes of manipulating mass consciousness // Ethnosocium and interethnic culture. 2009. № 2 (18). P. 107-119.
7. Woat A.A. The use of spin-doctoring, astroturfing and infotainment technologies in political advertising as a tool for influencing mass consciousness // Ethnosocium and interethnic culture. 2010. № 4 (28). P. 68-77.
8. Woat A.A. Advertising and information space in the structure of the information society (social and philosophical analysis) // Ethnosocium and international culture. 2010. № 6 (30). P. 198-204.
9. Woat A.A. Transformation of Mass Consciousness by Hidden Techniques of Political Advertising (Socio-Philosophical Aspect) // Ethnosocium and International Culture. 2010. № 5 (29). P. 157-166.
10. Vu Thi Huong. Application of remote electronic voting in electoral processes // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. № 10 (172). P. 45-57.
11. Gavriluk N.P., Sorochan V.V. The society of the digital age - challenges, risks or new opportunities? // Ethnosocium and international culture. 2022. № 12 (174). P. 98-109.
12. Dzhanteeva D.S. Specificity of ethnopollitical media communications // Ethnosocium and international culture. 2016. № 11 (101). P. 155-162.
13. Karapaev O.V. The impact of digitalization on the process of social reproduction: diss ... cand. economy Sciences. M. 2022. 166 p.
14. Karatkevich A.G. Geopolitical aspects of global transformational challenges. Part I. // Ethnosocium and international culture. 2009. № 3 (19). P. 106-118.
15. Karatkevich A.G. On the question of the structure of the systemic sociotransformation of transitional societies // Ethnosocium and interethnic culture. 2009. № 2 (18). P. 142-155.
16. Karatkevich A.G. Reintegration as a factor of sociotransformation and a counterbalance to globalization // Ethnosocium and interethnic culture. 2009. № 5 (21). P. 80-89.
17. Konstantinov M.S. The Internet as a deep communicative value in the minds of student youth (according to the results of questionnaire surveys in 2015-2021) // Ethnosocium and interethnic culture. 2022. № 10 (172). P. 18-26.
18. Kostin A.V. Changing the motivation of activity in the information society // Ethnosocium and interethnic culture. 2009. № 7 (23). P. 110-117.
19. Kochkarov R.S., Uzdanova B.Kh., Alieva Z.Kh., Karabasheva Kh.I., Shebzukhova K.V. The role of the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030 in the formation of the information space // Ethnosocium and

- international culture. 2022. № 12 (174). P. 15-20.
20. Levkina L.I. Influence of self-organizing “from below” communities on the processes of globalization and modernization // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2016. № 11 (101). P. 55-74.
21. Mamedov B.G. Transformation of the political system of Turkey in the context of globalization // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2016. № 11 (101). P. 171-177.
22. Markov B.V. Modernization of society in the mirror of philosophical anthropology // *Ethnosocium and international culture*. 2010. № 5 (29). P. 18-27.
23. Melnikova A.Yu. Social networks and some features of youth communication in them // *Ethnosocium and international culture*. 2017. № 10 (112). P. 82-91.
24. Menshikov P.V., Boriskina A.A. Actual aspects of the transformation of the state information policy of the Russian Federation at the present stage // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2022. № 1 (163). P. 9-24.
25. Mironova T.A. The contribution of students to the movement from inclusive education to inclusive culture and communication // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2022. № 9 (171). P. 29-40.
26. Mikhailov V.A., Aliev T.E. The main tactics of the information war // *Ethnosocium and international culture*. 2021. № 5 (155). P. 9-13.
27. Moshnyaga P.A. The problem of tolerance in the global society // *Ethnosocium and international culture*. 2010. № 3 (27). P. 112-124.
28. Murashko S.F., Krotova A.N., Kosyreva M.S. Technologies of global communication in social media // *Ethnosocium and international culture*. 2017. № 4 (106). P. 58-62.
29. Ogneva V.V., Bolkhovitina T.S. Information picture of the regional socio-political space // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2009. № 3 (19). P. 181-192.
30. Ponomarenko B.T., Kurbonzoda K.Kh. The influence of social factors on the professionalization of the personnel of a business organization // *Ethnosocium and international culture*. 2022. № 1 (163). P. 45-50.
31. Prokudin D.E. Informatization of domestic education as the main factor in the formation of information culture // *Ethnosocium and international culture*. 2009. № 3 (19). P. 36-46.
32. Ryabova E.L. People's Republic of China: education, youth policy, information technology // *Cossacks*. 2017. № 28 (4). P. 96-104.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The flow of information as a test // *Ethnosocium and international culture*. 2013. № 9 (63). P. 181.
34. Sadovskov A.E. Electronic government: current state and development barriers in Russia // *Ethnosocium and international culture*. 2017. № 6 (108). P. 79-87.
35. Siryukova Ya.A. External risks and challenges for the formation of civil identity // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2017. № 7 (109). P. 107-116.
36. Suleymanova Sh.S., Ryabova E.L. Influence of information processes on modern conflicts // *Ethnosocium and international culture*. 2017. № 8 (110). P. 9-28.
37. Suleymanova Sh.S., Ryabova E.L. Information support of the state policy of Russia in the conditions of economic sanctions // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2017. № 4 (106). P. 119-133.
38. Trofimova N.N. The impact of digitalization on the innovation of business models of enterprises // *Ethnosocium and international culture*. 2022. № 6 (168). P. 41-46.
39. Trofimova N.N. The need to improve digital literacy of business leaders in the context of the systemic COVID-crisis // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2021. № 8 (158). P. 119-126.
40. Uzdanova B.Kh., Kochkarova M.S., Urusova A.N.M. Urusov M.I., Shakhanova Z.Yu. Implementation of information and communication technologies in the conditions of the formation of the information society // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2022. № 12 (174). P. 36-44.
41. Uzdanova B.Kh., Kochkarov R.S., Borlakova F.A., Shebzukhova K.V., Uzdanova A.A. Ecosystem of the digital economy // *Ethnosocium and international culture*. 2022. № 12 (174). P. 36-44.
42. Filatov O.V. The modern structure of NATO to ensure information security // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2022. № 9 (171). P. 112-122.
43. Khitarova I.Yu. Information war: what awaits us at the Sochi Olympics? // *Ethnosocium and international culture*. 2010. № 2 (26). P. 12-18.
44. Chernavsky A.S. Globalization and fragmentation of virtual space // *Ethnosocium and international culture*. 2009. № 1 (17). P. 219-224.
45. Chusova N.S. Intercultural communication as a mechanism for regulating interethnic interaction in modern Russian society // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2009. № 5 (21). P. 95-101.
46. Shinkarenko V.D., Shcherbinina O.O. On the Threshold of New Challenges of Globalization // *Ethnosocium and Interethnic Culture*. 2017. № 6 (108). P. 9-28.
47. Shchuplenkov O.V. Ethnic identity - the problem of category definition // *International Publishing Center Ethnosocium. Scientific and socio-political journal*, 2010. № 4 (28). P. 153-157.
48. Shchuplenkov O.V. Preservation of the ethno-cultural identification of Russia in the context of globalization // *International Publishing Center Ethnosocium. Scientific and socio-political journal*, 2013. № 12 (66). P. 20-26.
49. Shchuplenkov O.V. Formation of Russian ethnic identity through self-consciousness // *International Publishing Center Ethnosocium. Scientific and socio-political journal*, 2014. № 6 (72). P. 9-14.
50. Shchuplenkov O.V. Political conditions for the implementation of the civil idea in modern Russia // *International Publishing Center Ethnosocium. Scientific and socio-political journal*, 2015. № 2 (80). P. 14-19.
51. Shchuplenkov N.O., Shchuplenkov O.V. Modern approaches to understanding historical truth and objectivity // *Ethnosocium*. № 8. (122). 2018 P. 65-74.
52. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Ethnosociocultural migrationology - modern approaches to the study of migration // *Ethnosocium and interethnic culture*. № 6 (132). 2019. P. 60-68.
53. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Replacement migration policy in Germany // *Ethnosocium and international culture*. 2020. № 3 (141). P. 68-79.
54. Yue Qiang On the model of online and offline blended learning “Russian Grammar” in a Chinese university // *Ethnosocium and interethnic culture*. 2022. № 10 (172). P. 95-103.

Игнатов М.А.

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии и управления, Белгородский
государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Демененко И.А.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и управления, Белгородский
государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Авилова Ж.Н.

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и управления, Белгородский
государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Смысловые поля коммуникативных практик студенческой молодежи в сети интернет (по результатам социологического исследования)

Под влиянием глобализации общества, цифровизации коммуникационных практик происходят кардинальные изменения принципов межличностного и межгруппового взаимодействия, самоорганизации общества, которые всё менее привязаны к территориальному расположению, статусным различиям пользователей, их этнической и религиозной принадлежности или какой-либо другой осязаемой материальной конкретике.

В современном прогрессивном обществе молодое поколение все чаще дополняет реальное общение виртуальным, используя различные социальные сети. В связи с этим, для молодежи в приоритете выступает «виртуальное общение»¹, чем наиболее привычное для старшего поколения. Молодежь в сети интернет делится музыкой, цитатами и видео, размещает сообщения или фото различного характера в интернете, регистрирует своё присутствие в определённом месте с помощью мобильного устройства, и многое другое, что обуславливает высокий уровень зависимости молодежи от социальных сетей.

¹ Парц О.С. Развитие подрастающего поколения в контексте цифровизации // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. Т. 11. № 5. С. 67-79.

В настоящее время огромное разнообразие видов интернет-коммуникаций, которые могут способствовать новым моделям социального поведения и интегрироваться в сферу реального взаимодействия². Молодёжь, как отдельная социальная группа, представляет интерес для изучения данной проблемы в силу активного поиска своего места в социальной структуре, освоения социальных норм, ценностей и стандартов поведения, и, как следствие изменений процесса социализации.

Активное транслирование новых моделей коммуникативного взаимодействия посредством сети Интернет представляет интерес для ученых различного поля интересов: психологов, филологов, социологов, философов, политологов, программистов и др. Коммуникации в Интернет-пространстве на сегодняшний день выступают социальной реальностью для общества и определяют новые подходы и практики научных социально-психологических исследований.

Возрастание роли к осмыслению реальности трансформирующихся средств осуществления коммуникаций определено глобализацией и цифровизацией общественных систем. В результате развития интернет-технологий научным сообществом активно рассматриваются вопросы возникновения коммуникативно-социального пространства сети Интернет (В.П. Воробьев³, Е.И. Горшко⁴, А.В. Кузьмин⁵, С.В. Малых⁶).

Исследованиям сетевого общества как масштабного, глобального «сетевого проекта» производства знания, задающего вектор развития человечества посвящены научные работы О.Б. Давыдова⁷, М.А. Игнатова⁸, А.В. Тихонова⁹ и др.

Изменения коммуникативного поля молодежи, обусловленные влиянием Интернет-пространства рассматриваются в научных трудах

2 Шевченко А.И. Цифровизация как этап развития общества: философский взгляд // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5 (85). С. 40-44.

3 Воробьев В.П. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху Интернета // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 59-71.

4 Горшко Е.И. Информационно-коммуникативное общество: становление и перспектива развития // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2009. Т. 22 (61). № 1. С. 91-97.

5 Кузьмин А.В. Ценностно-смысловой контекст досугового общения молодежи // Вестник МГУКИ. 2011. № 6. С. 81-85.

6 Малых С.В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312-316.

7 Давыдов О.Б. Диалектика идентичности в условиях глобализации // В мире научных открытий. 2012. №4. С. 133-138.

8 Игнатов М.А. Изменение в сетевом обществе через призму номиналогии и схемологии // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 1 (25). С. 74-87.

9 Тихонов А.В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 14-36.

И.А. Демененко¹⁰, Ю.А. Зубок¹¹, В.И. Чупрова¹², Р.М. Петруновой¹³.

В сентябре-октября 2022 г. кафедрой социологии и управления Белгородского государственного технологического университета (БГТУ им. В.Г. Шухова) проведено социологическое исследование, направленное на диагностику смысловых полей коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет. В качестве метода исследования выступил онлайн-опрос студентов БГТУ им. В.Г. Шухова (n=2000). Выборка анкетного опроса квоотировалась полом и возрастом респондентов, курсом обучения и принадлежностью к институту обучения. Ошибка выборочной совокупности составила 1,78%, при доверительной вероятности 95%.

Изучение видов занятий, которые в большей мере выражены у студенческой молодёжи в процессе нахождения в социальных сетях, показало, что общение является наиболее востребованной потребностью в ходе использования социальных сетей (45,17%). Столь высокий процентный результат объясняется тем, что сегодня молодые люди не видят возможности коммуницирования без использования социальных сетей во всех сферах жизни. Менее актуальными для студентов выступили следующие виды занятий в социальных сетях: просмотр видео (17,78%), просмотр новостей (17,48%), прослушивание музыки (17,23%). Лишь 2,34% респондентов выбирают игры в приоритете использования социальных сетей. Интересное информационное поле составляют открытые ответы студентов о причинах проведенного времени в социальных сетях: работа, «мемы», тренировки, чтение научной литературы, поиск информации, просмотр новостей.

Исследование тематической направленности формулирования запросов студенческой молодёжи в социальных сетях, показало выраженную активность респондентов в поиске информации касательно образования и саморазвития – 64,09% (рис. 1).

Распределение ответов респондентов показывает, почти половина студентов в рамках поисковых запросов в социальных сетях выбирает отдых и развлечение (48,11%). Для студентов также немаловажна информация, получаемая из социальных сетей о спорте и здоровом образе жизни (33,12%). Почти четверть респондентов выражают интерес к тематике за-

10 Демененко И.А., Шавырина И.В. Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2 (21). С. 128-139.

11 Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 18-30.

12 Чупров В.И., Зубок Ю.А. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13-41.

13 Петрунова Р.М., Васильева В.Д., Топоркова О.В. Студенческая молодежь в эпоху цифрового общества // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-1. С. 77-85.

просов о работе и возможностях трудоустройства (24,25%). Вопросы политического характера (22,11%) и культурных ценностей (20,02%) являются менее востребованными у студентов для поиска в социальных сетях.

Отметим, что в большей степени ответы респондентов показали высокий потенциал запрашиваемой информации студенческой молодёжи, направленный на профессиональное и личностное развитие, возможно-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «По какой тематике Вы чаще всего формулируете запросы?».

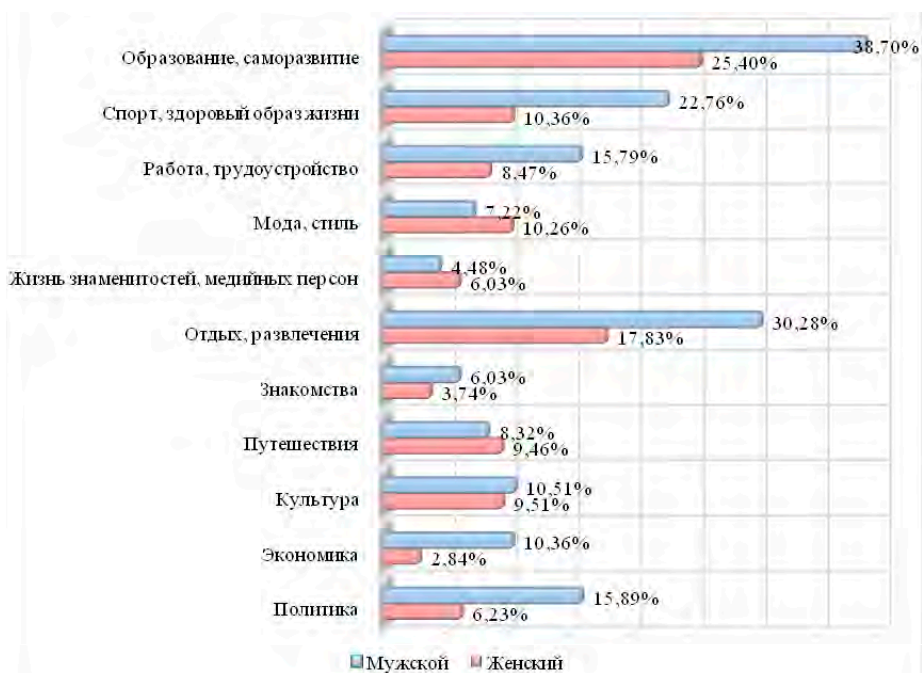

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «По какой тематике Вы чаще всего формулируете запросы?» (распределение по гендерному признаку).

сти проведения досуга, а также формирование здорового образа жизни. В почти равной доле, студенты отметили интерес к поиску информации в социальных сетях о путешествиях (17,78%) и моде, стиле (17,48%). Наименьший процент составили ответы респондентов о таких поисковых запросах в сети интернет как: экономика (13,2%), жизнь знаменитостей, медийных персон (10,51%), знакомства (9,76%). Среди собственных ответов, респондентами отмечены: хобби и творчество, разработка ПО, «мемы», музыка, граффити и стрит арт, новостная лента.

В разрезе гендерной структуры оценки, обращаются к запросам вопросов образования и саморазвития преимущественно парни (60,37%), чем девушки (39,63%), что показывает наибольшую увлечённость парней различными аспектами обучения в вузе, получения дополнительного образования, а также возможностей личностного развития посредством участия в вебинарах, тренингах и т.д. (рис. 2).

Среди поисковых запросов о спорте, здоровом образе жизни, 68,72% составляют студенты мужского пола и 31,28% – студенты женского пола.

Наибольший процент опрошенных парней (65,09%) акцентируют внимание на запросы информации о работе и трудоустройстве, по сравнению с девушками (34,91%).

Вопросы о моде и стиле в большей степени характерны для поисковых запросов девушек (58,69%), чем у парней (41,31%), как и запросы о жизни знаменитостей, медийных персон (57,35%), чем для парней (42,65%).

Интерес в поиске информации об отдыхе и развлечениях в большем процентном соотношении выражен у мужского пола студенческой молодёжи (62,94%), по сравнению с женским полом (37,06%).

Установление знакомств с помощью социальных сетей является наиболее характерным для парней (61,73%), чем для девушек (38,27%).

Интернет-запросы поиска информации о путешествиях, немного больше выражены у девушек (53,22%) по отношению к парням (46,78%).

Интерес к запросам культуры отмечается почти в равном соотношении у парней (52,49%) и девушек (47,51%).

Вопросы экономического характера в значительном процентном соотношении преобладают в поисковых запросах у парней (78,49%), чем у девушек (21,51%), как и вопросы политики (71,85% – парни, 28,15% – девушки).

Оценочный срез исследования запросов респондентов по возрастному признаку показал, что наиболее востребованная информация по тематике образования и саморазвития у студентов возрастной группы 19-20 лет (39,01%). В меньшем процентном соотношении данная тематика интере-

сует студентов возрастных групп 17-18 лет (24,4%) и 21-22 года (23,93%). Менее всего тема образования и саморазвития актуальна для студенческой молодежи в возрасте 23-24 года (7,15%) и 25 лет и старше (5,52%).

Запросы о спорте, здоровом образе жизни в наибольшем процентном соотношении выражены у студентов в возрасте 19-20 лет (40,15%), как и запросы о работе и трудоустройстве (40,04%).

Среди поисковых запросов о спорте и здоровом образе жизни, четверть респондентов составляют студенты в возрасте 17-18 лет (25,11%), немного менее интерес в данной сфере представляется для студентов вуза в возрасте 21-22 года (21,65%). В меньшей степени вопросы спорта и здорового образа жизни интересуют студентов возрастных групп 23-24 года (7,07%) и 25 лет и старше (6,02%).

Наибольший интерес студенческой молодежи в возрасте 19-20 лет (40,04%) вызывает работа, трудоустройство. Данный запрос менее актуален для возрастных групп студентов 21-22 года (28,54%) и 17-18 лет (18,89%). Для студентов возрастных групп 23-24 года (7,8%) и 25 лет и старше (4,72%) информация о работе и трудоустройстве в меньшей степени вызывает интерес.

Актуальность формулировки запросов студентов о моде и стиле характерна для возрастной группы 19-20 лет (38,18%). Немного менее востребованной информацией является для респондентов возрастных групп 17-18 лет (28,49%) и 21-22 года (23,65%). Наиболее малочисленными возрастными группами по запросам информации о моде и стиля выступают 23-24 года (5,13%), 25 лет и старше (4,56%).

Запросы о жизни знаменитостей, медийных персон в большей степени характерны для поиска и анализа информации среди студентов в возрасте 19-20 лет (39,81%). На втором месте возрастная группа 21-22 года и составляет 25,12%. Немного менее интерес в данной сфере отмечается среди респондентов в возрасте 17-18 лет (22,27%). Студенческую молодежь возрастных групп 23-24 года (9%) и 25 лет и старше (3,79%), в наименьшей степени интересую информационные каналы о знаменитостях, медийных персонах.

Схожие данные прослеживаются и по оценке запросов об отдыхе, развлечениях студентов. Так, выраженный процент опрошенных, для которых интересны запросы в интернете об отдыхе и развлечениях составляют студенты в возрасте 19-20 лет (41,53%). Близкие по процентным значениям результаты ответов возрастных групп – 17-18 лет (26,09%) и 21-22 года (23,19%), для которых менее актуален поиск информации в

данной сфере. Как и в ранее рассмотренных запросах, менее заинтересованными возрастными группами в рамках поиска информации об отдыхе и развлечениях являются группы 23-24 года (4,97%) и 25 лет и старше (4,24%).

Тематика запросов студентов в сфере знакомств наиболее актуальная для следующих возрастных групп: 19-20 лет (29,59%), 21-22 года (27,55%), 17-18 лет (23,47%). Менее востребованными запросами в данной области являются для студентов в возрасте 23-24 года (10,2%), 25 лет и старше (9,18%).

В отношении путешествий, первые позиции среди возрастных групп занимают студенты вуза в возрасте 19-20 лет (35,01%). Немного менее интерес к интернет-запросам в данной области проявляют студенты возраста 21-22 год (28,85%). Для возрастных групп 23-24 года (7,28%), 25 лет и старше (8,12%) поиск информации в сети интернет о путешествиях в меньшей степени актуален.

Поиск информации с сети интернет о культуре в большем процентном соотношении характерен для студентов возраста 19-20 лет (39,05%). Почти идентичное распределение ответов респондентов об актуальности запросов в сети интернет о культуре в возвратных группах 17-18 лет (24,38%) и 21-22 года (24,13%). В меньшей степени интерес в поиске различного рода информации о культуре в интернет источниках выражен у респондентов в возрасте 23-24 года (7,21%) и 25 лет и старше (5,22%).

Для студентов в возрасте 19-20 лет наиболее явный интерес в поиске информации составляют вопросы экономики (37,74%). Немного менее четверти респондентов (23,77%) отмечают интерес к запросам об экономике в сети интернет. Менее заинтересованными возрастными группами в рамках поиска информации об экономике являются 23-24 года (11,32%) и 25 лет и старше (7,55%).

Вопросы политики наиболее актуальны в рамках интернет запросов студенческой молодёжи в возрасте 19-20 лет (34,46%). Также поиск информации в сети интернет актуален для возрастных групп 21-22 года (25,90%) и 17-18 лет (20,95%). Менее заинтересованными в поиске политической информации являются студенты в возрасте 23-24 года (9,01%) и 25 лет и старше (9,68%).

Исследование тематики формулируемых запросов студенческой молодёжи в социологическом разрезе курса обучения в университете, показало, что наиболее востребованная информация для поиска в интернет источниках об образовании и саморазвитии является для студентов про-

грамм бакалавриата 1 курса (19,5%), 2 курса (17,05%) и 4 курса (16,16%). Поисковые запросы в данной сфере не актуальны для аспирантов 2 курса (0,85%) и 3 курса (1,09%) обучения, а также для обучающихся по программам специалитета 4 курса (1,09%) и 5 курса (1,09%).

Чаще всего формулируют запросы в сети интернет по тематике спорта и здорового образа жизни студенты программ бакалавриата 1 курса (18,95%), 2 курса (17,29%) и 4 курса (14,44%). В меньшей степени поиск по тематике спорта и здорового образа жизни осуществляют студенты программ специалитета 5 курса (0,90%), аспирантуры 2 курса (1,05%) и 3 курса (1,05%), а также специалитета 4 курса (1,20%).

Вопросам работы и трудоустройства в рамках поиска в сети интернет в большей мере обращают внимание студенты программ бакалавриата 4 курса (20,33%), 2 курса (19,3%) и 1 курса (16,84%). В меньшей степени к поисковым запросам данной тематики обращают внимание обучающиеся по программам аспирантуры 2 курса (0,82%), 3 курса (0,82%) и 1 курса (1,03%), а также программа специалитета 4 курса (1,64%) и 5 курса (1,44%).

Интерес к поисковым запросам по тематике моды и стиля наиболее выражен у студентов программ бакалавриата 1 курса (22,79%), 2 курса (17,66%) и 4 курса (14,53%). Не проявляют особый интерес к данной тематике поиска информации в сети интернет аспиранты 2 курса (0,85%), 3 курса (1,14%), 1 курса (1,42%), а также обучающиеся по программам специалитета 4 курса (1,99%) и 5 курса (1,71%).

Жизнь знаменитостей, медийных персон наиболее актуальна в рамках поиска информации, для студентов программ бакалавриата 2 курса (24,64%), 1 курса (17,06%), 3 курса (14,22%) и 4 курса (13,27%). В меньшей степени данная сфера интересов свойственна аспирантам 2 курса (0,95%), 3 курса (0,95%), а также обучающимся по программам специалитета 4 курса (0,95%).

Оценка поисковых запросов в сети интернет студенческой молодежи по тематике отдыха и развлечений, показывает наиболее выраженный интерес для студентов программ бакалавриата 1 курса (22,26%), 2 курса (18,32%) и 4 курса (15,11%). Наименьший процент поисковых запросов отмечается у аспирантов 1 курса (1,55%), 2 курса (0,93%) и 3 курса (1,35%), а также среди обучающихся по программам специалитета 4 курса (1,55%) и 5 (1,45%) курса.

Тематика знакомств в сети интернет имеет интерес в большей степени для студентов программ бакалавриата 1 курса (21,94%), 2 курса (15,82%). Немного менее выраженный интерес в поиске данного рода информа-

ции отмечается у студентов программ бакалавриата 4 курса (12,76%) и программ магистратуры 1 курса (10,71%). В меньшей степени вопросы знакомств в сети интернет характерны для обучающихся по программам специалитета 2 курса (0,51%), 5 курса (1,53%), а также аспирантов 1 курса (1,53%).

Интерес к поисковым запросам по тематике путешествий наиболее актуален для 1 курса (18,77%), 4 курса (17,37%), 2 курса (15,69%), 3 курса (12,04%). В меньшей степени к поисковым запросам данной тематики обращаются аспиранты 2 курса (1,12%), 3 курса (1,68%), а также обучающиеся по программам специалитета 5 курса (1,68%).

Наиболее часто формулируют запросы в сети интернет по различным вопросам культуры студентов программ бакалавриата 1 курса (21,89%), 2 курса (18,91%), 3 курса (15,17%), 4 курса (14,68%). Не являются актуальными запросы информации, касающиеся культуры для аспирантов 1 курса (1%), 2 курса (0,75%), а также обучающихся по программам специалитета 5 курса (1,24%).

К вопросам экономики в большей степени обращаются с поисковыми запросами в сети интернет студенты программ бакалавриата 1 курса (15,47%), 2 курса (15,85%), 4 курса (15,47%), 3 курса (12,08%). В наименьшем соотношении данная тематика вызывает интерес для поиска информации для аспирантов 2 курса обучения (0,38%).

Поиск информации в сети интернет политической тематики наиболее характерен для студентов программ бакалавриата 1 курса (17,34%), 4 курса (17,34%) и 2 курса (15,54%). В меньшей степени к поисковым запросам данной тематики обращаются аспиранты 2 курса обучения (0,45%).

Распределение ответов респондентов о тематике формулируемых запросов в сети интернет в разрезе институтов обучения, показало, что вопросы образования и саморазвития в большей мере интересуют студентов, обучающихся в Институте энергетики, информационных технологий и управляющих систем (18,96%) и Инженерно-строительном институте (16,47%).

При выяснении наиболее актуальных тематических запросов о спорте и здоровом образе жизни, оказалось, что данная тема в большей степени интересна для студентов Инженерно-строительного института (17,89%) и Института технологического оборудования и машиностроения (17,44%).

Наиболее активный интерес к вопросам работы и трудоустройства отмечается среди обучающихся в Инженерно-строительном институте (18,48%), Институте энергетики, информационных технологий и управ-

ляющих систем (17,66%) и Институте технологического оборудования и машиностроения (16,22%).

Среди наиболее интересующихся тематикой запросов в интернет пространстве о моде и стиле являются студенты Инженерно-строительного института (18,52%) и Архитектурного института (17,66%).

Тематика интернет-запросов о жизни знаменитостей, медийных персон наиболее актуальна для студенческой молодёжи Инженерно-строительного института (17,06%) и Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем (17,06%). Немного менее запросы данного рода интересны для студентов Химико-технологического института (14,69%).

Касательно запросов в сети интернет об отдыхе и развлечениях, отмечается наибольший интерес для студентов Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем (18,53%), Инженерно-строительного института (17,08%), Института технологического оборудования и машиностроения (16,87%).

Тематика знакомств в сети интернет в большей степени отражена в ответах студентов Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем (17,35%), Химико-технологического института (15,31%), а также Института магистратуры (15,31%).

При выяснении наиболее актуальных тематических запросов в интернет пространстве о путешествиях, выяснилось, что данная тема в большей степени интересна для студентов Инженерно-строительного института (16,53%). Немного менее данная тематика в рамках поисковых запросов в сети интернет характерна для студентов Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем (13,73%), Института технологического оборудования и машиностроения (13,45%) и Архитектурного института (12,89%).

Распределение ответов респондентов в рамках поиска информации в интернет пространстве о культуре показывает наибольшую активность среди студентов Инженерно-строительного института (16,42%), Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем (15,92%), Института технологического оборудования и машиностроения (15,67%), а также Архитектурного института (15,17%).

Относительно поиска в сети интернет информации об экономике, наибольший процент запросов отмечается среди студентов Института технологического оборудования и машиностроения (17,36%) и Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем

(16,98%). Немного менее данная тематика вызывает интерес для поиска в интернет источниках для студентов Инженерно-строительного института (14,72%) и Института магистратуры (13,58%).

Запросы, касательно политической тематики в интернет пространстве в большей степени актуальны для студентов Инженерно-строительного института (19,14%), Института энергетики, информационных технологий и управляющих систем (18,47%). Кроме того, чуть меньший акцент на поиск информации по вопросам политики отмечается для студентов Института технологического оборудования и машиностроения (15,99%).

Таким образом, смысловые поля коммуникативных практик студенческой молодежи в сети интернет, как объект социологического исследования, предоставляют большое количество материала для анализа в различных его аспектах, дают возможность апробации смешанных методов исследования и формировании новых подходов, что в свою очередь обогащает социологический инструментарий.

Особую значимость выявленные особенности и взаимосвязи приобретают в контексте обеспечения специалистов, работающих с молодёжью, новым инструментарием оценки и мониторинга настроения и эмоционального состояния молодёжи, процесса социализации, динамики выбора и предпочтений поисковых запросов, характера социальных отношений, моделей поведения и деятельности студенческой молодежи¹⁴.

Вполне закономерно, особый интерес представляет поиск перспектив и выявление новых коммуникативных возможностей Интернета с точки зрения разработки новых образовательных, информационных, политических и других технологий в формировании профессиональной компетентности, гражданской идентичности, социально-правовой и культурной активности будущих специалистов.

Список литературы:

1. Парц О.С. Развитие подрастающего поколения в контексте цифровизации // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. Т. 11. № 5. С. 67-79.
2. Шевченко А.И. Цифровизация как этап развития общества: философский взгляд // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5 (85). С. 40-44.
3. Воробьев В.П., Ретинская В.Н. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху Интернета // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 59-71.
4. Горошко Е.И. Информационно-коммуникативное общество: становление и перспектива развития // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия. Культурология. Политология. Социология». Т. 22 (61). 2009. № 1. С. 91-97.
5. Кузьмин А. В. Ценностно-смысловой контекст досугового общения молодежи // Вестник МГУКИ. 2011. № 6. С. 81-85.
6. Малых С.В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312-316.
7. Давыдов О.Б. Диалектика идентичности в условиях глобализации // В мире научных открытий. 2012. №4. С. 133-138.

14 Тулупьева Т.В., Тулупьев А.Л., Ющенко Н.А. Проявление ценностных ориентаций пользователей социальных сетей в контенте персональных страниц (на примере сети «В Контакте») // Вестник психотерапии. 2014. № 52 (57). С. 37-50.

8. Игнатов М.А. Изменение в сетевом обществе через призму номадологии и схемологии // Наука. Искусство. Культура. 2020. № 1 (25). С. 74-87.
9. Тихонов А.В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. – Вып. 8. – М.: Институт социологии РАН, 2009. С.14-36.
10. Демененко И.А., Шавырина И.В. Ценностно-мотивационные ориентиры студенческой молодёжи // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2 (21). С. 128-139.
11. Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 18-30.
12. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13-41.
13. Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Топоркова О.В. Студенческая молодежь в эпоху цифрового общества // Преподаватель XXI век. 2019. № 1-1. С. 77-85.
14. Тулупьева Т.В., Тулупьев А.Л., Ющенко А.Л. Проявление ценностных ориентаций пользователей социальных сетей в контенте персональных страниц (на примере сети «ВКонтакте») // Вестник психотерапии. 2014. № 52 (57). С. 37-50.

Bibliography

1. Parts O.S. The development of the younger generation in the context of digitalization // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. V. 11. № 5. P. 67-79.
2. Shevchenko A.I. Digitalization as a stage in the development of society: a philosophical view // Society: philosophy, history, culture. 2021. № 5 (85). P. 40-44.
3. Vorobyov V.P., Retinskaya V.N. Figurative and symbolic aspects of the formation of the state identity of youth in the era of the Internet // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2022. № 1. P. 59-71.
4. Goroshko E.I. Information and Communication Society: Formation and Prospects for Development // Uchenye zapiski Taurida National University. IN AND. Vernadsky. Series: "Philosophy. Culturology. Political science. Sociology". T. 22 (61). 2009. № 1. P. 91-97.
5. Kuzmin A.V. Value-semantic context of youth leisure communication. Vestnik MGUKI. 2011. № 6. P. 81-85.
6. Malykh S.V. Formation of virtual identity of university youth // Sociology. 2020. № 1. P. 312-316.
7. Davydov O.B. Dialectics of identity in the context of globalization // In the world of scientific discoveries. 2012. № 4. P. 133-138.
8. Ignatov M.A. Change in the network society through the prism of nomadology and schemalogy // Nauka. Art. Culture. 2020. № 1 (25). P. 74-87.
9. Tikhonov A.V. Russian Society as a New Social Reality and a Metaproject of National Sociology // Reforming Russia. Yearbook. - Issue. 8. - M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2009. P.14-36.
10. Demenenko I.A., Shavyrina I.V. Value-motivational guidelines of student youth // Bulletin of the Institute of Sociology. 2017. V. 8. № 2 (21). P. 128-139.
11. Zubok Yu.A., Chankova E.V. Dynamics of communication values in the communicative space of youth // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2022. № 1. P. 18-30.
12. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Life Strategies of Youth: Realization of Expectations and Social Moods // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2020. № 3 (157). P. 13-41.
13. Petruneva R.M., Vasil'eva V.D., Toporkova O.V. Student youth in the era of digital society // Lecturer XXI century. 2019. № 1-1. P. 77-85.
14. Tulupyeva T.V., Tulupjev A.L., Yushchenko A.L. Manifestation of value orientations of social network users in the content of personal pages (on the example of the VKontakte network) // Bulletin of Psychotherapy. 2014. № 52 (57). P. 37-50.

Узденова Б.Х.

*Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей информатики.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Кочкаров Р.С.

*Старший преподаватель кафедры общей информатики.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Борлакова Ф.А.

*Обучающаяся 2 курса, спец. 09.03.03 Прикладная информатика.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Карабашева Х.И.

*Обучающаяся 2 курса, спец. 09.03.03 Прикладная информатика.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Узденова А.А.

*Обучающаяся 2 курса, спец. 09.03.03 Прикладная информатика.
Северо-Кавказская государственная академия.*

Развитие информационного общества в современных условиях

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, на 2017 - 2030 годы, утвержденная Президентом РФ, определила цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [1]. Определяя информационное общество как многогранный феномен, со сложной структурой, отличающийся определёнными признаками, представители теории информационного общества говорили о нем как о феномене, с существенно новым общественным порядком, в котором в качестве социального источника выделяется информация и знание, а главным считается компьютерная технология. Информационные и коммуникационные технологии оказались частью сов-

ременных управленческих систем во всех отраслях экономики, области государственного управления, обеспечения обороны страны, безопасности и правопорядка [2, с. 99].

Рассматривая процесс развития рынка информационных продуктов и услуг в России, определим его важнейшие элементы, связанные с обслуживанием и использованием новейшей информационной техники, современными компьютерами, обновленной компьютерной сетью и соответствующих им способов переработки данных; нормативным и законодательным сопровождением высокоразвитых отношений на рынке информационных услуг; введением в действие информационно-навигационных средств и структур, которые делают возможным установление необходимых сведений; координацией, на государственном уровне, взаимной связи изготовителей и носителей информационных продуктов. Выделяются бюджетные инвестиции как из федерального бюджета, так и бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, в определенные государством и обществом основные направления формирования и совершенствования информационных и коммуникационных технологий. Организованы национальные технологические платформы онлайн-образования, онлайн-медицины, единая инфраструктура электронного правительства, Национальная электронная библиотека. О влиянии пространственно-временных закономерностей совершенствования информационного общества в России, связанных с пространственной неравномерностью этого процесса, меняющаяся в результате диффузии инноваций из инновационных центров в регионы – «акцепторы» нововведений и информационной сфере пишет А.М. Носонов [3, с. 7]. Управление цифровым развитием регионов предполагает не только и не столько решение вопросов развития и использования цифровых технологий, но и воздействие на условия широкомасштабного и эффективного использования этих технологий. Значимость локальных предпосылок цифрового развития хорошо демонстрируют примеры федеральных компаний по сокращению цифрового неравенства регионов [4, с. 6].

В нашей стране современной тенденцией является реконструкция сетей наземного эфирного пространства путем перехода на цифровые технологии, которые предоставят населению возможность получать многопрограммное вещание высокого качества и окажут значительное влияние на формирование рынков средств массовой информации, взаимодействие и создание российского мультимедийного и радиооборудования, образование и продвижение инфраструктуры производственно-внедренче-

ских, сбытовых и сервисных организаций, совершенствование малого и среднего предпринимательства и расширение конкуренции в этой сфере.

К основным признакам информационного общества исследователи предлагают отнести: понимание обществом первостепенности информации перед другим результатом деятельности человека; признание информации первоосновой всех направлений жизнедеятельности человека; явление информация продуктом деятельности человека и предметом купли продажи; равные возможности в доступе к информации всех слоев населения; обеспечение безопасности информационного общества и информации; гарантирование защиты интеллектуальной собственности; взаимосвязь всех структур государства и государств между собой на основе информационно-компьютерных технологий; регулирование информационного общества со стороны государства и общественных организаций [5, с. 37].

Электронные средства массовой информации, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети «Интернет», стали частью повседневной жизни россиян. Интернет представляется как предельно доступный, из всех средств связи, канал, с развитым функционалом коммуникации; системой государственной регуляции и контроля поведения должностных лиц, с механизмом получения объективной обратной связи через Интернет в диалоге общества и власти, с возможностью избавления от всевозможных посредников [6, с. 127].

Интернет имеет такие уникальные характеристики как: глобальность – предоставление немедленного доступа к мировым данным; рассредоточенность – недоступность проверки, которая возможна на телевидении и радио; не соединенность – местоположение, позволяет опубликовывать сведения вне проверки правительством; доступность – небольшие барьеры к открытости, невысокая стоимость образования и передачи информации; неограниченность – безграничная реальность сохранять информацию; инфраструктурную независимость – не связанность ни с одной инфраструктурой, кроме провайдеров Интернета; подконтрольность пользователю – возможность пользователя проверять информацию, приходящую на компьютер и выходящую из него; интерактивность – диалог человека с другим человеком, человека с многими людьми и их диалог с одним человеком в режиме реального времени; синхронность – общение в режиме реального времени; асинхронность – возможность отложенного взаимодействия. Граждане, осведомленные о преимуществах получения информации, приобретения товаров и получения услуг с использованием

сети «Интернет», также имеют возможность получать финансовые услуги в электронной форме, онлайн-образование, услуги онлайн-медицины, электронных библиотек, государственные и муниципальные услуги.

Тем не менее, именно с использованием сети «Интернет» все чаще совершаются компьютерные атаки на государственные и частные информационные ресурсы, на объекты критической информационной инфраструктуры. О Программе цифровизации экономики, которая ведёт к полному переформатированию всех сфер жизни российского общества и адаптации отдельного человека к условиям быстро меняющегося мира, внешней среды, принятию вызовов и угроз неопределенности и риска, неизбежно сопровождающие человека на протяжении всей его жизни отмечают в своих работах исследователи [7, с. 1313].

Создание условий для формирования пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствование механизмов распространения знаний, их применения на практике в интересах личности, общества и государства является одним из приоритетов государственной информационной политики, развития информационного общества, устойчивого экономического роста государства и повышения качества жизни граждан в условиях глобализации мировой экономики.

Список литературы:

1. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Официальный Интернет-портал правовой информации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (Дата обращения: 09.01.2023).
2. Потеряева Б.П., Третьяк Н.В. Особенности инновационного развития Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2016. № 6. С. 97-105.
3. Носонов А.М. Типология уровня развития информационного общества в России // Современные проблемы территориального развития. 2017. № 1. С.7.
4. Шапошник С.Б. Факторы цифрового развития регионов России: статистическое исследование // Информационное общество. 2022. № 6. С. 7-17.
5. Гурфова Р.В., Шумахова К.С. Развитие информационного общества в России // Научные известия. 2019. № 15. С. 36-39.
6. Шарков Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2. С. 127.
7. Городнова Н.В., Самарская Н.А. Проблемы современного человека и качество его жизни в цифровой экономике // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 7. С. 1313-1328.

Bibliography

1. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203. Official Internet portal of legal information // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (01.09.2023).
2. Poteryaeva B.P., Tretyak N.V. Peculiarities of innovative development of the Russian Federation // Bulletin of ChelGU. 2016. № 6. P. 97-105.
3. Nosonov A.M. Typology of the level of development of the information society in Russia // Modern problems of territorial development. 2017. № 1. P.7.
4. Shaposhnik S.B. Factors of Digital Development of Russian Regions: Statistical Research // Information Society. 2022. № 6. P. 7-17.
5. Gurfova R.V., Shumakhova K.S. Development of the information society in Russia // Scientific news. 2019. № 15. P. 36-39.
6. Sharkov F.I. Political communication in the modern information society // PolitBook. 2012. № 2. P. 127.
7. Gorodnova N.V., Samarskaya N.A. Problems of modern man and the quality of his life in the digital economy // Creative Economy. 2019. Volume 13. № 7. P. 1313-1328.

А

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета*

Российский государственный социальный университет

Дианов С.А.

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры Государственного управления и истории,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет;
профессор кафедры частного права, Пермский институт ФСИН России.*

Базарьева Л.П.

*Аспирант кафедры Государственного управления и истории,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет.*

Кобяков А.В.

*Аспирант кафедры Государственного управления и истории,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет.*

Геобрендинг для угасшей территории: стратегии продвижения культурного наследия на муниципальном уровне

В XXI веке историческая событийность активно использовалась представителями креативных профессий в процессе разработки пилотных сценариев брендинга российских поселений. При этом можно фиксировать вполне осознанное отношение акторов в понимании существенных различий данной категории в сравнении с историческим наследием. Последнее представляется строго выверенным, основанным на исторических источниках, культурным текстом территории – региона, города, села. Событийность же, как правило, привязана к гениям места или масштабным сюжетным событиям, представляющим ценность для городского или сельского поселения своей неоднозначной, легендарной и побуждающей к эмоциональному сопереживанию «аурой». Как отмечает известный специалист в сфере брендинга Д.Н. Замятин, созданные местными сообществами или внешними акторами события, позволяют понять развивается ли пространство поселения в культурном смысле: расширяется ли оно или сужается¹.

В кругу экспертов сферы брендинга территорий отчётливо видны

¹ Замятин Д.Н. Геокультурная региональная политика и геокультурный брендинг территории: концептуальные схемы исследования // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 24 апреля 2015 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 31.

устремления прочно привязать историческую событийность к символам природных богатств. Так символика недропользования довольно активно используется в брендировании средних и малых уральских промышленных городов². Не для кого не секрет, что знаково-символические репрезентации полезных ископаемых (уголь, соль, медь, титан, никель, алмазы и др.) формулируются в концепт-идеях геобрендов только в позитивном ракурсе. При этом основной упор делается на культивировании у людей нужных ассоциаций посредством создания аттрактивного образа «местечковой» идентичности (Верхняя Пышма – «медная столица России», Верхняя Салда – «титановая столица России», Соликамск – «соляная столица России», Верхний Уфалей – «никелевая столица Урала» и др.). Данный подход характерен для стратегии брендирования поселений в рамках теории маркетинга и брендинга мест. Самым узнаваемым направлением здесь выступает экономика впечатлений в методологических традициях западной социальной науки [5]. В РФ сюжетные мотивы экономики впечатлений презентуются в контексте индустрии гостеприимства (туризм и гостиничное дело). Соответственно ключевыми целями брендинга поселений объявляется достижение следующих показателей:

- стабильный прирост количества туристских прибытий / экскурсионных посещений;
- повышение спроса на туристические товары и услуги;
- рост прибыльности организаций гостиничного бизнеса;
- расширение в поселениях гостиничной сети и сервисных услуг;
- вовлеченность местных культурных институций в коммерциализацию имиджевых ресурсов территории;
- увеличение количества представителей креативного класса, прирост предпринимательских инициатив от данной категории лиц.

Создание туристской дестинации – наиболее значимая цель брендинга поселений в русле экономики впечатлений³. Малые города и крупные сельские поселения, обладающие богатой исторической событийностью и имеющие необходимые ресурсы для развёртывания индустрии гостеприимства (транспортные, сервисные, культурные и др.), имеют высокие шансы для практической реализации вышеуказанных целей брендинга. Вместе с тем, очень непростым вопросом является тема разработки сценариев продвижения исторической событийности для *угасших поселе-*

2 Кирьянов И.К, Назукина М.В. Символика недропользования в современной геральдике и брендинге уральских городов // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2020. № 2. С. 76-88.

3 Кирьянова Л.Г. «Туристская дестинация» как комплексный концепт и ключевой элемент туристской системы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 131-136.

ний. Под данным явлением предлагается понимать актуальное состояние территории, природно-культурный ландшафт которой фактически утратил существовавший когда-то в прошлом притягательный визуально-эстетический облик. О былой славе поселения нужные сведения можно почерпнуть из сюжетов, содержащихся в легендарных преданиях о богатстве недр. Руководствуясь этим определением, представляется логичным выделить *два основных типа* угасших поселений, которые интересуют ведущих исследователей сферы территориального брендинга:

1) поселения с кардинально изменившимся вследствие антропогенной деятельности природным ландшафтом, которые в период индустриальных преобразований в СССР оказались ликвидированы с целью размещения на их месте масштабных производственных объектов для нужд народного хозяйства (например, пермские города Дедюхин и Лёнва – центры соледобычи в XVII – XIX вв., были затоплены при возведении Камского водохранилища – КамГЭС);

2) поселения с существенно изменившимся вследствие антропогенной деятельности природно-культурным ландшафтом, существование которых в настоящее время поддерживается во многом за счёт созидательной, подвижнической деятельности населения (например, моногорода Свердловской области).

Считаем необходимым привести конкретные примеры того, как сегодня в сюжетных мотивах экономики впечатлений проектируются геобренды для угасших уральских поселений.

Один из современных ярких примеров – «Горный город Дедюхин». В масс-медиа Дедюхин, история которого ведётся с XVII века, называют «уральской Атлантидой»⁴. Несколько веков здесь располагался крупный центр соликамских соляных промыслов. Именно солеварение обеспечило Дедюхину образ местечковой «столицы солеваров» фактически вплоть до начала XX века. Затем соледобыча была прекращена, статус заштатного города утерян после 1918 г. Известно, что в 1952 г. при строительстве Камского гидроузла в ходе заполнения водой Дедюхин и его окрестности оказались затопленными. Вновь о Дедюхине заговорили в XXI веке. Так, в 2011 г. приказом № 39-Р Росохранкультуры Минкультуры РФ был зарегистрирован объект культурного наследия регионального значения «Дедюхин горный город» в едином государственном реестре объектов культурного наследия народов России⁵. Г.А. Янковская обрати-

4 Уральская Атлантида – город Дедюхин. // URL: <https://dzen.ru/a/X22xbUSdB2hW3eXm> (Дата обращения: 29.01.2023).

5 Приказ Росохранкультуры от 30.05.2011 № 39-Р «О регистрации объекта культурного наследия ре-

ла внимание на то обстоятельство, что решение включить «находящиеся под водой руины» Дедюхина было принято пермскими властями исходя из экономической целесообразности: затопленному городу отводилось важное место в проектах по развитию туризма в регионе⁶. Вскоре данное предположение нашло практическое подтверждение. Окрестности угасшего города были включены в краевой проект «Усолье Строгановское». «Наша задача – создать туристический объект, который привлечёт гостей со всей страны», – объявил губернатор Пермского края Д.Н. Махонин весной 2021 г.⁷ Воссоздание визуально-привлекательного для туристов и экскурсантов исторического облика Дедюхина было решено проводить с применением современных технологий виртуальной реальности. Следующим шагом стало проведение ряда тематических культурных мероприятий.

В декабре 2021 г. и 2022 г. в Перми, Усолье и Березниках проводился фестиваль культурного наследия «Горный город». В роли организаторов фестивальной программы выступили пермский дом народного творчества «Губерния», березниковские муниципальные власти и представители музея-заповедника «Усолье Строгановское». На основании проведённого анализа содержания фестивальных программ и событийной сюжетности выделим основные составляющие концепт-идеи бренда «Горный город».

Во-первых, главный акцент был сделан на созвучии сочетания: «Горный город» = «Гордый город». Креативная команда, работавшая над концепт-идеей, заимствовала название «Горный город» из одноименного произведения Д.М. Петухова (1819 – после 1884), бывшего врача больницы Дедюхинского соляного правления в 1840 – 1850-х гг.⁸ В предисловии к книге он использовал широко практикующийся в среде писателей той эпохи литературный приём: заострить внимание читателя на какой-либо проходной теме, не влияющей на последующее сюжетное повествование. В результате появилась следующая фраза: «в XIX в. город был подчинён Департаменту горных и соляных дел имперского Минфина, не зависел в Пермской губернии ни от кого». Именно этот проходной сюжет и был использован разработчиками концепт-идеи

гионального значения «Дедюхин горный город» в едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ». // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosokhrankultury-ot-30052011-n-39-r-o-registratsii-obekta/> (Дата обращения: 29.01.2023).

6 Янковская Г.А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 126.

7 Губернатор: Усолье Строгановское может стать местом притяжения туристов со всей страны / Сайт губернатора и Правительства Пермского края. 2021 г., 30 апреля. // URL: <https://admin.permkrai.ru/news/dmitriy-makhonin-usolie-stroganovskoe-mozhet-stat-mestom-prityazheniya-turistov-so-vsey-strany/> (Дата обращения: 28.01.2023).

8 Петухов Д.М. Горный город Дедюхин и окольные местности / [Соч.] Дм. Петухова. Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1864. 217 с.

бренда «Горный город» в XXI веке.⁹ Другие, более серьёзные содержательные темы, поднимавшиеся Д.М. Петуховым в этой и других книгах, посвящённых повседневной жизни и благополучию населения г. Дедюхина в XIX веке, оказались не востребованными. Например, врач-писатель не скрывал своего возмущения по поводу ежегодных наводнений в городе, вызывавших сильные подтопления производственных и жилых помещений на срок до двух месяцев. Кстати, ответственность за эти бедствия он возлагал на владельцев солеварен и местные власти, не проводивших осушительных и укрепительных работ¹⁰. Кроме того, Д.М. Петухов выступал в роли свидетеля пагубного влияния душливого соляного климата на здоровье жителей Дедюхина.

Во-вторых, историческая событийность Дедюхина в бренде «Горный город» была резко ограничена символикой соледобычи и солеварения. Роду пермских купцов Строгановых отводилась роль гения места. Строгановская соль прославила Дедюхин, его окрестности на всю страну. При этом туристу мало знать только об этом. Более важным представляется демонстрация реконструированных технологии солеварения. Поэтому в фестивальной программе «Горный город – 2022» концептуальное обоснование бренда было воспроизведено по следующей образной формуле:

Соль как природное богатство + Дедюхин носил гордое звание «Горный город» = «Горный город» как геобренд => Живая история:

- *Варница в действии /*
- *Заводские звуки /*
- *Музыка души»¹¹.*

Нельзя не заметить, что в данном случае не видно даже намёка на реальные исторические события, происходящие в «соляном» городе. Свидетелем удручающей ситуации в Дедюхине, Лёнве и других поселениях выступил знаменитый писатель В.И. Немирович-Данченко (1844 – 1936), побывавший в 1875 г. в окрестностях заштатного города. В его описании тружеников строгановских солеварен очевидно неподдельное изумление. «Бедность непокрытая», «волы в образе человеческого», «обречённые люди», «соляные слёзы» – эти и другие образные выражения писатель вывел из лично увиденных ужасающих условий труда, дающего природное богатство – соль¹².

⁹ Фестиваль культурного наследия «Горный город». // URL: <https://mk.permkrai.ru/novosti/?id=279773> (Дата обращения: 28.01.2023).

¹⁰ Николаев Ю.К. Горный город Дедюхин Пермской губернии // Географический вестник. 2014. № 3 (30). С. 119.

¹¹ «Горный город»-2022. Фестиваль культурного наследия. // URL: <https://domgubernia.ru/gornyj-gorod-2022/> (Дата обращения: 28.01.2023).

¹² Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: очерки и впечатления / Отв. ред. Е.Г. Власова. СПб.: Маматов, 2021. С. 99-107.

В-третьих, геобренд «Горный город» = «Гордый город», очевидно, предназначается к использованию только в рамках реализации более масштабного проекта территориального брендинга «Усолье Строгановское». Именно поэтому в фестивальных программах «Горный город» упор был сделан на конструирование собирательного образа поселений Усольского края («горнозаводская культура»), а не конкретно городу Дедюхину. Имея в виду и то обстоятельство, что за основу фирменного знака «Усолья Строгановского» была взята буква «У», стилизованное изображение которой по мнению его создателей символизирует топографическую особенность Усолья – очертания изгиба р. Камы, можно заключить превалирование дизайнерского подхода, использующегося в маркетинговых схемах брендинга территорий¹³.

Таким образом, в практической реализации проекта территориального брендинга «Усолье Строгановское» реальную заинтересованность проявляют акторы сектора экономики впечатлений. Проектные прогнозы ожидаемой прибыли от роста туристического потока выступают двигателем к созданию туристической дестинации на исторических землях Верхнекамья. Руины «гордого» Дедюхина решено использовать в лучших зарубежных традициях презентации локальной идентичности. В геобренде «Горный город» = «Гордый город» не трудно обнаружить и идейное влияние теории креативного действия (Р. Флорида, Ч. Лэндри и др.)¹⁴. Названные аспекты существенно повышают риск «креативного провала» по мотивам сюжетов из истории «пермского культурного проекта» (2008 – 2012) [3]. Тогда брендинг Перми как «культурной столицы» Европы не дал весомого притока туристов, акторы индустрии гостеприимства не получили желаемую прибыль, а лица, входившие в команду губернатора О.А. Чиркунов, пытались объяснить причины этого провала тем, что в Перми исторически сложился «какой-то особенный человеческий тип, с которым было совсем не просто взаимодействовать»¹⁵. Выразим мнение о том, что креативный потенциал геобренда «Горный город» может быстро истощиться вследствие даже не столь существенных отклонений от заявленных целей в процессе практической реализации проекта «Усолье Строгановское». В этом случае потребуется обязательное обращение уже

13 См.: Состоялась презентация фирменного стиля и логотипа историко-архитектурного комплекса «Усолье Строгановское». // URL: <https://adm-brz.ru/press-tsentr/sostoyalas-prezentatsiya-firmennogo-stilya-i-logotipa-istoriko-arkhitekturnogo-kompleksa-usole-strog/> (Дата обращения: 29.01.2023).

14 Дианов С.А., Дианова Ю.В. Геокультурный потенциал пермского города: стратегия, бренд, дизайн. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2022. С. 34-45.

15 Овчинникова Н.Н. Интервью с Эдуардом Бояковым: «Мы все в этом проекте были сталкерами» // Соль: журнал. 2011, август. № 6 (9). С. 20.

не к символично-легендарной сюжетности, а к фактической истории Дедюхина и его окрестностей.

Второй пример – проектные инициативы по геобрендингу г. Карпинска Свердловской области. Данное городское поселение представляется логичным отнести ко *второму типу* угасших территорий. История поселения берет начало во второй половине XVIII века, когда в окрестностях Верхотурского уезда были открыты месторождения медной руды. С железорудного дела начался динамичный рост освоения природных ископаемых территории¹⁶. В XX веке символом природного богатства поселения стал бурый уголь. Богословское буроугольное месторождение стало крупнейшим поставщиком угля в РСФСР. Весной 1941 г. рабочий посёлок шахтёров был преобразован в город областного значения Карпинск. В 1947 г. угольные предприятия в его окрестностях были объединены в государственный союзный трест «Вахрушевуголь». До начала 1960-х гг. население Карпинска росло быстрыми темпами, развивалась социальная инфраструктура. «Карпинск жил, рос, держался на могучих плечах «Вахрушевугля» – в этом образе отражалась социокультурная событийность городского поселения на пике развития (1940 – 1960-е гг.)¹⁷. Однако всё возрастающие темпы угледобычи вскоре привели к истощению ресурсов. Уже на рубеже 1960 – 1970-х гг. на всесоюзном уровне властным инстанциям приходилось решать непростые вопросы, связанные с ликвидацией неперспективных угольных предприятий. Сокращение объёмов добычи угля приводило к переводу рабочих и их семей на другие предприятия урало-сибирского макрорегиона. Вследствие этого, к 1970 г. население Карпинска сократило до 38 тыс. чел. (в 1959 г. в городе проживало около 50 тыс. чел.). Об угрозе угасания городского поселения, его «обезлюдивания», свидетельствуют содержание писем местных партийных и профсоюзных деятелей в ЦК КПСС и Совет Министров СССР [1, с. 171]. Вместе с тем, союзные власти, не спешили принимать каких-либо судьбоносных решений. Угольные разрезы подлежали постепенному затоплению. Как отмечает С.А. Баканов, до конца 1980-х гг. никаких практических шагов по перепрофилированию «моногородов» Свердловской области так и не было принято. Проблемы загонялись вглубь, их решение откладывалось, что «естественно ввергало шахтёрские поселения Урала в состояние депрессии»¹⁸.

16 Мазур Л.В. Север Свердловской области в XX в.: модели развития, системы расселения // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 174.

17 См.: «Карпинск жил, рос, держался на могучих плечах «Вахрушевугля». // URL: <http://karpinsk.info/gorod/istoriya-karpinska-karpinsk-zhil-ros-derzhalsya-na-moguchih-p/> (Дата обращения: 29.01.2023).

18 Баканов С.А. Проблемы ликвидации неперспективных предприятий угольной промышленности Урала в 1960–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 171.

В 1990-е гг. угольные предприятия Карпинска переживали последний период своего существования. Остатки угля добывались до начала XXI века. В 2003 г. АО «Вахрушевуголь» вошло в государственную программу реорганизации и ликвидации особо убыточных шахт и разрезов. В 2014 г. Карпинск вошёл в число российских моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением¹⁹. Численность населения города к 2022 г. составила порядка 25 тыс. чел. Нельзя не заметить, что сегодня Карпинск входит в группу муниципальных образований Свердловской области с наиболее высоким уровнем онкологической заболеваемости населения. По сведениям И.Л. Манжурова, городское поселение расположено в пределах эколого-радиохимической зоны, радоновый потенциал которой оценивается как «высокий». Поэтому причины раковой болезни связывают с действием радона, содержащимся в воздухе жилых помещений²⁰. Экологи и гражданские активисты на протяжении последних нескольких лет высказывают озабоченность последствиями затопления угольных шахт и разрезов. На месте гигантского карьера, в непосредственной близости к городской черте, образовалось «Карпинское море». Летом 2014 г. размеры искусственного водоёма уже достигали более 5 км в длину, ширина – до 2,5 км, глубина – местами до 180 м.²¹ Уровень воды с каждым годом поднимается, а в весенний период времени вода с карьера подтапливает городские улицы.

Дискуссии о том, что малому городу нужны стратегии брендинга, как правило, поддерживаются местными культурными институтами [2]. Администрация города придерживается тактики реализации небольших проектов по преобразованию городского облика в русле экономики впечатлений и преимущественно за счёт получения субсидий из регионального бюджета. Так в 2019 г. состоялся запуск проекта гостевого маршрута по центру города, открылась зона отдыха «Комсомольский парк», проводились работы по реконструкции парка бывшего Дома культуры угольщиков. В отношении «Карпинского моря» власти объявили о намерении создать на поверхности водной глади садков для рыбоводческого хозяйства по разведению форели²². В данной инициативе можно

19 Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р об утверждении Перечня монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). // URL: <http://government.ru/docs/all/92337/> (Дата обращения: 29.01.2023).

20 Манжуров И.Л. Перспективы использования методов многофакторного анализа при решении задач в области медицинской экологии // Экология и защита окружающей среды: сб. тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 марта 2014 г. Минск, 2014. С. 166–169.

21 Карпинское море: большая жизнь осталась на дне и в прошлом // Вечерний Карпинск. 2014. 29 июня. // URL: <https://vkarpinsk.info/novosti/karpinskoe-more-bolshaya-zhizn-ostal-as-na-dne-i-v-proshlom/> (Дата обращения: 29.01.2023).

22 Бабушкина Ю. Карпинск: прорыв после затишья // Облгазета.ru.2019. 2019. 24 декабря. // URL: <https://www.oblgazeta.ru/politics/municipalities/103532/> (Дата обращения: 29.01.2023).

разглядеть попытку заявки на продвижение эко-бренда для поселения.

Вместе с тем, среди уральских исследователей распространено мнение о том, что индустриальное наследие для такого типа городов не целесообразно рассматривать в роли культурного маркера для геобрендинга. К.Д. Бугров указывает, что поселения, так «причудливо размещённые около своих шахт, с чрезвычайно запутанной, полицентрической городской структурой», практически не имеют шансов даже в рамках индустрии гостеприимства реализовать стратегию брендинга в сюжетных легендарных мотивах о стране мастеров-умельцев и камнерезов²³. Принимая это во внимание, в свою очередь выделим одну из последних инициатив творческого коллектива Карпинского краеведческого музея.

8 декабря 2022 г. на региональной научно-практической конференции «Урал в советский период. 1922-1991 гг.», организатором которой выступил Верхотурский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, сотрудницей карпинского музея Н.В. Куткиной был представлен доклад «Город на угле (Богословское угольное месторождение)». Главный акцент был сделан на формулировании ценностно-смысловых позиций перспективного для г. Карпинска и его окрестностей геобренда «Город на угле». В ходе состоявшейся беседы С.А. Дианова с Н.В. Куткиной установлено, что геобренд будет продвигаться силами культурных и образовательных организаций городского поселения. Работы по цифровизации экспонатов краеведческого музея, онлайн-музейные презентации и серии короткометражных документальных фильмов о тружениках-шахтёрах имеют характерную нацеленность на продвижение виртуальных экскурсий [6]. Ожидаемые результаты от продвижения геобренда определены параметрами качественного роста показателей экскурсионной деятельности, расширение локаций для арт-объектов и фестивальных событий.

Выскажем авторскую оценку по данной проектной идее. Представляется, что в перспективной стратегии геобрендинга Карпинска не следует делать ставку исключительно на образно-символические репрезентации угля, угольного разреза или шахты. Историческая событийность трудового подвига шахтёров, безусловно, остаётся важной страницей в истории городского поселения. Однако надо иметь в виду и категории горожан, а также гостей города, которые относятся к «угольному» прошлому города довольно скептически. Противоречивые эмоции продолжает вы-

²³ Бугров К.Д. Такакие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в центральном старотекстильном ареале и уральском регионе // LABYRINTH. Теории и практики культуры. 2021. № 1. С. 57-58.

зывать и «Карпинское море», и характерные «ветродуи», и высокий уровень «отходничества» (отток трудоспособного населения в другие города региона). Приведём пример отзыва Юрия Язовских, известного своими заметками по антропологии городского пространства: *«Несмотря на проблемы с водой из карьера, для местного населения лучше иметь под боком водоём, а не гигантский угольный разрез. Нетрудно предположить, что на протяжении большей части 20 столетия добыча угля в городе самым отрицательным образом сказывалась на здоровье карпинцев <...> В 21 веке ситуация в Карпинске по сравнению с советскими временами явно улучшилась. Уголь в городе перестали добывать 20 лет назад, городские котельные переведены на газ, крупных промышленных загрязнителей в Карпинске нет <...> Трамваев в городе давно нет, пассажирская железнодорожная станция закрылась, про колесо обозрения в городском парке помнят только старожилы. Город доживает свой век, и местные жители не могут этого не ощущать. Даже меня охватывает тоска, когда я оказываюсь в таких городишках...»²⁴.*

Опираясь на приведённые материалы, представим обоснование востребованности применения в отношении угасших территорий методологии геокультурного подхода, ядром которого выступает теория геокультурного брендинга городов и территорий [4]. Кратко суть геокультурного брендинга для угасших поселений возможно изложить в следующих тезисах:

1) геокультурный брендинг позволяет широко развернуть механизмы мемориального активизма, консолидировать в этом направлении деятельность институций и людей, занимающихся культуротворческой деятельностью;

2) геокультурный брендинг реализуется на очевидной естественной базе – геокультуре угасшего поселения, которая запечатлена в исторических, художественных, поэтических, психологических образах;

3) в процессе геокультурного брендинга ресурсы геокультуры угасшего поселения преобразуются в имиджевые ресурсы, их продвижение в виде полезных продуктов способствует выведению ярких образов геокультуры;

4) образы угасшей геокультуры – это ресурс для репрезентации в результатах собственной культуротворческой деятельности и в изделиях, адресуемых субъектам «внешнего мира»;

²⁴ Язовских Ю. Карпинск. Время дожития // Проза. 2019. // URL: <https://proza.ru/2019/07/15/1341> (Дата обращения: 29.01.2023).

5) геокультурный брендинг угасших поселений ориентирован на динамичное взаимодействие всех его участников, расширению поля для их непосредственных контактов;

6) геокультурный брендинг даёт возможность также существенно ускорить социокультурное развитие близлежащих к угасшей территории населённых пунктов;

7) геокультурный брендинг – это и результаты интеллектуальной деятельности авторских коллективов, создающих проекты геокультурных брендов и стратегий геокультурного развития не в коммерческих целях, а для развития идентичности территориальных сообществ, и создания событий, которые актуализируют геокультурный образ территории.

По этим и другим позициям геокультурный брендинг отличается от экономики впечатлений. Сегодня важнее всего сосредоточить усилия на продвижении геокультурных образов Дедюхина и Карпинска, в которых бы нашли отражение не только конкретно-исторические факты из жизни поселений в их плотной привязке к знаково-символическим репрезентациям «соли» и «угля», но сюжетные мотивы созидательной, подвижнической деятельности населения, воплощаемые, в том числе, посредством обращения к современным практикам мемориального активизма.

Список литературы:

1. Баканов С.А. Проблемы ликвидации неперспективных предприятий угольной промышленности Урала в 1960–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 169-174.
2. Бугров К.Д. Ткацкие станки и доменные печи: культурный потенциал индустриального наследия в центральном старотекстильном ареале и уральском регионе // LABYRINTH. Теории и практики культуры. 2021. № 1. С. 52-64.
3. Дианова Ю.В. «Пермский» стиль как культурный проект и выражение региональной идентичности // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11-1 (65). С. 18-20.
4. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.
5. Лэндри Ч. Креативный город = The creative city. М.: Классика – XXI век, 2011. 399 с.
6. Шихова О.Н. Роль виртуального музея в переосмыслении историко-культурной памяти малого города // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши = Krajobrazy pamięci małych miast Rosji i Polski: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 167-178.

Bibliography

1. Bakanov S.A. Problems of Liquidation of Unpromising Enterprises of the Ural Coal Industry in the 1960s–1980s // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2012. № 4 (19). P. 169-174.
2. Bugrov K.D. Weaving looms and blast furnaces: the cultural potential of the industrial heritage in the central old textile area and the Ural region // LABYRINTH. Theories and practices of culture. 2021. № 1. P. 52-64.
3. Dianova Yu.V. "Permian" style as a cultural project and expression of regional identity // International Research Journal. 2017. № 11-1 (65). P. 18-20.
4. Zamyatin D.N. Geocultural branding of cities and territories: from theory to practice. A book for those who want to design and create other spaces. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 668 p.
4. Lavrenova O.A. Space and Meanings: The Semantics of the Cultural Landscape. Moscow: Heritage Institute, 2010. 330 p.
5. Landry C. Creative city = The creative city. M.: Classics – XXI century, 2011. 399 p.
6. Shikhova O.N. The role of a virtual museum in rethinking the historical and cultural memory of a small town // Memorable landscapes of small towns in Russia and Poland = Krajobrazy pamięci małych miast Rosji i Polski: a collection of scientific papers. Yekaterinburg: Publishing House Ural. un-ta, 2022. P. 167-178.

Старостенков Н.В.

*Доктор исторических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».*

Советско-германский договор о ненападении (1939 г.): взгляд сквозь призму принципов внешней политики стран Запада

Введение

Заявление бывшего Федерального канцлера Германии Ангелы Меркель о реальной роли Минских соглашений (2014 года), вполне ожидаемо произвело в Российской Федерации эффект разорвавшейся бомбы. Не осталось оно без внимания и мирового сообщества, которому в очередной раз были продемонстрированы «особенности» европейской дипломатии.

Однако проблема доверия как политическим декларациям западных стран, так и подписанным с ими международным правовым актам, родилась не сегодня и существует достаточно давно.

Об этом, в относительно далеком 2018 году писал председатель Комиссии Совета Федерации по информационной политике А.К. Пушков: «Обман, которому мы всякий раз так изумляемся, ... во внешней политике западных стран является нормой. ... — это один из важнейших приемов во внешней политике, особенно в англосаксонском мире, где не считается зазорным обмануть контрагента, а тем более противника. Если ты сумел обмануть противника, то ты его переиграл!» [4].

В связи с этим становятся ясны и понятны и другие «приемы» западной дипломатии, опирающиеся на их исконные «принципы» внешней политики.

Так страны Запада, без зазрения совести, всякий раз разворачивают хорошо управляемую, отрепетированную и согласованную кампанию, стремясь под надуманными предложениями дискредитировать субъект международного права, если он пытается разоблачить их попытки дипломатического обмана.

В случаях твердого намерения того или иного государства (не относящегося к числу стран «коллективного Запада»), добиваться выполнения заключенных ранее договоров и соблюдения своих государственных ин-

тересов, страны Запада не брезгают выдвиганием беспочвенных обвинений в совершении оппонентами тяжких международных преступлений и даже самовольно определяют «меру пресечения» - накладывают санкции.

Примерами такой тактики являются, например, обвинения Российской Федерации в гибели Малазийского боинга или продление санкций против нашей страны из-за «невыполнения Россией минских договоренностей» [см.: 3].

Методы

Объектом настоящего исследования являлся Советско-германский договор о ненападении (1939 г.).

В качестве гипотезы автором выдвинуто утверждение, что борьба вокруг оценки Советско-германского договора о ненападении носит идеологический характер, представляет собой одну из форм «идеологической войны» против Российской Федерации, в которой широко применяются разнообразные «средства» из арсенала западной дипломатии и пропаганды.

Методологическую базу данной работы составили общепринятые принципы и методы научного исследования и прежде всего, принципы историзма, детерминизма, социального подхода, методологического плюрализма и др. и, основанные на них методы исследования, которые позволили решить основные задачи исследования:

- показать, что проблема доверия мирового сообщества к внешней политике стран «коллективного Запада» существует длительное время и носит объективный характер;

- доказать, что такие средства, как умышленное введение в заблуждение своих оппонентов, их дискредитация являются неотъемлемой частью системы принципов и методов западной дипломатии и пропаганды;

- показать, что Советско-германского договор о ненападении (1939 г.), соответствовал национальным интересам Советского Союза, способствовал созданию напряженности в отношениях между Германией и Японией, позволил использовать часть экономического потенциала Германии для укрепления оборонной мощи Советского Союза, отсрочил ее нападение на СССР;

- доказать, что глобальные процессы, разворачивающиеся в современном мире, требуют оценки происходящих событий во всей их полноте и многозначности, что невозможно без отказа от западно-центрического подхода к исследованию процессов мировой истории.

Решение вышеперечисленных задач исследования позволило автору считать сформулированную им гипотезу, в основном, доказанной.

Результаты

На наш взгляд, ярким примером реализации долгосрочной стратегии, построенной на принципах западной внешней политики и направленной на дискредитацию Советского Союза и его правопреемницы – Российской Федерации, является непрекращающиеся на протяжении более восьмидесяти лет спекуляции вокруг Советско-германского договора о ненападении (1939 г.).

На этом примере, на наш взгляд, мы можем познакомиться с арсеналом средств, используемым «коллективным Западом» в борьбе со своими реальными или мнимыми противниками.

Сам факт того, что договор, заключенный более восьмидесяти трех лет назад между двумя уже несуществующими державами, предметом которого были их взаимоотношения по давно, казалось бы, канувшим в лету вопросам, продолжает вызывать ожесточенные идеологические споры о роли этого договора, однозначно свидетельствует, что определенным силам весьма выгодна ситуация постоянной конфронтации, необходимости нашей страны кому-то что-то объяснять, доказывать, брать на себя ответственность. Простое сопоставление уже известных нам фактов позволят заключить, что борьба вокруг оценки Советско-германского договора о ненападении носит идеологический характер и представляет собой одно из средств «необъявленной войны» против России, являющейся следствием геополитического противоборства. Цель данного этапа противоборства – пересмотр итогов Второй мировой войны.

Цель самой «идеологической войны» - расчленение нашей страны и уничтожение нашей цивилизации.

Если это действительно так, то становится ясно, почему Советско-германский договор о ненападении до сих пор используется в качестве важного внешнеполитического инструмента, способного не только дискредитировать Советский Союз, но и при подходящих условиях расшатать основы его правопреемницы – Российской Федерации.

Дело в том, что, по мнению исследователей, позиционирование этого Договора в качестве главной причины Второй мировой войны позволяет нашим геополитическим противникам «...поставить знак равенства между нацистским режимом и советским, объявив последний преступным опять-таки со всеми вытекающими отсюда последствиями» [6].

Специалисты считают, что наиболее значимыми последствиями могут быть:

- признание нелегитимности всех международно-правовых документов, подписанных Советским Союзом;
- оспаривание статуса России, как члена Совета Безопасности ООН;
- лишение Российской Федерации части ее территорий и контроля над Балтийским и Черным морями;
- лишение прав наших многочисленных соотечественников, волею судеб, оказавшихся за пределами исторической родины [6].

На наш взгляд, можно, конечно, поставить под сомнение отдельные положения, выдвигаемые процитированным автором, но с его концепцией в целом трудно не согласиться.

Действительно, последствия, о которых шла речь, призваны способствовать успеху построения однополярного мира, основанного на гегемонии США. Потому сегодня, когда в глубочайшем кризисе находятся все «ведущие» страны Запада и на продолжение прежней политики уже нет необходимых ресурсов, самое время заняться поиском новой конфигурации межгосударственных отношений.

В этих условиях нам не следует забывать, что правительства так называемых «экономически развитых стран Запада» для выхода из периодически охватывавших их кризисов, уже неоднократно прибегали к средствам внешней политики, с использованием которых несовместимы такие понятия, как гуманизм, права человека, забота об общем благе всего человечества.

Именно поэтому сотрясали человеческое общество мировые войны в XX веке. Этот же рецепт используется ими уже и в XXI веке, о чем свидетельствует развязывание под надуманными предлогами военных действий в Ираке и Афганистане, провоцирование и разжигание военных действий на Украине.

Однако наши геополитические противники хорошо понимают, что для успеха их действий должна быть подготовлена соответствующая почва. И она усиленно и успешно готовится, причем с широким использованием так называемых «внутренних резервов».

По мнению специалистов «в российской историографии, и даже в школьных учебниках, не говоря уж о средствах массовой информации, оценки одних и тех же исторических событий прямо противоположны, что сбивает с толку подрастающее поколение и всех граждан нашей страны. Необходим научный анализ произошедших событий, чтобы такие

псевдоверсии истории, ...не только не обсуждались, но и не распространялись [1].

Очевидно, что в сложившихся условиях строго научный, объективный, исторический подход к оценке Советско-германского договора крайне необходимо и, несомненно, будет способствовать формированию патриотического сознания у граждан нашей страны, стимулировать их готовность добросовестно служить своей Родине, своему народу.

Определенный интерес вызывают призывы к «восстановлению исторической истины», которые мы слышим из стран коллективного Запада. Разумеется, «восстановление исторической истины» необходимо, но давайте разберемся, как же эта деятельность, осуществляется на практике.

А на практике, под видом «восстановления исторической истины», зачастую, просто используется излюбленный прием западной дипломатии и пропаганды – огульное очернение и грубые нападки на советское военно-политическое руководство, которое обвиняется в том, что отвергло настойчиво предлагавшееся ему сотрудничество со стороны развитых демократических стран и, заключив в августе 1939 года Советско-Германский договор о ненападении, вступило в сговор с Гитлером, став тем самым его союзником и соучастником в развязывании Второй мировой войны. Или еще более конкретно – подписав договор с Германией, Советский Союз создал ей идеальные условия для нападения на Польшу, тем самым разделив с гитлеровцами ответственность за начало самой кровопролитной войны с истории человечества.

Обращает на себя внимание что уже тогда Советско-германский договор о ненападении начали почти официально именовать «Пактом». Коннотация, которую несло в тех условиях название международного договора - «Пакт», по примеру заключенного в 1936 г. Гитлеровской Германией и ее союзниками «Антикоминтерновского пакта», должна была ненавязчиво намекать на установившиеся «почти союзнические» отношения между СССР и Германией.

Но, если речь действительно идет о восстановлении исторической истины, то следует учесть, что Советский Союз был одним из последних государств в Европе, которые заключили подобный договор с Германией. Напомним, что Договор о ненападении между Германией и Польшей, дополненный договором о торговле и мореплавании и отдельными соглашениями по вопросам печати, кино, радиовещания, театра и др. был заключен еще в 1934 году.

18 июня 1935 года было заключено Англо-германское морское согла-

шение, создавшее условия для подготовки Германии к ведению широкомасштабной войны на море, так как по разрешённому тоннажу флота Германия уравнивалась с Францией и Италией – державами-победителями в Первой мировой войне.

30 сентября 1938 года между Великобританией и Германией была подписана Декларация о взаимном ненападении, несколько позже – 6 декабря – подобная Декларация была подписана между Францией и Германией.

В марте 1939 года Германия заключила Договор о ненападении с Литвой, а 28 апреля она предложила заключить договоры о ненападении Эстонии, Латвии, Финляндии, Дании, Норвегии и Швеции.

Поэтому, подписание 19 августа 1939 года советско-германского экономического соглашения, а 23 августа Договора о ненападении ни в коей мере не противоречило ни сложившейся в то время в международной юридической практике, ни нормам международного права.

Другое дело, что для таких стран как Великобритания и Франция это событие было не только большой неожиданностью, но и полным и очевидным провалом проводившейся ими внешней политики, целью которой было направить гитлеровскую агрессию на Восток.

Более того, всеми своими действиями (например, срывом Германско-Польских переговоров о Данциге и данцигском коридоре в январе-марте 1939 года в результате обещания гарантий, полученного от Лондона министром иностранных дел Польши Бекком), Гитлер, по мнению Риббентропа, понял, что ему не удастся создать «восточноевропейский антибольшевистский блок под германским руководством» и заявил: «Теперь у нас, если мы не хотим быть полностью окружены, остается лишь один выход: объединиться с Россией» [5].

Таким образом, трудно не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. между СССР и Германией явился не причиной, а следствием кризиса, устроенного в сфере международных отношений Великобританией, Францией, США и их союзниками [см.: 2].

Учитывая исторически сложившиеся традиции и принципы западной дипломатии и пропаганды, нам давно следовало бы перестать придавать особое значение мнению «стран коллективного Запада» и оценивать те или иные исторические события исходя из национальных интересов нашей страны, ее народа: на пользу ли они им, дают им возможность с уверенностью смотреть в будущее, сокращают ли число возможных жертв или нет. Если же мы попробуем именно с этих позиций оценить Совет-

ско-германский Договор о ненападении, то нам нужно учесть все особенности обстановки, в которой он заключался.

Для этого, сначала взглянем ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке. По мнению ряда исследователей «до середины 1930-х годов главным потенциальным противником СССР была Япония. В тот период ни одно из заседаний советского правительства не обходилось без обсуждения ситуации на Дальнем Востоке. В этом регионе находилась большая часть советских войск» [1].

Более того, милитаристская Япония, преследуя далеко идущие планы, организовала две крупные провокации: в 1938 году на озере Хасан и в 1939 году – в Монголии, на реке Халхин-Гол.

Особую опасность представляли боевые действия, развязанные в начале 1939 года на реке Халхин-Гол. При удачном исходе этого военного конфликта Япония могла создать плацдарм для последующего нападения на СССР с возможной целью отсечения от него всех дальневосточных территорий.

В 20-х числах августа 1939 года на Халхин-Голе развернулось решающее сражение, исход которого – 23 августа – в день подписания Договора – был совершенно не ясен. Ясно было только одно. В случае победы японских войск перспектива войны с милитаристской Японией становилась весьма реальной.

Совершенно неожиданное для японского военно-политического руководства подписание Германией Договора о ненападении с СССР, грубо нарушающего условия Антикоминтерновского пакта (не допускавшего заключение каких бы то ни было соглашений с Советским Союзом), да еще совершенное в самый драматичный момент сражений на Халхин-Голе, заставило Японию переформатировать свою внешнюю политику, переориентировать свои военные устремления с Советского Союза на южное направление и, впредь, крайне настороженно относиться к такому союзнику, как Германия.

Более того, 13 апреля 1941 года в Москве был подписан советско-японский Договор о взаимном нейтралитете, который Советский Союз неукоснительно соблюдал до его денонсации 5 апреля 1945 года.

Хотя, по мнению специалистов, советская дальняя авиация, сосредоточенная на Дальнем Востоке, в отличие от авиации США, получившей возможность бомбить Японские острова только в 1945 году, «...имела эту возможность всегда и – при отсутствии у японцев современной системы ПВО – могла легко сжечь деревянный Токио и другие японские города» [1].

Но стоит ли и нам ворошить «тени прошлого»?

Видимо, стоит! Хотя бы потому, что благодаря эффективной пропагандистской работе наших геополитических противников с одной стороны, и недостаточно активной деятельности нашей дипломатии и пропаганды с другой, сегодня 50% японцев в возрасте до 30 лет полагает, что бомбардировку Хиросимы и Нагасаки провел СССР, а американцы оказывали помощь пострадавшим [1].

Мысленно возвращаясь в Европу, следует отметить, что одним из важнейших условий заключения Советско-германского договора, которое выдвинуло советское руководство, было предоставление кредита на 200 мил. рейхсмарок сроком на 6 лет с условием поставки стратегического сырья на 3/4 от оговоренной суммы [см.: 5, 7].

Кстати сказать, несмотря на крайне непростые межгосударственные отношения, германская промышленность внесла существенный вклад в индустриализацию СССР. Так, только в первой половине 1932 года СССР закупил 50 процентов чугуна и стали, экспортировавшихся Германией, 60 процентов всего землеройного оборудования и динамо-машин, 70 процентов всех металлообрабатывающих машин, 80 процентов кранов и листового металла, 90 процентов всех паровых, газовых турбин и паровых кузнечно-прессовых машин [7].

Договор создал условия, при которых промышленность Германии длительное время работала на благо укрепления оборонного могущества СССР. По мнению некоторых немецких специалистов, если бы промышленность Германии не выполняла заказы СССР, а работала на вермахт, то к началу войны с СССР все легкие танки вермахта можно было заменить на средние и выпустить дополнительно около 1000 тяжелых танков типа «Тигр» [1].

Конечно, с этим утверждением можно было бы и поспорить. Хотя бы потому, что для реализации стратегии «молниеносной войны» тяжелые танки были не очень-то и нужны. Но бесспорно, что те технологии, то оборудование, те станки и приборы, которые мы получили в обмен на сырье, топливо и продовольствие, в годы Великой Отечественной войны хорошо послужили нам, участвуя в создании оружия Победы.

Таким образом, если оценивать Советско-германский договор о ненападении исходя из национальных интересов СССР и его народа, то следует отметить, что заключенный в международных условиях, чреватых угрозой военного столкновения СССР с Германией Договор:

- позволил Советскому Союзу избежать возможной войны на два

фронта (с Германией и Японией);

- не позволил Гитлеру оккупировать всю Польшу и Прибалтику;
- устранил возможность союза Германии с Англией против СССР и позволил включить в зону советских интересов, а впоследствии – и в состав Советского Союза – прибалтийские страны[1];
- внес разлад между союзниками по Антикоминтерновскому пакту, что сказалось на отношениях Германии и Японии, исключив ее выступление на стороне Германии даже в самый тяжелый для нас период Великой Отечественной войны;
- обеспечил условия, при которых промышленность Германии длительное время работала на укрепление оборонного могущества СССР;
- и, главное, позволил получить почти двухлетнюю отсрочку нападения гитлеровской Германии, которую советское военно-политическое руководство смогло эффективно использовать для наращивания оборонного потенциала страны.

В свете глобальных процессов, разворачивающихся в современном мире, на наш взгляд, назрел вопрос об отходе от западно-центрического подхода в оценке событий мировой истории. Подхода, при котором подразумевается, что мировое значение имеет лишь то, что происходит или происходило в «Западном мире», то есть в Европе или Северной Америке.

Это позволит ясно и четко увидеть события мирового значения во всей их полноте и значимости. К примеру, очевидно, что закономерным следствием кризиса международных отношений, организованного в значительной степени Англией и Францией явилось нападение гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Но явилось ли это событие началом Второй мировой войны?

Действительно, если мы будем говорить о Второй мировой войне, как о войне действительно мировой, то есть смысл более внимательно отнестись к мнению китайских государственных деятелей и историков, которые настаивают на том, что Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу, а гораздо раньше – 7 июля 1937 года. То есть в день, когда участник Антикоминтерновского Пакта (то есть союзник Германии) Япония начала полномасштабную агрессию против Китая.

Японо-Китайская война стоила народам Китая более 30 млн. жизней. Поэтому относить ее к числу всего лишь предшествующих мировой войне эпизодов, вряд ли справедливо.

Заключение

Таким образом, проблема доверия мирового сообщества к внешней политике стран коллективного Запада существует в современном мире достаточно давно. Ее породила выработанная на протяжении многих десятилетий система принципов и методов организации западной внешней политики и пропаганды, важное место в которой занимают обман, умышленное введение в заблуждение своих оппонентов, их дискредитация и беспочвенные обвинения в совершении международных преступлений.

Одним и немаловажных штрихов, дополняющих эту картину, является практика необоснованного наложение санкций на геополитических противников, осуществляемая вопреки нормам международного права и в обход уполномоченных международных организаций.

Убедительным примером реализации долгосрочной стратегии, направленной на дискредитацию Советского Союза и Российской Федерации, а также использования других средств из арсенала западной дипломатии и пропаганды, является непрекращающееся на протяжении десятилетий искусственное нагнетание истерии вокруг Советско-германского договора о ненападении (1939 г.), объявление его одной из главных причин Второй мировой войны.

В сложившихся условиях требуется продолжение работы государственных деятелей, ученых, политиков, дипломатов по объективной и беспристрастной исторической оценке Советско-германского договора, его роли и значения. Особое внимание должно быть уделено противодействию попыткам западной дипломатии и пропаганды утверждать, что, подписав Советско-германский договор советское руководство не только фактически превратилось в союзника Гитлера, но и отказалось от сотрудничества с рядом европейских стран, тем самым способствуя развертыванию Второй мировой войны.

Исторически сложившиеся традиции и принципы западной дипломатии и пропаганды, настойчиво реализуемые странами «коллективного Запада», с особой остротой ставят вопрос о необходимости оценивать исторические события исключительно исходя из соответствия их национальным интересам Российской Федерации, а не надуманным «понятиям» и «правилам» так называемых «развитых стран Запада».

С этой точки зрения, Советско-германского договор о ненападении (1939 г.) способствовал созданию напряжения в отношениях между Германией и Японией, позволил использовать часть экономического потенциала Германии для укрепления оборонной мощи Советского Союза, от-

срочил нападение на СССР, позволив еще более укрепить его оборонный потенциал.

Глобальные процессы, разворачивающиеся в современном мире, требуют оценки происходящих событий во всей их полноте и многозначности, что невозможно без отказа от западно-центрического подхода к оценке событий мировой истории.

Одним из шагов в этом направлении может стать более внимательное отношение к мнению китайских государственных деятелей и историков, датирующих начало Второй мировой войны не нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, а 7 июля 1937 года, то есть в день, когда милитаристская Япония начала полномасштабную агрессию против Китая.

Народы Китая, потерявшие в годы войны свыше тридцати миллионов человек, видимо, имеют на это право.

Список литературы:

1. Горюнов И. Пакт как факт [Электронный ресурс] // Газета «Советский физик» Физический факультет МГУ. // URL: [http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2006/2\(49\)-2006/pakt/](http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2006/2(49)-2006/pakt/). (Дата обращения: 20.08.2022).
2. Мартиросян А. Мифы о так называемом «Пакте Молотова-Риббентропа» [Электронный ресурс]. // URL: <https://kibalchish75.livejournal.com/158528.html> (Дата обращения: 1.09.2020).
3. Мингазов С. ЕС продлил санкции против России с привязкой к выполнению Минских соглашений [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/450109-es-prodlil-sankcii-protiv-rossii-s-privazkoj-k-vypolneniu-minskih-soglasenij>. (Дата обращения 18.02.2023).
4. Пушков А.К. Глобальные шахматы. Русская партия. [Электронный ресурс]. – Москва, 2018. // URL: <https://document.wikireading.ru/h49A05FzuI>. (Дата обращения: 12.02.2023).
5. Риббентрон, Рудольф фон. «Мой отец Иоахим фон Риббентрон», «Никогда против России!» — Москва: Яуза-пресс, 2015. С. 171.
6. Севидова Н. Наталия Нарочницкая: «Новый поход на Восток?» [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал. - 17.06.2005. № 9 (111). // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=536&level1=main&level2=articles> (Дата обращения: 27.08.2022).
7. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? / Пер. с англ. А.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 347.

Bibliography

1. Goryunov I. Pact as a fact // Newspaper "Soviet physicist" Faculty of Physics of Moscow State University. // URL: [http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2006/2\(49\)-2006/pakt/](http://www.phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2006/2(49)-2006/pakt/). (08.20.2022).
2. Martirosyan A. Myths about the so-called "Molotov-Ribbentrop Pact" // URL: <https://kibalchish75.livejournal.com/158528.html> (1.09.2020).
3. Mingazov S. EU extended sanctions against Russia with reference to the implementation of the Minsk agreements // URL: <https://www.forbes.ru/biznes/450109-es-prodlil-sankcii-protiv-rossii-s-privazkoj-k-vypolneniu-minskih-soglasenij>. (18.02.2023).
4. Pushkov A.K. Global Chess. Russian party. Moscow, 2018. // URL: <https://document.wikireading.ru/h49A05FzuI>. (02.12.2023).
5. Ribbentrop, Rudolf von. "My father Joachim von Ribbentrop", "Never against Russia!" - Moscow: Yauza-press, 2015. P. 171.
6. Sevidova N. Natalia Narochnitskaya: "A new campaign to the East?" // Scientific and Cultural Journal. - 17.06.2005. № 9 (111). // URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=536&level1=main&level2=articles> (08.27.2022).
7. Hilger G., Meyer A. Russia and Germany. Allies or enemies? / Per. from English. A.A. Igorevsky. - M.: ZAO Tsentropoligraf, 2008. P. 347.

Гуреев Я.В.

*Студент I курса магистерской программы
«Региональная история межнациональных отношений»
Института истории и права,
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.*

Гаврилюк Н.П.

*Кандидат исторических наук.
Доцент кафедры истории Института истории и права,
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.*

Феномен новых партий в условиях российской политической системы (на примере партийного строительства партии «Новые люди»)

С 2007 по 2021 годы в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации успешно функционировала парламентская система, состоявшая из четырех основных российских политических партий – «Единой России», «КПРФ», «ЛДПР» и «Справедливой России». Этот период можно назвать периодом стабильности института политического представительства на федеральном уровне, который в целом обеспечивал развитие и постоянство общественно-политической ситуации в стране. Перечисленные партии являлись основными и сильнейшими политическими силами, действующими в российской системе парламентаризма, которые не допускали конкуренции со стороны новых политических партий. Образование совершенно новых партий способных отстаивать свои интересы является нехарактерным явлением для российской политической действительности. 2020 год по своей сути охарактеризовался феноменальным политическим событием. Впервые за десятилетия в Российской Федерации появилась новая партия, которая успешно вошла в российскую парламентскую систему сначала на региональном уровне, а в 2021 году на федеральном. Результаты региональных и муниципальных выборов 2020 года дали возможность «Новым людям» стать активным субъектом политической деятельности, в том числе выйти на первые страницы федеральной и региональной политических повесток.

Е.С. Абрадова отмечает, что: «Отсутствие полномочий и возможности быть реальным центром принятия политических решений в силу

диспропорции отношений законодательной и исполнительной власти в России лишает политические партии авторитета в глазах избирателей». В этой системе малые партии не обладают достаточным влиянием на общественно-политическое развитие страны: «Важной проблемой остается отсутствие возможности для небольших партий конкурировать на выборах федерального и регионального уровней и обеспечивать представительство своих избирателей в органах законодательной власти» [1, с. 105].

П.В. Панов и К.А. Сулимов справедливо отмечают стагнацию института парламентаризма в современной российской политической системе: «Сформировавшийся в России к середине 2000-х годов политический режим укрепился и закрепился. Сложившаяся к концу 4-го созыва партийная структура Государственной Думы принципиально не менялась на протяжении длительного времени, и с каждым новым созывом она все больше костенела. Несмотря на то, что в каждом созыве депутатский корпус обновляется, во всех партиях, в том числе и в системной оппозиции, сложилась когорта «несменяемых» депутатов, которыми, вполне естественно, являются наиболее авторитетные лидеры партии. Таким образом, укрепившись в парламенте, партии системной оппозиции оказываются все более заинтересованными в сохранении своего «места» в партийной системе, а поскольку политический режим демонстрирует довольно высокую степень устойчивости, у системной оппозиции возникают серьезные стимулы для демонстрации лояльности» [6, с. 530].

Исследовательская проблема связана с недостаточностью теоретического и эмпирического знания о политических технологиях влияния новых российских партий на электоральное поведение граждан. Тема исследования предполагает комплексный анализ ряда фундаментальных вопросов, связанных с выборами 2020 – 2021 года. Работы комплексного характера с детальным анализом, по заявленной теме, на сегодняшний день отсутствуют. Существующие исследования, связанные с данной темой, затрагивают анализ отдельных вопросов. По этой причине исследования в данной области имеют первоочередную значимость для современной политологической науки.

1 июня 2020 года «Новые люди» заявили об участии в различных региональных кампаниях и местных выборах, а также о проведении открытого поиска кандидатов [4]. Основной задачей такого участия было получение возможности баллотироваться на предстоящих федеральных парламентских выборах 2021 года без сбора подписи в связи с прохождением кандидатов партии в региональные законодательные (представительные) орга-

ны государственной власти по итогам избирательных кампаний 2020 года.

Для участия в выборах 2020 года «Новые люди» развернули масштабную кампанию по сбору подписей для успешного прохождения этапа регистрации и включения соответствующих списков и кандидатов в избирательные бюллетени. На региональных выборах в Калужской, Новосибирской, Рязанской, Костромской, Томской, Нижегородской, Самарской и Липецкой областях, а также в Краснодарском крае региональные списки «Новых людей» были зарегистрированы соответствующими избирательными комиссиями. Партийным представителям отказали в Белгородской и Воронежской областях, посчитав представленное количество подписей в поддержку кандидатских списков недостаточным для принятия решения об их регистрации.

В рамках своей первой предвыборной кампании «Новые люди» делали упор на уличные акции и флешмобы, в ходе которых работники избирательных штабов активно рекламировали партию посредством различных методов политической агитации. В статье следует отметить немаловажную роль самого бренда «Новые люди». Социологические исследования 2020 года фиксировали общественный запрос на перемены и обновления. «Новым людям» во многом удалось сфокусировать и презентовать соответствующие настроения как в своем брендинге, так и в своей непосредственной агитационно-пропагандистской работе.

В рамках региональных и муниципальных избирательных кампаний партией было выдвинуто около 600 кандидатов на выборах в 12 регионах страны [3]. Большинство кандидатов являлись беспартийными и прежде политикой не занимались, но были известными людьми в разных сферах общественной жизни – в бизнесе, культуре, благотворительной деятельности, молодежных проектах и т.д. К примеру, таковыми кандидатами стали: Александр Цин-Дэ-Шань, занимающийся благотворительностью и владеющий сетью спортивных клубов в Томске; Алексей Стоян, помогающий детям с ограниченными возможностями в Белгороде; Виталий Смардаков, лидер общественной организации «Ночной патруль» в Самаре.

Таким образом, выдвиженцы от партии «Новые люди» выстраивали свою политическую работу через активное информирование и использование общественного имиджа кандидата.

22 июня 2020 года «Новые люди» опубликовали на своем сайте обновленные «Программные материалы», которые затем в соответствии с законодательством были официально обнародованы в «Российской газете» [5]. Над новыми документами работали более 20 партийных комитетов,

которые детально разбирали каждый блок проблемных вопросов. Обновленные материалы помогали готовить сторонники «Новых людей». К примеру, педагог Артем Соловейчик проехал от Москвы до Владивостока через 50 городов, активно общался с учителями и собирал их предложения в партийную программу. Актер Сергей Жигунов провел цикл творческих встреч, по результатам которых много вопросов вошли в обновленные программные документы.

В опубликованной, накануне выборов, Программе, «Новые люди» ставку делали на экономическое благосостояние граждан. Этому посвящены три тезиса (1, 4 и 8). Далее заявлена ценность гражданских прав и свобод (в тезисах 2 и 3). Ценности образования, здравоохранения и доступности жилья были заявлены в тезисах 5, 6 и 7. Проведя контент-анализ программных материалов, выяснилось, что самые часто употребляемые слова – это «возможность», встречающееся в тексте 12 раз, «страна» (11 раз) и «власть» (9 раз). При этом данные индикаторы не совпали с заявленными ценностями. Так слова, относящиеся к тезису «экономическое благосостояние граждан», в тексте встречаются редко. Например, слово «доход» встречается в тексте только 5 раз, а слово «экономика» – 4 раза. Слово «работа» встречается 3 раза, а слово «бизнес» – 2 раза. Слова, относящиеся к тезису о гражданских правах и свободах, также встречаются редко. Так слово «свобода» встречается в тексте только 4 раза. То же самое можно сказать и про тезис здравоохранения. Слово «здоровье» в тексте встречается всего 6 раз, а слово «здравоохранение» – 2 раза. Слова, относящиеся к тезису образования и доступности жилья, встречаются в тексте менее 3 раз. Подробный контент-анализ текста представлен в прилагаемой таблице:

Слово	Повторений	Частота упоминания (%)
возможность	12	0.92%
страна	11	0.84%
власть	9	0.69%
государственный	8	0.61%
закон	8	0.61%
государство	6	0.46%
здоровье	6	0.46%
Россия	6	0.46%
система	6	0.46%
доход	5	0.38%
свобода	4	0.31%

экономика	4	0.31%
гражданин	3	0.23%
компания	3	0.23%
работа	3	0.23%
бизнес	2	0.15%
зарабатывать	2	0.15%
здоровоохранение	2	0.15%

В программных материалах Партии содержалось много лозунгов и целей, того, что нужно сделать и как этого добиться. Ряд тезисов – «увеличение доходов», «обеспечение работой», «создание сменяемости власти», «сокращение чиновников» – можно найти в документах и других политических сил. В то же время некоторые программные приоритеты выгодно позиционировали партию среди отдельных электоральных групп. В частности, снижение государственного контроля, отмена цензуры, действенная поддержка предпринимательства, а также более детальная проработанность конкретных действий для достижения заявленных целей и задач с пониманием восприняты либерально-хозяйственными группами, избирателями и способствовали росту электоральной поддержке партии.

Одним из важных этапов развития «Новых людей» стал II съезд партии, который состоялся 8 августа 2020 года в Москве на площадке бизнес-центра «Цифровое деловое пространство».

В работе съезда приняли участие около 300 человек из 55 регионов России и рассмотрены вопросы об избрании председателя партии, формирования нового состава Центрального совета, ходе избирательной кампании, создании Экспертного совета, презентации партийных проектов и их реализации в 2020 – 2021 годах. Также в работе съезда приняли участие специальные гости, представители более 20 федеральных и 40 региональных СМИ. Первым председателем партии был избран Алексей Нечев, а также утвержден новый состав Центрального совета из 10 человек.

На площадке съезда его делегаты подробно обсудили общественно-политическую ситуацию в стране и изложили своё видение обустройства Российской Федерации, уделив особое внимание вопросам политического и экономического развития, государственного управления и местного самоуправления. Были представлены проекты по благоустройству городов, по помощи инвалидам, различные экологические и образовательные инициативы.

Съезд имел важное значение в партийном строительстве и в пред-

выборной кампании «Новых людей». Помимо избрания руководства партии, проработки хода избирательной кампании съезд повысил узнаваемость партии в российских СМИ, что обеспечило дополнительную поддержку среди российских избирателей.

По итогам единого дня голосования 13 сентября 2020 года партия «Новые люди» успешно приняла участие в выборах законодательных собраний и областных дум в Калужской, Новосибирской, Рязанской, Костромской областях и в представительные органы административных столиц субъектов Федерации – Калуги и Томска [8]. Выдвинутые Партией списки кандидатов были допущены к распределению депутатских мандатов. В целом результаты выборов представлены в таблице:

№	Субъект Российской Федерации/Административная столица субъекта РФ	Число голосов (абс.)	% от числа голосов	Вид выборов
1	Калужская область	22867	8,08	Региональный
2	Костромская область	12470	7,46	Региональный
3	Новосибирская область	42072	6,92	Региональный
4	Рязанская область	16787	5,72	Региональный
5	Костромская область	5632	7,49	Региональный
6	Город Калуга	7442	10,1	Муниципальный
7	Город Томск	10891	15,02	Муниципальный

В Калужской области на выборах в областное Законодательное собрание партийный список набрал 8,08% всех голосов [8], став четвертым по популярности среди избирателей и по этому показателю обогнал «Справедливую Россию» и «Партию пенсионеров». В Новосибирской области партия набрала 6,92% всех голосов и заняла четвертое место в электоральном рейтинге по пропорциональному избирательному округу [8]. В Костромской области за список партии проголосовало 7,46% всех избирателей [8], что определило 6 место по популярности и допуск к распределению депутатских мандатов. В Рязанской области на выборах в Областную Думу партийный список набрал 5,72% голосов [8], став пятым по популярности в своем регионе. На выборах в Городскую думу Калуги партия набрала 10,1%, опередив традиционно сильную ЛДПР [8]. В Томске «Новые люди» набрали 15,02% всех голосов [8] и опередили ЛДПР и Справедливую Россию. На выборах в представительный орган Краснодара партия не преодолела 5% барьер, но добилась ощутимых успехов, набрав 4,97% всех голосов [8].

Главным результатом единого дня голосования 13 сентября 2020 года

для партии стало прохождение в законодательные (представительные) органы государственной власти четырех субъектов Российской Федерации, что позволило принимать участие в парламентских выборах 2021 года без сбора подписей. Строительство новой партии оказалось эффективным и успешным, а в российском общественном поле появилась новая уверенная и динамично развивающаяся политическая сила.

Таким образом, 2020 год можно охарактеризовать значимыми изменениями в политических процессах Российской Федерации. Благодаря организованной партийной работе и новым политическим технологиям «Новые люди» смогли привлечь прежде не голосовавших граждан к участию в выборах, а также обеспечить себе победу и прохождение в Государственную Думу Российской Федерации в качестве новой пятой парламентской силы, что стало совершенно новым феноменом в российской политической действительности.

Список литературы:

1. Абрадова Е.С. Партии и выборы в современной России // Власть. 2021. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partii-i-vybory-v-sovremennoy-rossii> (Дата обращения: 27.02.2023).
2. Журавлева К.В., Халин А.А. Политические партии России в избирательном процессе: исторический региональный аспект (2003 – 2016 годы) // Вестник ЧГУ. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-rossii-v-izbiratelnom-protssesse-istoricheskii-regionalnyy-aspekt-2003-2016-gody> (Дата обращения: 27.02.2023).
3. Кандидатский минимум. Почему чиновники хотят видеть во власти «Новых людей». Lenta.ru. // URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/03/novieludi/> (Дата обращения: 26.03.2022)
4. «Новые люди» будут участвовать в избирательных кампаниях уже в этом году! Партия новые люди. // URL: https://vk.com/wall-193605942?offset=820&own=1&w=wall-193605942_193 (Дата обращения: 26.03.2022)
5. Основные положения программы Политической партии «Новые люди». Российская газета – Федеральный выпуск № 138 (8192). // URL: <https://rg.ru/2020/06/26/partiya-dok.html> (Дата обращения: 27.03.2022).
6. Панов П.В., Сулимов К.А. Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики // Ars Administrandi. 2021. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiya-vlasti-i-sistemnaya-oppozitsiya-v-gosudarstvennoy-dume-konvergentsiya-publichnoy-ritoriki> (Дата обращения: 27.02.2023).
7. Петров М., Алексей Нечаев возглавил партию «Новые люди» и рассказал о модели партии будущего. Youtube // URL: <https://vm.ru/society/820523-aleksej-nechaev-vozglavlil-partiyu-novye-lyudi-i-rasskazal-o-modeli-partii-budushhego> (Дата обращения: 27.03.2022)
8. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. // URL: <http://www.cikrf.ru/> (Дата обращения 29.03.2022)

Bibliography

1. Abradova E.S. Parties and elections in modern Russia // Power. 2021. № 2. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partii-i-vybory-v-sovremennoy-rossii> (02.27.2023).
2. Zhuravleva K.V., Khalin A.A. Political parties of Russia in the electoral process: historical regional aspect (2003 - 2016) // Bulletin of the ChSU. 2019. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-partii-rossii-v-izbiratelnom-protssesse-istoricheskii-regionalnyy-aspekt-2003-2016-gody> (27.02.2023).
3. Candidate minimum. Why officials want to see New People in power. Lenta.ru. // URL: <https://lenta.ru/articles/2020/07/03/novieludi/> (03.26.2022)
4. "New people" will participate in election campaigns this year! Party new people. // URL: https://vk.com/wall-193605942?offset=820&own=1&w=wall-193605942_193 (03.26.2022)
5. The main provisions of the program of the Political Party "New People". Russian newspaper - Federal issue № 138 (8192). // URL: <https://rg.ru/2020/06/26/partiya-dok.html> (03.27.2022).
6. Panov P.V., Sulimov K.A. The party in power and the systemic opposition in the State Duma: the convergence of public rhetoric // Ars Administrandi. 2021. № 4. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/partiya-vlasti-i-sistemnaya-oppozitsiya-v-gosudarstvennoy-dume-konvergentsiya-publichnoy-ritoriki> (02.27.2023).
7. Petrov M., Alexei Nechaev led the New People party and spoke about the model of the party of the future. Youtube // URL: <https://vm.ru/society/820523-aleksej-nechaev-vozglavlil-partiyu-novye-lyudi-i-rasskazal-o-modeli-partii-budushhego> (03.27.2022)
8. Central Election Commission of the Russian Federation. // URL: <http://www.cikrf.ru/> (29.03.2022)

Даев А.Н.

*Международный эксперт по спортивному праву,
выпускник Университета Айовы, США (University of Iowa, USA).*

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор кафедры социологии
и управления Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ).*

Социальные взаимодействия моды и спорта

Спорт позволяет очень многим областям социальной реальности приобретать совершенно новые краски. Он высвечивает то, что было в них заложено изначально, но до определенного времени находилось не просто в тени, а глубоко скрывалось. Это происходит прежде всего потому, что спорт представляет собой такое творческое начало, которое в любой из таких сфер способно зажечь искру творчества и открыть широчайший простор для экспериментов, результаты которых к тому же, достаточно быстро можно апробировать.

Мода являет яркий пример одной из таких областей. Она не только с самого своего рождения, а скорее еще с его предчувствия, выступала в соединении с физическим упражнением. Чем активнее она проникала в ту деятельность человека, что обеспечивала его выживание, независимо была ли эта активность сугубо мирного содержания или связывалась с военными умениями и навыками, тем заметнее становился симбиоз спорта и того, что позже назовут модой. Антропологи уверяют, что изученные ими данные указывают на спортивные активности, которые появились у людей еще до появления земледельческого общества как на своеобразную «репетицию» реальной охоты или войны. Спорт очень доходчиво позволял людям, создающим себе необходимую для таких занятий одежду, понять ее функциональные особенности. Этой функциональностью объясняется то, что одежда для спорта стала одной из первых униформ. Однако спортивная одежда может быть названа лидером среди униформ как с точки зрения функциональности, так и креативности.

Выражением креативности можно считать то, что в спорте все начиналась с того, что от одежды вообще отказывались. Атлеты-олимпийцы в Древней Греции соревновались полностью обнаженными. Название

современного слова «гимнастика» происходит от древнегреческого слова *gymnos*, то есть «голый», «обнаженный». Любые попытки одеть атлетов заканчивались неудачами.

Считается, что унификация спортивной одежды началась с экипировки любителей верховой езды в Англии. С начала XVIII столетия для прогулок в непогоду, которая часто бывает на Туманном Альбионе, британцы предпочитали рединготы (фр. *redingote*, искаженное от англ. *riding-coat* — сюртук для верховой езды)¹. Эта одежда в виде укороченного пальто, напоминающего сюртук, с шалевым воротником была настолько удобной для совершения конных прогулок, что ее переход в конный спорт был органичным. Но первым видом спорта, имеющим настоящую форму, стал крикет, который предполагал командную игру. А в таких играх требуется быстрое и четкое различие участников. В крикете форму составляют длинные брюки и рубашка с рукавами различных оттенков белого цвета.

Обязательным условием для соединения спорта и моды было как появление командных игр, так и зарождение и укрепление потребности в раскрепощении личности. В социумах, в которых царили строгие нравы, такие шаги по освобождению не только от устаревших моральных представлений, но и от лишней одежды, даже инициативным персонам легче было предпринимать коллективно. Поэтому поворот к новому спортивному стилю в первую очередь отмечался в командных видах спорта. Англия считается родиной футбола как мужского, так и женского. Но у последнего было несколько иное предназначение. Он был частью свадебного ритуала, представляя состязание незамужних девушек с замужними дамами, за которым, наблюдали потенциальные женихи. Постепенно игровой настрой выходил за рамки такой обрядности. И в 1895 г. в одной из игр выступающие за футбольный клуб *British Ladies' Football Club* вышли на поле в некоем подобии спортивных костюмов. Этим они эпатировали часть зрителей, которая задавалась вопросом, как долго осталось до того, чтобы женщины облачились в брюки. Футбол повлиял и на изменение облика мужчин. В той же Англии в 1904 г. им было разрешено появляться в шортах не только на поле, но и на улицах городов. Это произошло после того, как шорты в спортивной футбольной форме заменили бриджи или укороченные брюки.

Со второй половины XIX столетия мир моды достаточно быстро охватывает тенденция придания одежде качеств, более подходящих для занятий спортом. На этот запрос в 1870-х гг. одним из первых откликается кутюрье Джон Редферн, который был портным королевы Виктории. Он

¹ Киреева Е.В. Мужской костюм // Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970. С. 117.

основывает фирму *Redfern & Sons* (затем *Redfern Ltd*), предлагающую одежду для яхтинга, верховой езды и путешествий. Редфрен также известен тем, что разработал первую униформу для Международного Красного Креста.

Запрос на здоровый образ жизни возростал по мере индустриализации и урбанизации. Новые темпы и ритмы производства и повседневности требовали как большей выносливости, так и разрядки. Но занятия спортом в привычной одежде не отвечали таким потребностям. В самом начале XX в. модельеры почувствовали эти перемены и попытались ответить на них созданием первых коллекций спортивной одежды. Лидером в этом направлении выступила Коко Шанель, которая представила такую коллекцию для женщин в 1913 г. Успеху ее спортивной одежды в немалой степени способствовало то, что сама Шанель увлекалась многими видами спорта: конным, гольфом, лыжами, яхтингом, охотой. Ее работы были настолько яркими и театральными, что когда в 1924 г. Сергей Дягилев и Жан Кокто поставили одноактный балет «Голубой экспресс» (фр. *Le Train bleu*), то привлекли к участию в нем настоящих спортсменов, которые были в костюмах от *Chanel*².

Влияние «культы тела» на все области жизни с 1920-х гг. способствовало укреплению связи спорта с экономикой. Это проявилось в выделении в торговле направления спортивной одежды, а с этим и ее специального производства. В 1925 г. кутюрье Жан Пату открывает первый в истории магазин спортивной одежды *Le Coins de sport* («Спортивный уголок»), где покупателям предлагалась спортивная экипировка для тенниса, гольфа, футбола, верховой езды, авиации и рыбалки. Причем каждому виду спорта посвящался специальный зал.

Сами спортсмены, закончив соревновательную карьеру, понимают, насколько важно, чтобы одежда помогала побеждать. Французский теннисист, 10-кратный победитель турниров Большого шлема (англ. *Grand Slam tournaments*) Рене Лакост в 1933 г. совместно с владельцем и президентом трикотажной компании Андре Жилье создает фирму по производству теннисных рубашек *La Societe Chemise Lacoste*. Эмблемой марки становятся спортивные прозвища Лакоста — «Крокодил», «Аллигатор». Увлечение спортом Веры Бореа графини ди Реголи побудило ее учредить собственный дом моды *Vera Borea* в Париже. Отличительной чертой продукции этого дома была одежда для спорта высокого качества из натуральных материалов: льна, хлопка, твида, фланели³. Активно увлекалась

2 Элинер Л.В. К вопросу о генезисе спортивного стиля в моде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 58. С. 119-122.

3 Борисова Е.А. Формирование стиля спорт-шик на основе исторической ретроспективы спортивно-

велосипедным спортом, теннисом, катанием на коньках модельер Мадлен де Раух, которая в это же время вместе со своим мужем хоккеистом Альфредом де Раухом открывает дом моды *La Maison de l'Amitié*, где разрабатывают одежду для спорта и досуга.

На развитие спортивной одежды благоприятно сказывается завершение мирового экономического кризиса. Ослабление напряжения проявляется в том, что во многих государствах Западной Европы для работающих устанавливается ежегодный оплачиваемый отпуск. Появившееся свободное время многие люди, увлекающиеся туризмом, пытаются использовать для того, чтобы посвятить любимому занятию. На этот запрос отвечают и модельеры, и продавцы спортивной одежды. Несмотря на начало Второй мировой войны в 1941 г. в Париже бывший лидер скаутов Роже де Портэ, вдохновленный собственными походами, открывает магазин *Au Vieux Campeur*, специализирующийся на товарах для альпинизма и дайвинга. На логотипе магазина изобразили на фоне заходящего солнца престарелого туриста с белой бородой в шляпе, с рюкзаком и походной палкой. Первоначально в зубах этот персонаж держал трубку, но когда основатель магазина в 1986 г. бросил курить, то место трубки заняла ромашка.

В целом, военное время было периодом, когда разработки в области спортивной моды не были востребованы. Как и в повседневной одежде забота об одежде для занятий спортом оказывалась делом тех, кому этого было необходимо. В Соединенных Штатах Америки, жители которых находились далеко от полей сражений, получил популярность простой стиль *Casual*, во многом отражающий спортивные и фольклорные мотивы. Однако после окончания Второй мировой войны начинается подлинный бум спортивной одежды, а с ним и расцвет фирм, ее изготавливавших.

Спорт превращается в инструмент геополитического соперничества⁴. В 1948 г. Германию и Японию по примеру Древней Спарты отстраняют от участия в Олимпийских играх, которые из-за скудных ресурсов, выделенных Лондоном на их проведение, даже были прозваны «Суровыми играми» (англ. *Austerity Games*). Но по обе стороны «железного занавеса» в Федеративной Республике Германия (ФРГ) и Германской Демократической Республике (ГДР) спорт и все с ним связанное, включая спортивную моду, рассматривается как важная часть демонстрации собственных успехов. В западногерманских землях формируется сборная по футболу, экипировать которую поручают фирме *Rita*, созданной членами семьи

го стиля // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4 (118). Часть 3. Апрель. С. 150-160.

⁴ Терновая Л.О., Гольдин Г.Г., Даев А.Н. Геополитика спорта: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2021.

Дасслер еще после Первой мировой для производства домашних тапочек и ортопедической обуви для тренировок спортсменов-инвалидов. Братья Адольф и Рудольф Дасслер вскоре стали конкурентами, разделили семейный обувной бизнес, а с ним и баварский городок Херцогенаурах, создав в нем две футбольные команды, экипированные изделиями собственных фирм — *Adidas* и *Puma*⁵. ГДР, которая учредила национальный Олимпийский комитет в апреле 1951 г. в историческом здании здании Красной ратуши (нем. *Rotes Rathaus*) в Берлине, огромные усилия направила не только на подготовку спортсменов, но и на их достойную презентацию. О том, насколько им удавалось это непосредственно в спортивных достижениях можно судить по тому, что в 1976 г. на летней Олимпиаде в Монреале команда ГДР в медальном зачете опередила американскую сборную и стала второй вслед за командой СССР. В восточногерманском спорте упор делался не на командные достижения, а на индивидуальные победы, причем часто достигаемые именно женщинами, которые выглядели не только спортивно, но и красиво, в том числе благодаря своей модной форме.

Можно выделить несколько ведущих тенденций, в которых и сейчас отчетливо прослеживается связь спорта и моды. Первая из них состоит в том, форма спортивных сборных все более активно выступает в роли визитных карточек государств. У спортсменов есть не только собственное международное спортивное пространство, но и весьма строгие правила, по которым живут все задействованные в этой области люди. Свои правила установились и в моде. Во многом ее развитию способствует политика Международного Олимпийского комитета (МОК). В 1936 г. в Олимпийской хартии накануне открытия игр в Берлине была зафиксирована обязательность единой экипировки для всех членов сборной команды одной страны. Каждая участвовавшая в Олимпиаде страна отличилась не только одеждой, но и головными уборами, отражавшими представление о государстве: французская команда была в беретах, британцы предпочли соломенные шляпы-канотье, а египтяне — фески. К сожалению, даже документальный фильм режиссера Лени Рифеншталь «Олимпия» (нем. *Olympia*) о XI летних Олимпийских играх в Берлине не передает всего разнообразия подходов к формам национальных сборных. Но по деталям на сохранившихся фотографиях можно почувствовать разницу между изображением у немецких спортсменов свастики на пуловерах непосредственно в районе солнечного сплетения и гербом Королевства Нидерландов на нагрудных карманах жакетов.

5 Смит Н. Кроссовки. История культовой обуви шаг за шагом. М.: Бомбора, 2019.

Также, в 1936 г., согласно решению МОК, запрещалось на следующих Олимпийских играх повторять дизайн формы сборной, участвовавшей в предыдущей Олимпиаде. Кроме того, спортсмены должны иметь не один комплект одежды, а три. Первая форма предназначалась для выступления на соревнованиях. Вторая — повседневная одежда. А третья форма — парадная для официальных мероприятий. Когда речь идет об экипировке участников командных видов спорта или атлетов, входящих в составы национальных сборных, то такую одежду справедливо относить к униформе, которая является обязательным атрибутом, отличительным знаком команды. К ней предъявляются требования, отвечающие физиологии спортсмена, занятого в конкретном виде спорта, но также учитывается необходимость узнавания, из какой страны тот или иной участник соревнований, способен ли зритель увидеть отличия форм спортсменов из разных стран при телетрансляции.

Вторая тенденция отвечает тому обстоятельству, что спорту высоких достижений должна соответствовать высокая мода. Многие крупные производители конкурируют друг с другом, стараясь добиться права экипировать национальные команды для международных соревнований. Французскую Олимпийскую сборную в разные годы одевали Коко Шанель, Ив Сен-Лоран, Пьер Карден, который был дизайнером формы для летних и зимних игр 1960 г. в Риме и Скво-Вэлли. Им была разработана одежда, отражающая национальный дух государства и одновременно отличающаяся функциональностью. В 1968 г. форма для французских спортсменок была создана Жаком Эстерелем, который был знаменит и как дизайнер, первым создавшим коллекцию одежды унисекс, и как шансонье, но еще он снимал кино и писал книги. Некоторые поклонники магической вселенной Джоан Роулинг находят общее у женской формы французской сборной, созданной Эстрелем, с нарядами учениц французской школы магии «Шармбатон» (англ. *Beauxbatons*, с фр. — красивые волшебные палочки) в фильме «Гарри Поттер и Кубок Огня» (англ. *Harry Potter and the Goblet of Fire*). Даже, когда с 1980-х гг. пошивом олимпийской одежды стали заниматься крупные компании, они стремятся учитывать все веяния моды, обозначенные выдающимися кутюрье.

Третья тенденция касается того, что расширяется пространство дискуссии по поводу не только дизайнера спортивной формы, но и места ее создания, а также происхождения материалов, необходимых для изготовления. Геополитические баталии по поводу олимпийской формы чаще всего затрагивают вопросы, уже не того, кто выступает ее дизайнером, а

какие фирмы непосредственно ее производят. Накануне открытия Олимпиады 2012 г. группа американских сенаторов выступила с претензиями к НОК США из-за того, что форма для сборной была сшита в Китае. Глава демократического большинства в Сенате Гарри Рид призвал собрать все эти «вражеские» спортивные майки и трусы и прилюдно сжечь. Хотя НОК США заявил, что на изготовление экипировки для сборной не было потрачено ни цента бюджетных денег, это не умерило пыл сторонников изготовления спортивной формы сборной страны исключительно американскими производителями⁶.

Четвертая тенденция относится к разряду того, что спортивная одежда сама по себе может быть визуальным отражением понижения участников соревнований в статусе, то есть выступать в качестве инструмента их стигматизации. Так это было с Олимпийцами из России на зимних играх 2018 г. в корейском Пхёнчхане. Тогда приглашенные МОК спортсмены не только участвовали в соревнованиях под именем «Олимпийский спортсмен из России» (англ. *Olympic Athletes from Russia, OAR*), на церемониях награждения звучал не российский, а олимпийский гимн, но и на их формах не было никакой отсылки в виде эмблемы или цветовой гаммы к национальной принадлежности атлетов. В отличие от других Олимпиад, на которых форма российской сборной отличалась высоким художественным исполнением, обращением к традициям народного творчества или изобразительного искусства страны, в Пхёнчхане была представлена экстренно сшитая компанией *Zasport* форма, которую сложно было называть нейтральной, настолько она была безликой. На экипировку было разрешено нанести лишь два цвета из российского национального триколора — красный и белый.

Пятой тенденцией можно назвать усиливающееся влияние формы национальных спортивных команд на то, во что одеваются болельщики. Они все чаще повторяют цветовую гамму сборных своих стран. В Венесуэле костюм олимпийской сборной с цветами национального флага, моду на ношение которого далеко за пределами сферы спорта ввел Уго Чавес, стал восприниматься символ «чавизма». В таком костюме, называемом *chándal a lo Chávez* или *chándal de Chávez*, в знак преемственности идей и политики покойного национального лидера Николас Мадуро был на похоронах Чавеса, чем нарушил протокол⁷. Активно болельщики вводят в международную моду предметы народного костюма. Например, во вре-

6 Чудодеев А. Играют все! // Итоги. 2012. № 32. С. 16-18.

7 Сливчикова Ю.В. Вестиментарные термины-эпонимы в современном испанском языке: функционально-семантический аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 34 (1). С. 293.

мя чемпионата мира по футболу ФИФА 2018 г. в России исключительно популярным стал русский женский головной убор — кокошник, причем не только среди женской, но и мужской части болельщиков.

Шестая тенденция отражает креативное состояние современного мира. Естественно, области спорта и досуга не остались свободными для творческих споров и выражений креативности. Нет ничего удивительного в том, что государства проводят своеобразные соревнования форм, в которых выступают их сборные на Олимпийских играх. Сами спортсмены иной раз удивляют весьма странными видами одежды. Например, мужская норвежская сборная по керлингу на Олимпийских играх в Ванкувере выступала в клоунских брюках. На 22-х зимних Олимпийских Играх в Сочи (2014) их форма была представлена в цветах национального флага. Поскольку носить форму можно было лишь во время соревнований, то в знак протеста против правил МОК члены этой команды сфотографировалась без брюк.

Вместе с тем обнаружили и менее политизированные тенденции. Есть даже вероятность того, что их проявления будут усиливаться. Итак, седьмой тенденцией выступает то, что спортивная мода становится мостиком между спортом высоких достижений и повседневностью. Один из самых ярких примеров такой связи — история кроссовок, превратившихся из спортивной обуви в тотем субкультуры скейтбордистов и исполнителей хип-хопа. Порой из-за того, какое символическое послание несли кроссовки, возникали бандитские разборки и уличные беспорядки⁸. А сейчас кроссовки все более и более вбирают в себя смыслы защиты природы, в переработанном виде их используют для покрытия спортивных площадок.

В качестве восьмой тенденции обозначается стремление разработчиков спортивной одежды создать такую форму, которая была бы наиболее безопасной и позволяла защитить атлетов от различных вирусов. Лидером в этом направлении стала Южная Корея, которая еще за несколько лет до возникновения пандемии коронавирусной инфекции озаботилась защитой своих атлетов, участвующих в Играх в Рио-де-Жанейро (2016), от вируса Зика (англ. *Zika virus*, *ZIKV*). По рекомендациям врачей и ученых все элементы формы национальной сборной были обработаны химическими веществами, отпугивающими комаров, которые переносят вирус Зика.

Несмотря на то, что ведущую роль в продвижении этих тенденций

8 Смит Н. Кроссовки. История культовой обуви шаг за шагом. М.: Бомбора, 2019.

играют Олимпийские игры, на углубление связи моды и спорта оказывают и другие соревнования. Например, на теннисных турнирах изначально вводился строгий дресс-код не только для спортсменов, но и для зрителей. Организаторы старейшего Уимблдонского турнира (англ. *The Championships, Wimbledon*)⁹, проводимого с 1877 г. в Лондоне на травяных кортах Всеанглийского клуба лаун-тенниса и крокета (англ. *All England Lawn Tennis and Croquet Club, AELTC*), полагают, что все его участники должны выходить на корт исключительно в белой форме — *all white*. Причем белый — это кипенно-белый, а не «почти белый» или кремовый. Допускаются лишь цветные канты, ширина которых не превышает одного сантиметра, на воротнике или по краю шортов. Белыми также должны быть аксессуары, включая напульсники, шнурки и подошву на кроссовках. Ярким примером такого стиля было появление в начале 1920-х гг. на Уимблдонском турнире французской теннисистки Сюзанн Ленглен в маленьком белом платье с короткими рукавами от *Jean Patou*¹⁰. Эта мода сохранялась на протяжении всего последующего столетия.

Правило белого цвета оставалось непреложным и после того, как в 1972 г. на Открытом чемпионате США (англ. *The United States Open Tennis Championships; US Open*) теннисистам разрешили одеваться в цветную спортивную форму. В 2013 г. Роджер Федерер получил замечание за кроссовки с оранжевой подошвой. Компания *Nike*, производшая для Федерера эти кроссовки, обещала возместить теннисисту моральный ущерб и отблагодарила его за рекламу фирмы чеком на шестизначную сумму. С 2014 г. правила дресс-кода ужесточились. Федерер не был первым и единственным нарушителем теннисного дресс-кода. В 1949 г. американка Гертруда (Гасси) Моран вышла на корт Уимблдона в произведении модельера и официального распорядителя турнира Теда Тинлинга. Теннисистка надела под юбку сиреневые трусы из дефицитного шелка с кружевной отделкой. Их публика могла лицезреть всякий каждый раз, когда спортсменка тянулась за мячом. Впечатление оказалось настолько незабываемым, после смерти теннисистки в 2013 г. большая часть некролога в *The New York Times* была посвящена именно этому предмету одежды. Гостям турнира рекомендуется одеваться гостям в деловом стиле, избегать спортивной одежды, включая джинсы, кроссовки, шорты, бейсболки, футболки и толстовки. Эти неудобства зрителям компенсируются не только

9 Barrett J. Wimbledon: The Official History of the Championships. London: Collins & Willow, 2001; Klaassen F., Magnus J.R. Analyzing Wimbledon: The Power of Statistics. Oxford: Oxford University Press, 2014.

10 Danzig A. Suzanne Lenglen // Bud Collins' Tennis Encyclopedia / Bud Collins, Zander Hollander (Eds.). Detroit, MI: Visible Ink Press, 1997. P. 97-99.

захватывающими спортивными поединками, но и общей обстановкой турнира с его сложившимися традициями в виде клубники со сливками или крутона, но многочисленными художественными событиями и выставками.

Можно назвать такие виды спорта, которые немыслимы без слияния с модой. В первую очередь речь идет о фигурном катании. Для его мастеров творили выдающиеся кутюрье. Известны прекрасные результаты сотрудничества Кристиана Лакруа с Сурией Бонали. Именно эта фигуристка ввела в моду юбку-пачку. Для выдающейся итальянской фигуристки Каролины Костнер работал модный дом Роберто Кавалли. В 2018 г. на Олимпиаде в Корее Костнер выступала в платье насыщенного красного цвета, пошитого для нее этим домом. Вячеслав Зайцев сотрудничал с такими танцевальными парами, как Ирина Моисеева и Андрей Миненков, Наталья Бестемьянова и Андрей Букин, Яна Хохлова и Сергей Новицкий.

Спортивная форма несет в себе множество смыслов. Британские ученые установили, что цвет формы спортсмена влияет на решения судей. Они назвали красный цвет футбольной формы одним из факторов победы. Закономерность между цветом формы и успехами команды прослеживается и в других видах спорта. Не случайно еще в 1970-е гг. в североамериканской печати появились определения сборной СССР по хоккею как «Красной машины»¹¹.

Форма спортивной команды и ее яркий логотип выступают удивительными по силе механизмами мобилизации болельщиков не только внутри своих стран, но и в мире. Пример: хоккейный клуб *Broad Street Bullies*, имеющий неофициальное название *Philadelphia Flyers* за сверхжесткий стиль игры¹². В Национальной хоккейной лиге (НХЛ, англ. *National Hockey League, NHL*; фр. *Ligue nationale de hockey, LNH*), профессиональной спортивной организации, которая объединяет хоккейные клубы США и Канады, имеются команды гораздо более титулованные, более удачливые, более ровные и более звездные, чем *Broad Street Bullies*. Но ее болельщиков, живущих в разных государствах и даже на континентах, притягивает к их кумирам, облаченных в оранжевые, белые или черные майки с загадочной эмблемой, не только игра, но символика команды, олицетворяющая скорость.

В наше время с его усложняющейся картиной мира возрастает потребность в распространении простого и всем понятного языка, помогающе-

11 Berglund B. *The Fastest Game in the World Hockey and the Globalization of Sports*. Berkeley, California: Univ. of California Press, 2020.

12 Симомян Ю. Йо-хо-хо! Go Flyers, Go! // Независимая газета. 2011. 25 апреля.

го не только общаться представителям разных культур и традиций, но и в какой-то степени объясняющего то, почему каждая из них несет собственное, лишь ей присущее, послание. Разобраться в этом помогает знание языка символов¹³. Спортивная форма, безусловно, является продуктом современных технологий, но одновременно она оказывается выразителем этого языка, причем действующего в той области, которая вовлекает все большее количество людей. Потому в языке спортивной одежды все должно быть ясным и понятным.

Список литературы:

1. Борисова Е.А. Формирование стиля спорт-шик на основе исторической ретроспективы спортивного стиля // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. Апрель. № 4 (118). Часть 3. С. 150-160.
2. Даев А.Н., Терновая Л.О. Геополитические смыслы спортивных символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 25-34.
3. Елинер Л.В. К вопросу о генезисе спортивного стиля в моде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 58. С. 119-122.
4. Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970. С. 117. 166 с.
5. Симонян Ю. Йо-хо-хо! Go Flyers, Go! // Независимая газета. 2011. 25 апреля.
6. Сливчикова Ю.В. Вестиментарные термины-эпонимы в современном испанском языке: функционально-семантический аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 34 (1). С. 290-295.
7. Смит Н. Кроссовки. История культовой обуви шаг за шагом. М.: Бомбора, 2019. 352 с.
8. Терновая Л.О., Гольдин Г.Г., Даев А.Н. Геополитика спорта: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2021. 232 с.
9. Чудодеев А. Играют все! // Итоги. 2012. № 32. С. 16-18.
10. Barrett J. Wimbledon: The Official History of the Championships. London: Collins & Willow, 2001. 468 p.
11. Berglund B. The Fastest Game in the World Hockey and the Globalization of Sports. Berkeley, California: Univ of California Press, 2020. 344 p.
12. Danzig A. Suzanne Lenglen // Bud Collins' Tennis Encyclopedia / Bud Collins, Zander Hollander (Eds.). Detroit, MI: Visible Ink Press, 1997. P. 97-99.
13. Klaassen F., Magnus J.R. Analyzing Wimbledon: The Power of Statistics. Oxford: Oxford University Press, 2014. 252 p.

Bibliography

1. Borisova E.A. Formation of the sport-chic style based on the historical retrospective of the sport style // International Scientific Research Journal. April. 2022. № 4 (118). Part 3. P. 150-160.
2. Daaev A.N., Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of sports symbols // Ethnosocium and international culture. 2022. № 12 (174). P. 25-34.
3. Eliner L.V. On the issue of the genesis of sports style in fashion // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. 2008. № 58. P. 119-122.
4. Kireeva E.V. Costume history. European costumes from antiquity to the 20th century. M.: Education, 1970. P. 117. 166 p.
5. Simonyan Y. Yo-ho-ho! Flyers, Go! // Independent newspaper. 2011. April 25.
6. Slivchikova Yu.V. Vestimentary terms-eponyms in modern Spanish: functional and semantic aspect // Bulletin of MGIMO-University. 2014. № 34 (1). P. 290-295.
7. Smith N. Sneakers. The history of iconic shoes step by step. M.: Bommora, 2019. 352 p.
8. Ternovaya L.O., Goldin G.G., Daaev A.N. Geopolitics of Sports: Monograph. M.: International Publishing Center «Ethnosocium», 2021. 232 p.
9. Chudodeev A. Everyone plays! // Totals. 2012. No. 32. P. 16-18.
10. Barrett J. Wimbledon: The Official History of the Championships. London: Collins & Willow, 2001. 468 p.
11. Berglund B. The Fastest Game in the World Hockey and the Globalization of Sports. Berkeley, California: Univ of California Press, 2020. 344 p.
12. Danzig A. Suzanne Lenglen // Bud Collins' Tennis Encyclopedia / Bud Collins, Zander Hollander (Eds.). Detroit, MI: Visible Ink Press, 1997. P. 97-99.
13. Klaassen F., Magnus J.R. Analyzing Wimbledon: The Power of Statistics. Oxford: Oxford University Press, 2014. 252 p.

¹³ Даев А.Н., Терновая Л.О. Геополитические смыслы спортивных символов // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 12 (174). С. 25-34.

Старостенков Н.В.

*Доктор исторических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».*

Особенности деятельности партийных, государственных и общественных организаций Советского Союза по формированию у трудящихся мотивации к выполнению и перевыполнению задач, стоявших перед советской промышленностью в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Введение

3 марта 2023 года Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ, согласно которому российские компании, работающие в рамках гособоронзаказа и срывающие сроки по своим обязательствам, в случае введения военного положения будут переходить под внешнее управление [12].

Не трудно заметить, что высшее руководство страны за относительно короткий промежуток времени уже не впервые обращается к этим, видимо злободневным, вопросам.

Так 23 декабря 2022 года В.В. Путин потребовал выполнения в полном объеме гособоронзаказа в 2023 году, сформулировав важнейшую задачу оборонной промышленности: в кратчайшие сроки обеспечить все передовые части вооружением и боеприпасами.

В свою очередь, заместитель председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев 10 января 2023 года анонсировал создание рабочей группы по вопросам контроля за производством вооружений, военной техники и средств поражения, специально подчеркнув, что к нарушителям, в случае необходимости, правительством будут приниматься меры уголовного наказания [12].

Однако, на наш взгляд, в дополнение к мерам административного и даже уголовного характера в целях преодоления имеющихся негативных процессов, следует обратиться к опыту деятельности военно-политического руководства СССР в годы Великой Отечественной войны.

Действительно, в исторически кратчайшие сроки руководству Советского Союза удалось создать мощный оборонный потенциал, который позволил стране сокрушить гитлеровскую Германию – мощного, опытного, хорошо подготовленного и вооруженного противника, одержав над ним безусловную не только военную, но и экономическую победу.

В рамках данного исследования нас, в первую очередь, будет интересовать опыт формирования у трудящихся советской страны небывалой по силе трудовой мотивации, явившейся генератором огромного инновационного и новаторского потенциала, источником величайших трудовых свершений, закономерно приведших к Победе над врагом.

Методы

Объектом настоящего исследования является деятельность партийных, государственных, комсомольских и профсоюзных организаций Советского Союза по мобилизации трудящихся к высокопроизводительному труду в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

В качестве гипотезы автором выдвинуто утверждение, что разработанная и активно использовавшаяся партийными, государственными, комсомольскими и профсоюзными организациями система принципов и методов пропаганды, направленная на формирование мотивации трудящихся к высокопроизводительному труду, в основном, успешно решала стоявшие перед ней задачи.

Методологическую базу данной работы составили общепринятые принципы и методы научного исследования и прежде всего, принципы историзма, детерминизма, социального подхода, методологического плюрализма и др. и, основанные на них методы исследования, которые позволили решить основные задачи исследования:

- исследовать и сформулировать принципы и методы, лежавшие в основе организации пропагандистской деятельности партийных, государственных, комсомольских и профсоюзных организаций Советского Союза;

- показать возможности, которыми располагали такие организационные формы коллективных действий, как социалистическое соревнование, в решении задач, стоявших перед промышленностью;

- сформулировать рекомендации по возможности использования в современных условиях опыта, накопленного органами пропаганды партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций в годы Великой Отечественной войны.

Решение вышеперечисленных задач исследования позволило автору считать сформулированную им гипотезу, в основном, доказанной.

Результаты

На всем протяжении Великой Отечественной войны важнейшей задачей партийных и государственных органов, комсомольских и профсоюзных организаций Советского Союза была задача повышения эффективности деятельности производственных коллективов, обеспечения роста производительности труда, сокращения потребности в трудовых ресурсах, внедрения новой техники и передовых методов организации производства.

Успеха в решении этой сложной задачи удалось добиться потому, что в основе организаторской и пропагандистской деятельности партийных, государственных, комсомольских и профсоюзных организаций была положена эффективная система принципов и методов пропаганды, направленная на формирование мотивации трудящихся СССР к высокопроизводительному труду.

Действительно, опираясь на нее с самого начала Великой Отечественной войны советской пропаганде удалось сформулировать и выдвинуть лозунги, не только отражающие общественные настроения, но и наполняющие повседневную жизнь трудящихся высоким смыслом, зовущим их на выполнение гражданского долга: «Все – для фронта, все – для победы!»; «В труде – как в бою!»; «Работать не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт!» и др.

Поэтому к числу важных принципов, лежавших в основе организации пропаганды, направленной на формирование у трудящихся мотивации к высокопроизводительному труду, можно отнести принцип соответствия мобилизующих призывов, адресованных от имени государства широким слоям трудящихся, господствующим общественным настроениям, объединяющим людей на основе единообразно понимаемых и разделяемых большинством целей существования страны, общества, каждого отдельного гражданина в конкретных исторических условиях.

Был найден и эффективный метод коллективных действий, способствующий успешной реализации этого принципа – организация социалистическое соревнование.

Существенную роль предстояло сыграть различным формам пропаганды опыта передовиков, достижений наиболее отличившихся трудовых коллективов.

Вот какие задачи перед пропагандистскими органами партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций ставило политическое руководство страны в то время: «Гласность должна сопутствовать соревнованию на всех его этапах. Собрания, митинги, печать, радио, библиотеки, беседы – все следует использовать для показа опыта передовых работников и недостатков в работе отстающих, для обмена опытом, чтобы заводской коллектив постоянно знал, как проходит соревнование, на какие участки следует приналежать, что мешает двигаться вперед. Газеты должны публиковать материалы, которые давали бы картину того, что переживают миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают делом соревнования своим собственным, родным делом» [14, С. 24-25].

Пропагандистские органы со своей задачей справились. Об этом можно судить по тому, что в труднейший для нашей страны момент – «июль 1942 года – военная промышленность выпустила продукции на 59% больше, чем в январе, при этом в промышленности вооружений рост составил 57%; в авиационной – 97%; боеприпасов – 66%» [3, С. 500].

Достаточно эффективным пропагандистским приемом, направленным на повышение действенности соревнования, была привязка подведения его итогов к знаменательным датам истории страны. Обязательства, которые брали на себя соревнующиеся, предполагали встречу выдающимися трудовыми достижениями государственных праздников, годовщин важных событий общесоюзного, а в некоторых случаях, и местного значения.

Еще один принцип, который эффективно использовался всеми органами советской пропаганды, заключался в создании максимально комфортных условий для самовыражения патриотических чувств в труде на основе формирования и поддержания чувства сопричастности с жизнью страны, с судьбоносными моментами ее истории не только каждого конкретного работника, но и каждого трудового коллектива.

Еще одной характерной особенностью деятельности органов государственной власти, партийных, комсомольских и профсоюзных организациями в ходе всей войны было умелое и успешное использование агитационно-пропагандистских технологий, направленных на мобилизацию трудящихся на решение сложнейших (иногда просто невыполнимых обычными методами) производственных задач.

На начальном этапе Великой Отечественной войны заметную роль в

деле усовершенствования технологий и орудий производства; механизации трудоемких процессов, повышения квалификации рабочих; улучшения организации производства и труда [6, С. 47-48] сыграло движение комсомольско-молодежных бригад под девизом «В труде – как в бою!» за право называться фронтовой бригадой. Его организация и пропагандистское сопровождение были осуществлены с особой тщательностью и с учетом социально-психологических особенностей участников.

Положило начало этому популярному движению «обращение к мастеру Уралмашзавода Михаилу Попову года осенью 1941 наркома танковой промышленности В.А. Малышева с просьбой подумать о том, как увеличить выпуск танков» [См. 15, С. 91-92].

Само по себе обращение наркома к простому мастеру одного, пусть даже крупнейшего, завода, обращение о котором вскоре станет широко известно всей стране – событие в пропагандистском плане знаковое, призванное подчеркнуть роль и значение человека труда в советском обществе, в котором каждый – от наркома до рабочего – на своем месте, совместно решают одну общую задачу – сделать все, что только в их силах, для фронта, для Победы.

Всесоюзные слеты передовиков, выступления рабочих на коллегиях наркоматов, приемы победителей соревнования в Кремле призваны были показать приоритеты советской власти, единство ее интересов и интересов подавляющего большинства населения, пусть, возможно, и на уровне социальной демагогии, продемонстрировать отношение к человеку труда, как к хозяину «необъятной Родины своей».

«Бригада М. Попова с поставленной задачей справилась и сократила срок изготовления порученной им детали с 36 до 1,5 часов. Достигнутый результат позволил инициировать обращение членов бригады ко всем молодым рабочим с предложением взять фронтовые обязательства по увеличению выпуска продукции.

Движение за присвоение почетного звания «фронтовой бригады» получило широкое распространение. Фактически, появление «фронтовых бригад» явилось дальнейшим развитием прекрасно зарекомендовавшей себя в годы первых пятилеток формы бригадной организации: ударных комсомольско-молодежных бригад.

Со временем определился набор требований, соответствуя которым каждая комсомольско-молодежная бригада могла претендовать на звание «фронтовой». В частности, работая на самом ответственном участке производства, от которого в решающей степени зависит выполнение

всего производственного задания, бригада должна была в течение двух месяцев добиваться выполнения плановых заданий не ниже чем на 150% (в текстильной, угольной и некоторых других отраслях промышленности – на 110-115%), имея при этом высокие показатели по экономии материалов и электроэнергии, а также вести систематическую работу по повышению квалификации кадровых рабочих и обучению новичков» [15].

Инициативы, почины и движения, хорошо зарекомендовавшие себя с точки зрения решения стоящих, а иногда и внезапно возникавших производственных задач, широко использовались советской пропагандой.

В момент, когда наиболее остро проявился дефицит квалифицированной рабочей силы, был инициирован и получил широкую пропагандистскую поддержку почин московского токаря Федора Букина, который в июне 1941 года призвал работать не только за себя, но и за ушедшего на фронт товарища.

«Так родилось движение двухсотников, то есть тех, кто ежедневно выполняет норму не менее чем на 200%. В октябре 1941 года только на предприятиях Москвы трудилось уже более 15 тыс. Двухсотников» [9, С. 391].

Движение развивалось и через некоторое время появились трехсотники, а в начале 1942 года, по почину нижнетагильского фрезеровщика Д.Ф. Босого [См. 11, С. 13], выполнившего 12 февраля сменное задание на 1480% - тысячники.

Производственных показателей, которые для тысячников становились нормой, можно было достичь только на основе освоения новой техники

Поэтому перед советской пропагандой встала очередная задача – всемерная популяризация деятельности изобретателей и рационализаторов. Печать заполнили материалы, посвященные наиболее результативным рационализаторам и изобретателям.

Журнал «Большевик» писал в 1943 году: «Какой огромный эффект могут дать высокопроизводительные приспособления, видно по работе лауреата Сталинской премии тов. Д.Ф. Босого. 15 норм в смену выполнял тов. Босый благодаря тому, что, применив специальный комплект фрез и приспособление, совместил две операции (прорезка большого фазы и фрезеровка боковых стенок) в одной и стал обрабатывать вместо одной детали три» [2, С. 44].

Внедрение в производство рационализаторских предложений позволяло многократно сократить время, необходимое на выполнение техно-

логических операций, сэкономить ресурсы, высвободить значительное количество рабочих.

В 1943 году была найдена, распропагандирована и широко внедрена весьма интересная и перспективная форма участия рабочих и служащих в организации производственного процесса, позволявшая путем поиска резервов производства и рабочей силы существенно повысить производительность труда: общественные смотры организации труда.

«Первый такой смотр прошел в апреле – мае 1943 года на Первоуральском новотрубном заводе и позволил путем рациональной организации труда, использования средств малой механизации и совмещения профессий добиться заметной экономии сырья и материалов, а также высвободить около 500 рабочих» [См. 13, С. 302-303].

«В конце ноября 1943 года 60% заводов промышленности вооружения провели у себя общественные смотры, которые носили массовый характер. Так, на Уралмашзаводе в смотре приняло участие свыше 5 тыс. рабочих и служащих. По итогам смотра 1800 вспомогательных рабочих были переведены на более важные участки производства. Кроме того, 200 рабочих перешли на многостаночное обслуживание, 300 – стали совмещать профессии» [См. 8, С. 16].

Общественные смотры, их широкое освещение средствами массовой информации стимулировали деятельность изобретателей и рационализаторов. «В 1943 году только в промышленности вооружений было подано и внедрено 1102 рационализаторских предложений с экономическим эффектом 14 млн. Рублей» [См. 1].

Оценивая итоги организационной, идеологической и пропагандистской деятельности партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций по мобилизации трудящихся на активное участие в социалистическом соревновании, развернувшемся в народном хозяйстве страны в 1943 году, следует отметить, что в этот период оно приобретает поистине массовый характер.

Во многом благодаря ему удастся повысить производительность труда, увеличить выпуск промышленной продукции, обеспечить Красную Армию необходимым количеством современной боевой техники и оружия.

Таким образом, еще один метод, которым руководствовались в своей деятельности пропагандистские органы государственной власти, партийных, комсомольских и профсоюзных организациями базировался на официальном признании и постоянном декларировании высшими орга-

нами государственной власти исключительной роли и ценности человека труда в процессе общенародного решения задач государственной важности – повышении эффективности общественного производства и на этой основе достижения безусловной Победы над врагом.

Овладение СССР военно-стратегической инициативой, приближающийся разгром фашистской Германии, выход военной промышленности на показатели, начинающие превосходить экономические возможности противника ставили перед пропагандой новые задачи.

В круг задач пропаганды (помимо ставшей традиционной необходимости направления усилий трудящихся на выполнение и перевыполнение плановых заданий, роста качества работ и увеличения производительности труда), вводят и такие, как мобилизация рабочих и служащих на успешное выполнение плана по производству продукции гражданского назначения, экономии сырья, топлива и расходных материалов¹, соблюдению правил техники безопасности и охраны труда, удовлетворению культурно-бытовых нужд рабочих и служащих [См. 7, С. 361-362].

В 1944 году была найдена еще одна важная форма организации работы по мобилизации трудящихся на решение стоящих перед ними задач. Было организовано движение комсомольско-молодежных бригад за выполнение бригадного плана в уменьшенном составе. Его инициатором выступила фронтовая комсомольско-молодежная бригада строгальщиц 1-го государственного подшипникового завода Екатерины Барышниковой.

«Проведенный на заводе смотр организации труда заставил членов бригады задуматься над возможностью увеличения выпуска продукции меньшим числом рабочих. Бригада Барышниковой и некоторые другие бригады взялись выполнить повышенное задание сокращенным составом и обратились с призывом ко всей молодежи последовать их примеру. Призыв москвичей был услышан и поддержан тысячами молодежных бригад. Так на Кировском заводе бригада Валентины Топорищевой, работая в составе 8 человек, заменила 12. Более того, сократив своей состав еще на 2 работника, эта бригада продолжала значительно перевыполнять нормы выработки» [См. 8, С. 15].

В масштабах страны начинание бригады Е. Барышниковой обеспечило значительную экономию рабочей силы, так как только в январе

¹ В соответствии с требованиями постановления ГКО от 18 мая 1944 года «Об экономии электроэнергии в промышленности», особое внимание уделялось экономии электроэнергии.

1944 года на промышленных предприятиях и транспорте насчитывалось свыше 46 тыс. комсомольско-молодежных бригад, охватывавших более 400 тыс. молодых рабочих. За отличную работу 12 870 бригад получили звание фронтовых. Только из состава фронтовых бригад на другие участки производства было направлено более 30 тыс. рабочих.

Дальнейшее развитие получили общественные смотры превратившиеся в 1944-1945 годах в «...проверенное на опыте многих предприятий средство мобилизации инициативы рабочих масс» - писала в своей статье «Великий подвиг рабочего класса» секретарь ВЦСПС К.И. Николаева [8, С. 16-17]. Средство позволяющее «...с меньшим количеством рабочих давать больше продукции для фронта» [8, С. 16-17].

Поэтому еще одним принципом, которым руководствовались в своей деятельности пропагандистские органы государственной власти, партийных, комсомольских и профсоюзных организациями было внимательное отношение к инициативам «снизу», умение распознать наиболее перспективные из них, обеспечив им максимальную поддержку и пропагандистское обеспечение.

Если в первый период Великой Отечественной войны пропаганда была, в основном, ориентирована на мобилизацию трудящихся на совершенствование технологии и орудий производства, механизацию трудоемких процессов, повышение квалификации рабочих, улучшение организации производства и труда [8, С. 47-48] в ходе соревнования между отдельными стахановцами, бригадами, участками, цехами, то начиная с 1942 года перед ней встают новые задачи. Дело в том, что в первой половине 1942 года в условиях начавшегося подъема промышленного производства и накопления партийным и государственным руководством опыта управления народным хозяйством в условиях войны, складываются благоприятные условия для организации социалистического соревнования в масштабах всей страны.

В качестве повода для развертывания Всесоюзного социалистического соревнования было использовано обращение коллектива Кузнецкого металлургического комбината им. В.И. Сталина об организации Всесоюзного социалистического соревнования металлургов. Практически одновременно с подобной инициативой – развернуть Всесоюзное соревнование работников авиационной промышленности – были инициированы выступления коллективов авиационных предприятий.

Тем самым сложились условия для развертывания Всесоюзного социалистического соревнования по различным отраслям промышленности.

Широко освещавшаяся в средствах массовой информации инициатива кузнецких металлургов и авиастроителей была весьма своевременной и получила горячую поддержку «снизу» - от коллективов многочисленных предприятий различных отраслей промышленности.

Вот, например, что писали рабочие Алапаевского металлургического завода в своих социалистических обязательствах: «Мы отдадим все наши силы на усиление помощи фронту. ... Мы сделаем все, чтобы в нашем коллективе не было ни одного отстающего цеха, отделения и агрегата. В соревновании мы будем бороться за досрочное выполнение программы второго квартала, за выпуск сверх плана 1400 тонн чугуна, 2200 тонн стали, 2400 тонн проката, за почетное звание передового завода Наркомчермета, за переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны» [4, С. 10].

Поэтому главные усилия пропаганды были направлены на принятие как отдельными трудящимися, так и целыми коллективами повышенных социалистических обязательств, которые обсуждались на собраниях трудовых коллективов, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

«Патриотический порыв советских граждан, пропагандистская, организаторская и идеологическая работа партийных и комсомольских организаций, заинтересованное участие профсоюзов превратили в 1943 году Всесоюзное социалистическое соревнование в движение, охватившее подавляющую часть трудящихся. Если в начале года в нем принимали участие 77,6% работников промышленности, строительства и транспорта, то к концу года – уже 82,1%» [13, С. 372].

Таким образом, еще одним принципом, широко используемым в организаторской и пропагандистской работе, был постоянный поиск форм коллективных действий, позволяющих наиболее полно проявиться лучшим качествам, свойственным советскому народу: патриотизму, самоотверженности, коллективизму и героизму.

Как уже отмечалось ранее, важнейшей из таких форм было социалистическое соревнование.

ЦК ВКП (б) и ГКО одобрили инициативу по организации Всесоюзного социалистического соревнования по отраслям промышленности, что было отражено в принятом в мае 1942 года постановлении ЦК ВКП (б) [10, С. 3-27].

В качестве цели соревнования рассматривалось создание условий для дальнейшего подъема народного хозяйства, позволяющего накопить ре-

сурсь, необходимые для изгнания фашистских захватчиков с территории СССР.

Для награждения победителей были учреждены переходящие Красные Знамена ЦК ВКП (б) и ГКО.

Кроме того, были учреждены переходящие Красные Знамена ГКО для различных отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства, переходящие Красные Знамена ЦК ВКП (б) для победителей соревнования между предприятиями вооружения и боеприпасов. Для предприятий, занявших в соревновании вторые и третьи места, были учреждены Красные Знамена ВЦСПС и соответствующих народных комиссариатов.

«Победителям Всесоюзного социалистического соревнования устанавливались премии, 60-70% которых (по решению ГКО от 29 августа 1942 года) составляли средства на индивидуальное премирование рабочих, служащих и ИТР, а 30-40% на культурно-бытовое обслуживание трудящихся и улучшение их жилищных условий» [См. 7, С. 163-167].

В 1944-1945 года действовала целая система поощрений, включавшая вручение предприятиям Красных Знамен от имени центральных государственных и партийных органов, комсомольских и профсоюзных организаций, правительственные награды, премии (в том числе и Государственные), улучшенное питание передовиков и целый ряд других льгот. Только в 1945 году передовикам социалистического соревнования было присуждено 1041 Красное Знамя и 2150 премий [13, С. 373].

Это был важный дополнительный резерв повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины.

Таким образом, еще один принцип, использовавшийся партийными и государственными органами, комсомольскими и профсоюзными организациями для формирования мотивации трудящихся к высокопроизводительному труду, заключался в повсеместном использовании ясной и прозрачной системы материального и морального поощрения.

Об эффективности работы пропаганды, ее вкладе в дело достижения победы над врагом косвенно можно судить по словам Председателя Президиума ВЦСПС В.В. Кузнецова, который в своей статье «Советские профсоюзы в период Отечественной войны», опубликованной в журнале «Большевик» [5, С. 13], отмечал: «...возникли и развились новые формы участия широких масс в деле улучшения производства, повышения производительности труда. Возникло и получило повсеместное распространение движение молодежных бригад. За короткое время эти бригады

стали большой силой на производстве; они серьезно влияют на работу предприятий, помогают при меньшем количестве работающих выполнять и перевыполнять производственные задания» [5, С. 12-13].

Заключение

Таким образом, пропагандистская деятельность организаций ВКП (б), ВКЛСМ, ВЦСПС и Советов всех уровней, наряду с организационной и идеологической работой, позволили вовлечь подавляющее большинство трудящихся в социалистическое соревнование, которое сыграло важную роль в решении больших и сложных задач, стоявших перед экономикой Советского Союза на всех этапах Великой Отечественной войны.

Во многом этому способствовала разработанная и активно использовавшаяся партийными, государственными, комсомольскими и профсоюзными организациями система принципов и методов пропаганды, направленная на формирование мотивации трудящихся СССР к высокопроизводительному труду.

Благодаря этой системе различные формы патриотических движений: двухсотников, трехсотников, тысячников, многостаночников, фронтовых комсомольско-молодежных бригад своей деятельностью способствовали повышению производительности труда, укреплению трудовой дисциплины, позволили ярко проявиться патриотизму советского народа, его самоотверженности и героизму.

Разумеется, в современных российских условиях речь не может идти о прямом заимствовании принципов, форм и методов, использовавшихся советской пропагандой в годы Великой Отечественной войны. Однако многократно доказавший свою эффективность опыт их применения может оказаться полезным сегодняшним пропагандистам, ищущим пути решения стоящих перед ними задач.

Более того, возможно, некоторые из принципов и методов пропагандистской работы, о которых речь шла выше, но уже в обновленном виде, удастся использовать и сегодня.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации, ф. 5451, оп. 24, д. 225, л. 61
2. Грановский Е. Работа по графику в условиях войны // Большевик. 1943. № 13. С. 44.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945: В 6 т. – М.: 1960-1965. Т. 2. С. 500.
4. Комов П. Сила социалистического соревнования // В помощь фабрично-заводским и местным комитетам. 1942. № 13. С. 10.
5. Кузнецов В. Советские профсоюзы в период Отечественной войны // Большевик. 1944. № 13-14. С. 13.
6. Кузьминов И. Социалистическая экономика в условиях войны // Большевик. 1943. № 3-4. С. 47-48.
7. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1971.
8. Николаева К.И. Великий подвиг рабочего класса // В помощь фабрично-заводским и местным комитетам. 1944. № 1-2.
9. Очерки истории Московской организации ВЛКСМ. – М.: 1976. С. 391.

10. Партийное строительство. 1942. № 9-10. С. 3-27.
11. Подвиг трудового Урала. – Свердловск, 1965. С. 13.
12. Президент Путин подписал указ о работе оборонных предприятий во время военного положения // Известия. 03.03.2023 [Электронный ресурс]. // URL: https://iz.ru/1478472/2023-03-03/prezident-putin-podpisal-ukaz-o-rabote-oboronnykh-predpriatii-vo-vremia-voennogo-polozheniia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (Дата обращения: 03.03.2023).
13. Профсоюзы СССР: Документы и материалы: В 4 т. – М.: 1963. Т. 3.
14. Шире фронт социалистического соревнования! // Большевик. 1942. № 10. С. 24-25.
15. Якушевский А.С. Арсенал Победы // Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. - Кн. 4. Народ и война. – М.: Наука, 1999. С. 91-92.

Bibliography

1. State Archive of the Russian Federation, f. 5451, op. 24, d. 225, l. 61
2. Granovsky E. Work according to the schedule in the conditions of war // Bolshevik. 1943. № 13. P. 44.
3. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941-1945: In 6 volumes - М.: 1960-1965. Т. 2. P. 500.
4. Komov P. The power of socialist competition // To help the factory and local committees. 1942. № 13. P. 10.
5. Kuznetsov V. Soviet trade unions during the Patriotic War // Bolshevik. 1944. № 13-14. P. 13.
6. Kuzminov I. Socialist economy in war // Bolshevik. 1943. № 3-4. P. 47-48.
7. Mitrofanova A.V. The working class of the USSR during the Great Patriotic War. – М.: Nauka, 1971.
8. Nikolaeva K.I. Great feat of the working class // To help the factory and local committees. 1944. № 1-2.
9. Essays on the history of the Moscow organization of the Komsomol. – М.: 1976. P. 391.
10. Party building. 1942. № 9-10. P. 3-27.
11. The feat of the labor Urals. - Sverdlovsk, 1965. P. 13.
12. President Putin signed a decree on the work of defense enterprises during martial law // Izvestia. 03/03/2023 // URL: https://iz.ru/1478472/2023-03-03/prezident-putin-podpisal-ukaz-o-rabote-oboronnykh-predpriatii-vo-vremia-voennogo-polozheniia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. (03.03.2023).
13. Trade unions of the USSR: Documents and materials: In 4 vols. - М.: 1963. Vol. 3.
14. Wider the front of socialist emulation! // Bolshevik. 1942. № 10. P. 24-25.
15. Yakushevsky A.S. Arsenal of Victory // Great Patriotic War. 1941-1945. Military-historical essays. - Prince. 4. People and war. – М.: Nauka, 1999. P. 91-92.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

Дианов С.А.

*Доктор исторических наук,
профессор кафедры Государственного управления и истории.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет.*

Дианова Ю.В.

*Кандидат культурологии, доцент кафедры Дизайна,
графики и начертательной геометрии.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет.*

Национальный проект «Образование» и трансформация системы профессионального образования в регионе (2005 – 2020 гг.)

Повышенный исследовательский интерес представителей профессиональных сообществ к реализации национальных проектов в сфере образования РФ обусловлен тем, что позитивные и негативные последствия от внедрения механизмов проектного управления ощущают практически все участники образовательных отношений. Первые публикации аналитического характера, посвящённые различным аспектам реализации в регионах России приоритетного национального проекта «Образования», стали доступными для ознакомления ещё на рубеже 2005 - 2006 гг. [1; 2; 3] Национальный проект стал одним из четырёх нацпроектов, которые были объявлены приоритетными Президентом РФ В.В. Путиным в сентябре 2005 г. 21 октября 2005 г. для разработки мер, направленных на реализацию этих национальных проектов, был образован Совет по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

На старте реализации национального проекта «Образование» представители депутатского корпуса особо подчёркивали, что обозначенные в его структуре приоритетные направления были адресованы не только школе как главной общеобразовательной институции, но и всей сети профессиональных образовательных учреждений (Рис. 1). Так заместитель председателя Государственной Думы В.А. Пехтин в одной из публикаций отмечал, что «национальный проект предусматривает поддержку и развитие лучших образцов отечественного образования, внедрение современных образовательных технологий, создание национальных уни-

верситетов и бизнес-школ мирового уровня, повышение уровня воспитательной работы в школах и развитие системы профессиональной подготовки в армии»¹.

Своими прогнозами о предстоящих структурных изменениях в системе профессионального образования активно делились руководители образовательных учреждений среднего профессионального образования. Так Е.А. Рыбаков, директор Уральского государственного колледжа им. И.И. Ползунова, перечислил ряд значимых проблем, с которыми чаще всего сталкивались профессиональные училища, техникумы и колледжи в начале XXI века:

- критически недостаточное финансирование учреждений НПО и СПО из бюджетов разных уровней (35% от реальных потребностей);
- старение педагогических кадров, отток из профессии мастеров производственного обучения (низкая заработная плата);
- высокие показатели материального и морального износа учебно-лабораторной базы, зданий и сооружений, находящихся в оперативном управлении;
- отсутствие у большинства образовательных организаций перспективных стратегий развития, и др. [4, с. 111].

Рисунок 1. Приоритетные направления нацпроекта «Образование».

¹ Пехтин В.А. Российский национальный проект «Образование» может стать базисом будущей совершенной модели глобального образовательного пространства XXI века // Право и образование. 2006. № 6. С. 6.

Перечисленные проблемы неизбежно вызывали падение имиджевой составляющей профессиональных училищ и техникумов. Не для кого не секрет, что в регионах на профильные рабочие специальности учреждений НПО и СПО в основном поступали абитуриенты, которые с трудом осваивали ступень школьного образования. В 2001 – 2002 гг. автор статьи, трудоустроившись на должность преподавателя общественных дисциплин в ГОУ НПО «Профессиональный лицей № 3 им. П.М. Непряхина» г. Перми, наблюдал неудовлетворительный уровень общего образования у большинства студентов 1 и 2 курсов. Речь идет о существенных пробелах в знаниях фактических по всем преподаваемым учебным предметам, об отсутствии мотивации к обучению, о низком уровне культуры речи. Заметим, что здание основного корпуса училища оказалось настолько ветхим, что после перевода контингента обучающихся в другие учебные корпуса его так и не включили в программу капремонта.

Таким образом, объявленный в рамках национального проекта «Образование» курс на поддержку и инновационное развитие образовательных организаций профессионального образования широко приветствовался и находил живой отклик. Очевидно в целях повышения статуса образовательных учреждений, конкурентоспособности их выпускников в различных отраслях экономики стали внедряться механизмы конкурсной финансовой поддержки. Уже в начале 2007 г. в национальный проект было включено направление «О мерах государственной поддержки подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств в ГОУ начального профессионального и среднего профессионального образования». С этого времени училищам и колледжам предоставлялась возможность принять участие в конкурсном отборе на получение субсидий из федерального бюджета в размере 20 – 30 млн руб., которые направлялись на разработку и внедрение в учебном процессе инновационных программ.

Следует заметить, что данной возможностью в 2007 г. воспользовались далеко не все учебные заведения. Субсидии выделялись на основе софинансирования из региональных бюджетов, а также средств партнеров. В мае 2007 г. стали известны итоги первого конкурсного отбора, в результате которого только 76 инновационных образовательных программ учреждений НПО и СПО были признаны победителями и получили финансирование из федерального бюджета в общем объёме 1,8 млрд руб. В числе победителей 45 учреждений СПО и 31 учреждение НПО, расположенных в 40 субъектах РФ². Среди них оказался Пермский политех-

² Направления приоритетного национального проекта «Образование». Поддержка учреждений НПО и СПО. // URL: <https://textarchive.ru/c-2352354-p2.html> (Дата обращения: 16.01.2023).

нический колледж имени Н.Г. Славянова. Образовательная организация получила субсидию в размере 30 млн руб., а также ещё дополнительно по 15 млн руб. из бюджета Пермского края и от партнеров-работодателей – ОАО «Машиностроитель» и ОАО «Мотовилихинские заводы»³.

С целью модернизации сети образовательных учреждений высшего профессионального образования в рамках нацпроекта состоялся запуск программ «Инновационные программы вузов» и «Федеральные университеты». Государственная поддержка вузов в 2006 – 2009 гг. осуществлялась также на конкурсной основе. В конкурсе могли участвовать вузы РФ, представляющие свои инновационные образовательные программы (ИОП), реализация и внедрение которых были рассчитаны на два года. На эти цели из федерального бюджета было выделено 5 млрд руб. в 2006 г., 15 млрд руб. в 2007 г. и 20 млрд руб. в 2008 г.⁴ Победителям конкурса ИОП выделялись субсидии для приобретения лабораторного оборудования, для разработки программного и методического обеспечения, повышения квалификации и профессиональной переподготовки научно-педагогического персонала.

Первый конкурс состоялся в апреле 2006 г., его участниками стали порядка 200 институтов, академий и университетов. В итоге победителями конкурса были признаны 17 вузов РФ, которым предстояло освоить 70% средств субсидий на приобретение лабораторного оборудования, 25% на разработку и приобретение программного и методического обеспечения, и 5% на повышение квалификации и переподготовки персонала⁵. Среди победителей оказался пермский вуз – Пермский государственный университет (размер субсидии – 395 млн руб.). Второй конкурс был объявлен 1 декабря 2006 г. и проходил в январе 2007 г. Его победителями стали уже 40 университетов, в число которых вошёл и Пермский государственный технический университет. Тема инновационного проекта была сформулирована как «Создание инновационной системы формирования профессиональных компетенций кадров и центра инновационного развития региона на базе многопрофильного технического университета»⁶. Размер финансирования для Пермского Политеха составил 585 млн руб. В рам-

3 Пермский политехнический колледж имени Н.Г. Славянова стал победителем Всероссийского инновационного конкурса в рамках нацпроекта «Образование». // URL: <https://newdaynews.ru/perm/120135.html> (Дата обращения: 16.01.2023).

4 Направления приоритетного национального проекта «Образование». Инновационные программы вузов. 15.10.2009. // URL: <https://textarchive.ru/c-2352354-p2.html> (дата обращения: 16.01.2023).

5 Всероссийский конкурс инновационных образовательных программ вузов 2006 г. // URL: <https://pstu.ru/ior> (Дата обращения: 20.01.2023).

6 Всероссийский конкурс инновационных образовательных программ вузов. Итоги 2007 г. // URL: <https://pstu.ru/news/2007/03/02/109/> (Дата обращения: 20.01.2023).

как реализации инновационного проекта в университете были созданы четыре научно-образовательных комплекса: «Научоёмкие технологии переработки нефти и газа», «Наноструктурные материалы и продукты», «Комплексное освоение территориально-совмещённых месторождений руд и нефти», «Газотурбинные технологии».

Программа «Федеральные университеты» была запущена в 2007 г. Федеральный университет должен был стать новым типом высшего учебного заведения, стратегической миссией которого объявлялось формирование и развитие конкурентоспособного человеческого капитала в федеральных округах на основе создания и реализации инновационных услуг и разработок. Первыми федеральными университетами в РФ стали Южный (ЮФУ) в г. Ростове-на-Дону и Сибирский (СФУ) в г. Красноярске. Уместно привести мнение И.В. Аржановой и Е.А. Князева о том, что решение о создании в России федеральных университетов укладывалось в русло международных трендов. Аналогичные подходы были апробированы в Великобритании, Германии, США, Финляндии – от создания новейшего типа университета до объединения уже существующих образовательных организаций высшего образования [5]. В 2007 – 2009 гг. федеральные университеты получили на реализацию программ развития около 6 млрд руб.

Таким образом, в рамках приоритетного национального проекта «Образование» состоялось внедрение действительно важных новаций. Одним из самых серьёзных достижений стало введение механизма получения федеральных субсидий и грантов на конкурсной основе. Управленческим командам и педагогическому персоналу образовательных учреждений стали очевидны принципы и категории, ранее не имевшие повсеместного применения в образовательном и воспитательном процессе, а именно: «конкурентность», «креативность», «государственно-частное партнёрство», «менеджмент качества образования», «общественно-профессиональная экспертиза», «проектный метод», «управление проектами». Введённые условия софинансирования из региональных бюджетов и из средств работодателей, конечно, озадачили многих участников образовательных отношений. Вместе с тем, это позволило совершить переход в новый формат выполнения государственного задания – обеспечение качества профессиональной подготовки специалистов. Имея в виду, что в 2006 – 2010 гг. общий объем финансирования нацпроекта «Образование» составил 280 млрд руб., представляется важным подчеркнуть, что эти расходы были прозрачными и осязаемыми для граждан России. Вполне понятными стали принципы поощрения лучших педаго-

гов, надбавки за воспитательную работу кураторов студенческих групп, введения новой системы оплаты труда преподавателей. Динамичность процесса обновления материально-технической базы школ, колледжей и вузов подтверждалась созданием в их структуре лабораторий, мастерских и специализированных кабинетов. Так, опираясь на практический опыт собственной педагогической деятельности, отметим качественное обновление учебного оборудования и программного обеспечения в Пермском государственном педагогическом университете и Пермском Политехе. Позитивным явлением признаем и постепенное осмысление в среде педагогов и администраторов ценностно-смыслового значения понятий «инновационные учебные программы», «инновационные образовательные технологии». Надо признать, что довольно долгое время многие педагоги как «инновационное» понимали применение на учебном занятии презентаций, выполненных в программе PowerPoint.

В период реализации первого национального проекта «Образование» были запущены процессы трансформации системы профессионального образования. Страна уверенно встала на путь создания такой оптимальной ресурсной базы, которая позволила бы обеспечить поступательное прогрессивное развитие всей совокупности составляющих духовной сферы общества – образования, науки и культуры. «Архитектура» национального проекта «Образование» выдержала текущие испытания. В 2012 – 2014 гг. были приняты дополнительные программные меры по развитию приоритетных институциональных направлений, сложившихся в процессе его реализации.

В Пермском крае к промежуточным результатам трансформации системы профессионального образования следует отнести:

1) завершение в 2012 г. процесса реорганизации сети образовательных учреждений НПО и СПО посредством их горизонтальной и вертикальной интеграции (*горизонтальная интеграция* - укрупнение однопрофильных учреждений с целью организации работы единой управленческой модели; *вертикальная интеграция* - объединение учреждений в многопрофильные центры);

2) обеспечение функционирования 19 многопрофильных центров, повышение эффективности использования центрами финансовых ресурсов, научно-методического и кадрового потенциала, материально-технической и учебно-лабораторной базы;

3) сокращение количества учреждений НПО с 54 ед. в 2009 г. до 20 ед. в 2012 г., устранение феномена необоснованного дублирования специальностей;

4) передача с федерального на региональный уровень 24 учреждений СПО, организация подготовки обучающихся по новым специальностям, востребованным на рынке труда Пермского края;

5) завершение оптимизации сети филиалов учреждений СПО в муниципальных образованиях Пермского края в целях обеспечения охвата населения государственными услугами по получению профессионального образования (27 филиалов в 22 районах пермского региона)⁷.

6) реализация инновационных образовательных программ и научно-исследовательских проектов пермскими вузами – национальными исследовательскими университетами (ПГНИУ и ПНИПУ).

Переходный период с 2012 по 2018 гг. можно охарактеризовать как время перехода образовательных организаций профессионального образования в статус автономных учреждений, апробации методов проектного управления. Происходило сокращение негосударственных вузов и ссузов, их филиалов. В Перми были упразднены филиал РУДН, реорганизованы филиалы Уральского академии государственной службы и Прикамского социального института, ликвидировано АНО «Пермский гуманитарно-технологический институт».

О запуске второго национального проекта «Образование» было объявлено в указе Президента РФ В.В. Путина № 204 от 7 мая 2012 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁸. 24 декабря 2018 г. на заседании Совета при Президенте РФ состоялось обсуждение разработанных профильными министерствами проектов паспортов национальных проектов и о планах по их реализации в 2019 г. Паспорт нацпроекта «Образование» был представлен в докладе министра О.Ю. Васильевой⁹. Она рассказала о федеральных проектах, включённых в национальный проект «Образование», а также привела данные о том, что во всех регионах РФ были разработаны паспорта региональных проектов. Решением президиума Совета при Президенте РФ паспорт национального проекта «Образование» был утверждён. Сроки реализации нацпроекта «Образование» предусматривались в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. Бюджет нацпроекта составлял 784,5 млрд руб., из них 92% – средства федерального бюджета,

⁷ Экспертное заключение: состояние дошкольного, общего, начального профессионального и среднего профессионального образования в Пермском крае. Пермь, 2012. // URL: <https://www.eseur.ru/Files/doc11932.doc> (Дата обращения: 20.01.2023).

⁸ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (Дата обращения: 12.01.2023).

⁹ Паспорт национального проекта «Образование» от 24.12.2018. // URL: <http://government.ru/info/35566/> (Дата обращения: 12.01.2023).

6% – средства из бюджетов субъектов РФ и около 2% составили внебюджетные источники.

Одно из первых совещаний по обсуждению планов реализации нового национального проекта «Образование» в регионах Приволжского федерального округа (ПФО) состоялось в Нижнем Новгороде 28 мая 2019 г. Аппаратом полномочного представителя Президента РФ в ПФО была введена процедура ежеквартального мониторинга реализации нацпроекта. Первые результаты показали преимущество процедур и техник осуществления мероприятий с первым национальным проектом «Образование».

В 2019 г. от регионов ПФО были поданы первые заявки на участие в конкурсных процедурах по получению федеральных средств на реализацию серии мероприятий, заявленных в паспортах региональных проектов. Анализ материалов федеральных конкурсов по нацпроекту 2019 г. показал, что наибольшую активность проявили ближайшие соседи Пермского края. Так, по итогам конкурсного отбора 2019 г. заявок по ФП «Молодые профессионалы» (*Государственная поддержка профессиональных ОО в целях обеспечения соответствия их материально-технической базы современным требованиям*) сразу шесть колледжей Республики Башкортостан были признаны победителями и получили гранты в размере 138,7 млн руб. В этом же конкурсе гранты получили пять колледжей Чувашской Республики (88,5 млн. руб.), а также два колледжа Республики Мордовии (64,2 млн. руб.) и два техникума Республики Марий Эл (22,8 млн. руб.). Пермский край был представлен всего одной образовательной организацией – КГАПОУ «Пермский авиационный техникум имени А.Д. Швецова» (28,5 млн. руб.). В 2020 г. гранты выиграли уже пять чувашских техникумов (173,2 млн. руб.), четыре удмуртских колледжа (99,5 млн. руб.), три башкирских колледжа (61,2 млн. руб.) и два мордовских колледжа (46,2 млн. руб.). Пермский край вновь был представлен одним победителем – ГБПОУ «Пермский техникум промышленных и информационных технологий имени Б.Г. Изгагина» (13,2 млн. руб.). Причём пермские колледжи получили гранты по лоту «Информационно-коммуникационные технологии». Отметим, что по лотам «Искусство, дизайн и сфера услуг» и «Социальная сфера» в 2019 г. и 2020 г. гранты выиграли ижевский техникум, Кировские медицинский и технологический колледжи¹⁰.

Приведём сведения об итогах конкурса 2020 г. по федеральному проек-

10 Приказ Минпросвещения РФ от 26.04.2019 г. № 211 «Об утверждении перечня образовательных организаций – победителей конкурсного отбора на предоставление грантов из федерального бюджета в форме субсидий юридическим лицам в рамках реализации мероприятия «Государственная поддержка профессиональных образовательных организаций в целях обеспечения соответствия их материально-технической базы современным требованиям». // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/a4711f4ef35b8a0923bb91b59e1e7ed6/>.

ту «Учитель будущего» (Повышение уровня профессионального мастерства в форматах непрерывного образования педагогических работников). В список конкурсантов-победителей от образовательных организаций ПФО вошли:

– АНО ДПО «Центр повышения квалификации в сфере информационных технологий» г. Ижевска выиграл грант на внедрение эффективных программ подготовки и развития управленческих команд региональных систем общего образования» (33,5 млн руб.);

– ГАПОУ «Институт развития образования Республики Татарстан» выиграл грант на разработку и внедрение эффективных по приоритетным направлениям непрерывного образования педагогических работников, в том числе с использованием селективных программ ДПО (16,6 млн руб.).

В Пермском крае реализация национального проекта «Образование» в 2019 – 2020-е гг. привела к следующим позитивным явлениям в системе профессионального образования:

1) совершенствование механизмов взаимодействия организаций профессионального образования с работодателями, реализация дуального образования на базе ведущих предприятий Пермского края (ОАО «Мегафракс», ОАО «Лукойл», ОАО «МРСК Урала», ОАО «РЖД», ООО «Инкаб», ПАО «Ростелеком», ПАО «Протон-ПМ» и др.);

2) увеличение контрольных цифр приёма на профессии и специальности из перечня ТОП-50, и по приоритетным для экономики Пермского края направлениям подготовки;

3) развитие чемпионатного движения WorldSkills Russia (Пермский край по рейтингу регионов в 2019 г. занял 14 место. В 2020 г. пермские студенты завоевали одну бронзовую медаль и 10 медалей за профессионализм в финале VIII Национального чемпионата WorldSkills Russia, в 2021 г. медали чемпионата получили обучающихся)¹¹;

4) открытие в г. Перми Ресурсного центра по поддержке добровольчества в сфере культуры безопасности и ликвидации последствий стихийных бедствий Пермского края;

5) введение в 2020 г. в образовательный процесс Центра опережающей профессиональной подготовки, созданного на базе Пермского радиотехнического колледжа им. А.С. Попова (региональный проект «Молодые профессионалы»);

6) запуск в эксплуатацию в 2021 г. Центра дополнительного образования для школьников и студентов «Дом научной коллаборации» им.

¹¹ Пермьяки завоевали 11 наград в финале WorldSkills Russia // АИФ-Прикамье. 2020. // URL: https://perm.aif.ru/education/permyaki_zavoevali_11_nagrad_v_finale_worldskills_russia.

А.А. Фридмана» (на базе Пермского гуманитарно-педагогического университета). Центр был создан с целью реализации программ дополнительного образования обучающихся и педагогов в области естественных и технических наук (микробиология, робототехника, программирование, экспериментальная физика) [6, с. 62].

7) ввод в эксплуатацию новых учебных корпусов колледжей и техникумов, лабораторий и мастерских с новейшим оборудованием, спортивных корпусов, общежитий для студентов.

Вместе с тем, динамика первых трёх лет реализации национального проекта «Образование» в пермском регионе даёт возможность выявить и проблемные моменты. В их числе можно отметить:

- проблема существенного отставания от регионов-лидеров образовательных организаций профессионального образования в деле участия в федеральных конкурсах 2019 – 2021 гг. по направлениям национального проекта (федеральные проекты «Молодые профессионалы», «Учитель будущего»);

- проблема доступности дополнительных образовательных программ инновационных Центров для учащихся школ и техникумов, а также связанная с ней проблема дезориентации обучающихся и значительной части педагогов в понимании спектра дополнительных образовательных услуг, которые оказывают данные организации;

- проблема отсутствия в пермском регионе механизмов для общественно-профессионального обсуждения целевых показателей, мер, мероприятий и контрольных точек осуществления региональных проектов, а также отсутствие постоянно действующих научных площадок для обсуждения промежуточных итогов реализации нацпроекта «Образования».

Подведём итоги. В ходе практического осуществления проектных решений в рамках реализации национальных проектов «Образование» в пермском регионе в XXI в. происходила трансформация системы профессионального образования. Главным результатом первого нацпроекта стала оптимизация сети образовательных организаций, переориентация их деятельности на подготовку действительно востребованных специалистов на рынке труда Пермского края. Состоялась апробация новаторских решений по преодолению отрыва учреждений профессионального образования от нужд реальных заказчиков – предприятий государственного и негосударственного сектора. В целом, результаты нацпроекта были осязаемы всеми участниками образовательных отношений. Второй национальный проект заключал в себе заявки на создание внешних и внутренних эффектов. Причём установлено, что его начало не произве-

ло в Пермском крае живого отклика в среде студенчества и педагогических сообществ. Главная задача, которую были призваны решать акторы нацпроекта, заключалась в достижении приоритетных целей в логике методологии проектного управления. В настоящий момент можно констатировать, что несмотря на перечисленные выше позитивные явления в деле развития системы профессионального образования в регионе, переход с операционной (текущей / ведомственной) на проектную деятельность до конца так и не завершён. Выскажем мнение о том, что ведомственный проектный офис Минобрнауки Пермского края в 2019 – 2020 гг. демонстрировал достижение целевых показателей нацпроекта приёмами и средствами в русле процессуального, а не проектного управления в государственном секторе. В целом же, для сферы профессионального образования в регионах РФ сохраняются риски, обозначенные летом 2019 г. директором Центра экономики непрерывного образования РАН-ХиГС Т.Л. Клячко, как-то: «формализм и рост отчётности вместо решения реальных проблем развития региональных систем образования» [7, с. 51]. Принимая во внимание близость сроков завершения национального проекта «Образование», считаем важным вынесение данной проблемы на обсуждение участников научно-образовательных конференций и форумов.

Список литературы:

1. Свиarenко А.Г. Системные изменения в рамках приоритетного национального проекта «Образование» // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 10-15.
2. Пехтин В.А. Российский национальный проект «Образование» может стать базисом будущей совершенной модели глобального образовательного пространства XXI века // Право и образование. 2006. № 6. С. 5-6.
3. Реморенко И.М. О ходе реализации основных задач в ходе реализации приоритетного национального проекта «Образование» // Народное образование. 2006. № 4 (1357). С. 14-20.
4. Рыбаков Е.А. Исследование кризисных факторов в профессиональном образовании России // Известия УрГЭУ. 2006. № 4 (16). С. 110-113.
5. Аржанова И.В., Князев Е.А. Создание федеральных университетов: концепция и реальность // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 5 (87). С. 7-14.
6. Дианов С.А. Опыт и проблемы реализации национального проекта «Образование» на Западном Урале / С.А. Дианов, Ю. В. Дианова. Пермь: Проектно-образовательный центр «Прикладные технологии дизайна и проектирования» АКФ ПНИПУ, 2022. 170 с.
7. Клячко Т.Л. Национальный проект образование: преимущества и риски // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 6. С. 49-51.

Bibliography

1. Svinarenko A.G. Systemic changes within the framework of the priority national project "Education" // Journal of Russian Law. 2006. №. 4. P. 10-15.
2. Pekhtin V.A. The Russian national project "Education" can become the basis of a future perfect model of the global educational space of the XXI century // Law and Education. 2006. №. 6. P. 5-6.
3. Remorenko I.M. About the implementation of the main tasks during the implementation of the priority national project "Education" // National Education. 2006. №. 4 (1357). P. 14-20.
4. Rybakov E.A. Investigation of crisis factors in professional education in Russia // Izvestiya USUE. 2006. № 4 (16). P. 110-113.
5. Arzhanova I.V., Knyazev E.A. Creation of federal universities: concept and reality // University management: practice and analysis. 2013. №. 5 (87). P. 7-14.
6. Dianov S.A. Experience and problems of implementation of the national project "Education" in the Western Urals / S.A. Dianov, Yu. V. Dianova. Perm: Design and Educational Center "Applied technologies of design and engineering" AKF PNRPU, 2022. 170 p.
7. Klyachko T.L. National project education: advantages and risks // Economic development of Russia. 2019. Vol. 26. №. 6. P. 49-51.

РИСПРУДЕНЦИЯ

Владивосток

Живец А.П.

Аспирант ВВГУ (Владивостокский государственный университет)
по направлению подготовки: «Юриспруденция. Теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве».

Политические условия и цели коллективизации в СССР

Исследование

Советская власть, издавая Декрет «О земле», а затем Декрет «О социализации земли», была вынуждена действовать в конкретных исторических условиях. «Декрет о земле» формально конфисковал у помещиков всю землю¹, таким образом легализовав уже совершенные крестьянами захваты помещичьих земель, земельные участки были перераспределены в пользу крестьян с закреплением за ними права пользования этих земельных участков. «Декрет о социализации земли» уже прямо запретил частную собственность на землю, земля в целом была *социализирована, а фактически национализирована*². Таким образом земельный вопрос наконец-то был разрешен в соответствии с пожеланиями крестьян. Однако фактически такое распределение земель выразилось в образовании мелких семейных крестьянских хозяйств, занимающихся преимущественно натуральным хозяйством. Данный результат противоречил целям большевиков. Из различных программ РСДРП (б), включая программы 1917 года, следовало, что большевики считали необходимым создавать и развивать крупные сельскохозяйственные предприятия по аналогии с промышленными. В «Апрельских тезисах»³ Ленин поддержал конфискацию помещичьих земель, однако при этом он предлагал сохранить как крупные имения как образцовые хозяйства под контролем «батрацких депутатов и на общественный счет». И хотя частично, это удалось, реальный ход событий в основном перечеркнул эти намерения. Тем временем, советское должно было решать определенные внешнеполитические

1 «Декрет о земле», принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917 года Опубликовано в «СУ РСФСР», 1917, № 1, ст. 3, 2-е издание, «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», № 1. 28.10.1917.

2 Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» (вместе с «Инструкцией для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения»), опубликован в «СУ РСФСР», 1918, № 25, ст. 346, «Газета Рабочего и Крестьянского Правительства», № 27. 19.02.1918.

3 «Владимир Ленин. Апрельские тезисы – Текст: электронный // Хронос. Всемирная история в интернете: [сайт] // URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/lenin_apr.php (Дата обращения 18.02.2023).

и внутривнутриполитические проблемы.

РСФСР, а затем СССР с момента образования существовали во враждебном окружении, фактически в состоянии осажденной крепости, а зачастую и отражали прямую агрессию других государств. Одной из самых опасных для советского государства была Япония, проводившая активную экспансию в Тихоокеанском регионе. В ходе Сибирской интервенции стран Антанты Япония, прикрываясь целями защиты японских подданных, пыталась установить контроль над Дальним Востоком России через марионеточные правительства. И, хотя в итоге, Япония была вынуждена все же вывести войска с Дальнего Востока тем не менее, от планов по колониальной экспансии на Дальнем Востоке России Япония не отказывалась.

Также враждебную политику проводила Польша, которая с момента провозглашения независимости стремилась воссоздать границы Речи Посполитой 1772 года. Это привело к советско-польской войне 1919-1921 годов. По ее результатам советское правительство было вынуждено уступить Польше ряд территорий Украины и Белоруссии по Рижскому договору. Но Польша все равно не была удовлетворена условиями Рижского договора, не добилась тех целей, которых ставила, и продолжала проводить враждебную политику, что делало возможным новую войну. Также уже в 1920-х обозначилась тенденция установления в Европе фашистских диктатур, которые по своей природе были враждебны коммунистическим, социалистическим и рабочим движениям.

Кроме того, очень болезненным для России в целом был опыт Первой мировой войны. В ходе войны экономика России оказалась не способна выдержать войну такой длительности и такого напряжения сил. К началу Первой мировой войны многие стратегические предприятия, включая военные, были с преобладанием иностранного капитала. В ходе войны обычными были срывы выполнения заказов, завышенные цены за заказы⁴. Кроме того, промышленных предприятий было в целом очень мало, они не могли обеспечить необходимого уровня оснащения армии. Рабочей силы было недостаточно, даже Тульский оружейный завод приостанавливал свою работу в связи с мобилизацией рабочих. Одной из первых реакций советского правительства на эту ситуацию стала национализация стратегических отраслей промышленности. Но это не решало проблему недостатка промышленных предприятий в целом, государству

4 Айранетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914– 1917): 1916 год. Сверхнапряжение. — М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. 384 с. С. 17-19.

требовалась именно индустриализация, включая развитие военного сектора промышленности.

Но для индустриализации необходимо было выполнение определенных условий. Прежде всего была нужна рабочая сила, но взять ее можно было только в деревне, в которой на тот момент проживало 80% населения с сезонным избытком рабочих рук⁵. Советское правительство видело выход в агротехнической революции, то есть в применении в сельском хозяйстве тракторов и комбайнов, которые бы высвободили рабочие руки для промышленности и увеличили производительность труда. Во-вторых, для быстрой индустриализации было необходимо оборудование, которое необходимо было закупать за рубежом, а также было необходимо приглашать иностранных специалистов и оплачивать их работу. И также остро стоял вопрос снабжения продовольствием городов, обеспечения им рабочих. В ходе внутрипартийных дискуссий выдвигалось предложение о введении свободных закупочных цен на хлеб, однако и эта мера была политически нецелесообразной. Во-первых, в целом она сама по себе не могла увеличить производительность мелких крестьянских хозяйств, а также оно привело бы к тому государство попало бы в зависимость от диктата кулаков (включая перекупщиков) на рынке хлеба.

Кроме того, государство не могло себе позволить закупать хлеб по свободным ценам в связи с отсутствием денежных средств. То есть государство было заинтересовано в стабильных поставках хлеба по твердым низким ценам. Кроме того, предлагаемая некоторыми партийными деятелями т.н. «ставка на кулака» противоречила интересам других групп крестьян: середняков и бедняков. В перспективе они могли попасть в полную зависимость от кулаков: многие из бедняков уже работали на кулаков как батраки, многие находились в долговой зависимости, середняки же могли разориться и тоже попасть в долговую зависимость, то есть могла повториться ситуация схожая с дореволюционной, только с еще более жесткой эксплуатацией большей части крестьянства.

Соответственно у ВКП (б) оставался только один курс сельскохозяйственной политики, а именно курс на коллективизацию, то есть на его кооперацию. Следует заметить, что необходимость кооперации сельского хозяйства осознавалась не только большевиками, в частности высказывалась на Первом сельскохозяйственном съезде еще в

⁵ Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С.А. Нефедов; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с. С. 93.

1913 году⁶. И конечно же необходимость кооперации обосновывалась Лениным в статье «О кооперации», который пользовался также теоретическим изысканиями Чайнова. В итоге мероприятия по коллективизации были предусмотрены в Первом пятилетнем плане, в котором она, однако, предполагалась постепенной во взаимосвязи с насыщением колхозов и постепенным перенаправлением освобожденной рабочей силы из деревни в промышленность в городах. Однако кризис хлебозаготовок 1928-1929 годов вынудил советское руководство начать экстренную коллективизацию в 1930 году в которой оно видело единственную и радикальный политический способ решения задачи по обеспечению городов продовольствием⁷.

Тем не менее, принимая такое решение Политбюро запретило формально-бюрократические меры коллективизации, указывало, что коллективизация должна продолжаться до осени 1931 года. Однако ход коллективизации фактически очень сильно зависел от решений местных органов, которые начали форсировать процесс. Поскольку указания высшего партийного руководства о проведении коллективизации были сформулированы достаточно общим образом, четких инструкций о коллективизации не давалось, то присланные для организации колхозов делегаты действовали на свой страх и риск. В итоге зачастую на местном уровне принимались решения об обобществлении всего имущества крестьян, скот обобществлялся вне зависимости от его количества, применялись угрозы репрессий. Все это привело к упорному сопротивлению крестьянства вплоть до стихийных восстаний, на что высшее партийное руководство отреагировало в запрете применения радикальных методов коллективизации и уступками крестьянам. Прежде всего была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов». В литературе часто высказывается мнение, что таким образом, Сталин и высшее партийное руководство пыталось переложить вину на местные органы. С этим можно и согласиться, поскольку определенная вина высшего партийно-государственного руководства в подобных последствиях есть, она заключалась как раз именно в отсутствии ясных и конкретных указаний каким образом проводить коллективизацию. Но прежде всего данная статья была определенной политической технологией и характерным

6 Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX - начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 431 с. 9.

7 Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С.А. Нефедов; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с. С. 93 с. 132

для СССР методом управления, то есть донесение управленческого решения в виде публикации в газете. Статья была направлена на то, чтобы умиротворить крестьянство, продемонстрировать, что государство в лице высшего партийно-государственного руководства не намерено конфликтовать с ним и на самом деле «на стороне» крестьянства.

При этом письмо четко обозначило в какой форме должна производиться коллективизация⁸. То есть коллективизация должна была представлять собой создание сельскохозяйственных артелей, кооперативов, в собственность которого крестьяне передавали инвентарь, скот, хозяйственные постройки, то есть крестьяне передавали их в собственность колхоза. Однако теперь было четко установлено, что у колхозников в личной собственности может находиться какая-то часть скота, а также в личном пользовании сохраняется приусадебный участок. В результате письмо сыграло свою роль, массовое принуждение на местах ко вступлению в колхозы прекратилось, как и прекратились крестьянские выступления. Теперь для поощрения коллективизации использовалось обещание кредитов, поставки тракторов, налоговые льготы.

Конечно, право собственности самих колхозов на имущество ограничивалось хозяйственной целью существования самих колхозов, задачами, которые перед ними ставило государство. То есть право отчуждения колхозного имущества распространялось только на родовые вещи типа зерна, скота, и так далее, но колхозы не могли отчуждать то имущество, которое подрывало основу экономического существования колхоза.

Коллективные хозяйства в СССР стали наиболее удобными для государства производственными объединениями в области сельского хозяйства, для того, чтобы стандартизировать и унифицировать систему продовольственных поставок государству. То же касается и фискальной стороны коллективных хозяйств – государство получило совокупность стандартных субъектов налогообложения, налоговые поступления стали стабильными. Однако стоит заметить, что налоговая цель все-таки являлась второстепенной по сравнению с созданием производственных сельскохозяйственных организаций, которые должны были на постоянной основе поставлять зерно и иную продукцию государства, хотя и на возмездной основе. С другой стороны, сами поставки продукции сначала регулировались через контрактацию, а затем через систему обязательных поставок, которые имели силу налога

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 398 с.

(хот и возмездного), правда в будущем государство вернется к системе контрактации⁹. Также налоги использовались государством в качестве инструмента косвенного принуждения к коллективизации, например, повышая налоговую нагрузку на крестьян-единоличников, таким образом стимулируя их идти в колхоз.

В.А. Ильиных характеризует советскую налоговую политику в сельском хозяйстве как «*рефеодализацию налогов*»¹⁰, указывая, что налогообложение проводилось по сословному принципу. Однако нельзя согласиться с тем, что различные категории налогоплательщиков в советской деревне были сословиями. Сословная организация общества заключается в том, что «права и состояния» присущие какой-либо социальной группе, обычно наследовались, и наследовался именно определенный объем правоспособности (а не конкретное субъективное право, например, право собственности на какую-либо вещь). Все же дифференциация налогов в СССР проводилась по производственному принципу, по имущественному положению, но нельзя признать налоги в советском сельском хозяйстве «сословными». Различные категории налогоплательщиков нельзя называть сословиями вне наличия иных признаков. Тем более, что при сословном налогообложении государство обычно было заинтересовано в консервировании сословий, тогда как советское правительство посредством налогов поощряло одни формы хозяйствования, стимулировало конкретные способы организации производственных процессов и способствовало сокращению других.

Заключение:

В целом коллективизация являлась способом кардинального трансформирования имущественных отношений в политических целях, прежде всего для реализации того курса, который взяло Советское государство во второй половине двадцатых годов двадцатого века. Существуют дискуссии о наличии альтернатив коллективизации. Однако для такой определения наличия такой возможности надо учитывать все условия, в которых существовала и развивалась экономика СССР, как стартовые экономические условия, из которых она выросла, а по сути та же экономика Российской империи, так и внешнеполитическая обстановка и внутривнутриполитическая обстановка, а именно состояние

9 Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 года № 329 «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», опубликовано в «СЗ СССР», № 16. 95 с.

10 Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с. с. 160

государственного аппарата, механизм государственного управления, социальные конфликты в деревне и противоборство различных групп крестьян с государством.

Коллективизация представляла собой мероприятие по крайне сложному реформированию всей системы сельского хозяйства. Она проводилась с целью создать высокотоварное сельское хозяйство как экономическую основу для индустриализации. В силу крайней сложности такой реформы, отсутствия отлаженного государственного механизма управления таким сложным процессом, были совершены ошибки, которые повлекли катастрофические последствия или могли их повлечь. Это и крестьянские выступления, являвшейся реакцией традиционного общества, имущественные потери (массовый убой скота, потери зерна), голод. Конечно советское политическое руководство пыталось исправить ошибки, идя на уступки, реформируя государственный аппарат, законодательство, применяло как меры поощрения, так и репрессивные меры.

В результате несмотря на тяжелые издержки действительно удалось добиться тех целей, которые ставили: промышленность стала расти, началась механизация сельского хозяйства, деревенское население массово уходило в города и становилось рабочими, особенно молодежь. И уже в годы Великой Отечественной войны созданная промышленность, да и система сельского хозяйства смогли обеспечить потребности государства как на фронте, так и в тылу.

Долгосрочным последствием коллективизации стало фактическое исчезновение целого социального слоя – крестьян с их формой хозяйствования. Фактически коллективизация являлась продолжением длительного процесса «раскрестьянивания», которое было объективно определено процессом модернизации. Произошло отчуждение крестьян от средств производства (как от земли, пусть находившейся до этого не в собственности, но в их личном пользовании, так и от инвентаря, скота и т.д.) и превращение их в наемных рабочих. И несмотря на то, что колхозники как члены кооперативов не являлись в них наемными работниками юридически, но, поскольку колхозы были включены систему обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству, такая экономическая организация косвенно превращала их в наемных работников уже государства, которые были обязаны постоянно выполнять государственные задания по поставке сельскохозяйственной продукции по твердым ценам.

Значимость коллективизации для современной России как раз и за-

ключается в создании крупнотоварного сельского хозяйства. Уже в постсоветскую эпоху колхозный строй трансформировался, часть колхозов преобразовались в хозяйственные товарищества и общества, остальные колхозы существуют в виде сельскохозяйственных производственных кооперативов, но, что самое главное, теперь они существуют в формате рыночных отношений.

Список литературы:

1. «Владимир Ленин. Апрельские тезисы – Текст: электронный // Хронос. Всемирная история в интернете // URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/lenin_apr.php (Дата обращения 23.08.2022)
2. «Декрет о земле», принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917 года Опубликован в «СУ РСФСР», 1917, № 1, ст. 3, 2-е издание, «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», № 1. 28.10.1917.
3. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914– 1917): 1916 год. Сверхнапряжение. — М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. 384 с.
4. Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» (вместе с «Инструкцией для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения»), опубликован в «СУ РСФСР», 1918. № 25. С. 346. // «Газета Рабочего и Крестьянского Правительства». № 27. 19.02.1918.
5. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
6. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография / С.А. Нефедов; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283с.
7. Островский А.В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX - начало XX в. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. 431 с.
8. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 года № 329 «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», опубликовано в «СЗ СССР». № 16. 95 с.
9. Сталин И.В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, – 1949. Т. 12. 398 с.

Bibliography

1. "Vladimir Lenin. April theses - Text: electronic // Chronos. World History on the Internet // URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_1/lenin_apr.php (08.23.2022)
2. "Decree on Land", adopted by the II All-Russian Congress of Soviets on October 27, 1917. Published in the "SU RSFSR", 1917. № 1, art. 3, 2nd edition, "Newspaper of the Provisional Worker and Peasant Government", № 1. 10/28/1917.
3. Airapetov O.R. Participation of the Russian Empire in World War I (1914–1917): 1916. Overvoltage. — M.: Kuchkovo field; Military book, 2015. 384 p.
4. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of February 19, 1918 "On the socialization of the land" (together with the "Instruction for establishing the consumer-labor norm of land use on agricultural land"), published in the "SU RSFSR", 1918. № 25. P. 346. // "Newspaper of the Workers' and Peasants' Government". № 27. 02/19/1918.
5. Ilinykh V.A. Taxation of the Siberian village. Late 1920s - early 1950s. Novosibirsk: GUP RPO SO RAAS, 2004. 167 p.
6. Nefedov S.A. Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization: monograph / S.A. Nefedov; M-in arr. and Science of the Russian Federation, FGBOU VPO "Tamb. state un-t im. G.R. Derzhavin. Tambov: TGU Publishing House. G.R. Derzhavina, 2013. 283p.
7. Ostrovsky A.V. Russian village at a historical crossroads. Late XIX - early XX century. M.: Association of Scientific Publications KMK. 2016. 431 p.
8. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated January 19, 1933 No. 329 "On the mandatory supply of grain to the state by collective farms and individual farms", published in "SZ USSR". № 16. 95 p.
9. Stalin I.V. Works. M.: State publishing house of political literature, - 1949. Vol. 12. 398 p.

С

СОЦИОЛОГИЯ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

университет имени В.Г. Шухова

Абдуллаева А.Р.

*Аспирант кафедры зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации).*

Некоторые аспекты развития международного муниципального сотрудничества

Рассматривая причины, которые способствуют активизации международного сотрудничества на уровне муниципалитетов, следует выделить следующие¹:

- усиливающаяся урбанизация современного общества, которая приводит к усилению роли муниципальных образований в экономической и социальной жизни государств;
- концентрация в городах мировых финансовых ресурсов и их перераспределение;
- понимание городскими властями того факта, что интересы развития их муниципальных образований требует выхода за государственные границы.

Не только крупные мегаполисы, но и небольшие города в интересах своего экономического и социального развития требуют укрепления международных связей. Это касается не только экономики, но и культуры, спорта, экологических вопросов и иных сфер деятельности. Поэтому ключевая роль муниципальных органов власти в развитии приграничного сотрудничества представляется вполне закономерным явлением.

Международное сотрудничество на уровне муниципальных образований является предметом рассмотрения многих исследователей, между тем по вопросам определения данного процесса среди них не выработано единого мнения. Существует международное муниципальное сотрудничество, побратимство, партнерство между городами, City to City cooperation (кооперация город-город)² и т. д. Рассмотрим ряд определенных, которые характеризуют международное взаимодействие на местном уровне (см. табл. 1).

¹ Чахор Р.Р. Международное сотрудничество городов Польши: формы, цели, итоги // Тюмень: Тюменский государственный университет, 2021. С. 34.

² Дружина Т.А. Участие России в международных организациях как форма международного сотрудничества // 2021. № 21-4 (197). С. 32.

Таблица 1. Понятия, характеризующих деятельность местных органов власти в сфере международного сотрудничества.

Термины, авторы, источники	Определение
Международное муниципальное сотрудничество С. Хемель, Г. Джироукс ¹	Включает в себя деятельность органов местного самоуправления в сфере международного сотрудничества. Способствует развитию международных организаций, объединяющих муниципальные образования.
Сотрудничество «City to City cooperation» (Хабитат) ²	Охватывает весь спектр отношений между органами власти на местном уровне разных странах, между которыми осуществляется взаимодействие по общим для них вопросам при внешнем содействии или без оно.
Международное сотрудничество между местными органами самоуправления В. Погорилко, Г. Баймуратов, О. Фрицкий ³	Формирует систему международного сотрудничества на региональном и местном уровнях, отличается многоаспектным характером. Функционирует в рамках национального права, международного, а также частного международного права.
Международное сотрудничество между муниципалитетами Е. Висманс, Ф. Ангенент, Г.Я. Шеп, М. Хиллениус ⁴	Является следствием системных глобальных процессов, отражающихся на национальном и региональном уровнях, способствуют устойчивому социально-экономическому развитию на местах.

С одной стороны, такое разнообразие определений приводит к некоторой путанице в ходе исследований. Между тем, это также свидетельствует о широком разнообразии форм международного взаимодействия между муниципальными образованиями в различных странах.

Резюмируя вышесказанное, предлагаем свою интерпретацию понятия «международное взаимодействие между органами местного самоуправления», которое представляет собой совместную экономическую деятельность и взаимовыгодное сотрудничество в сфере науки, культуры и образования, осуществляемая муниципалитетами разных государств, направленная на достижение целей, соответствующих основным положениям внешней политики обоих государств. Данная деятельность осуществляется на основе полномочий, которые органы государственной власти того или иного государства, представляют собственным муниципалитетам, с целью развития международного сотрудничества³.

Задачами, стоящими перед международным сотрудничеством, явля-

³ Буртовой М.Ю. Международное научно-техническое сотрудничество России и Индии: формы сотрудничества // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 1-2. С. 58

ется развитие территорий и населенных пунктов, объединение усилий различных общин с целью решения общих для всех вопросов, обмен опытом развития регионов и муниципальных образований, укрепление демократических институтов.

Одной из значимых функций органов местного самоуправления является оптимизация использования общегосударственных ресурсов. Знание местных условий позволяет решать проблемы регионов и муниципалитетов наиболее эффективно. Таким образом, эффективно работающие местные власти позволяют властным структурам на региональном и федеральном уровнях сконцентрировать свое внимание на решении общегосударственных и региональных проблем.

Для того, чтобы понимать суть исследуемой проблемы, следует определить, как соотносятся между собой понятия «приграничное сотрудничество» и «внешнеэкономические и международные связи». Под приграничным сотрудничеством мы понимаем взаимовыгодное всестороннее взаимодействие между приграничными российскими территориями с сопредельными территориями соседних государств, которое происходит благодаря согласованной совместной деятельности всех сторон такого взаимодействия на основе национального законодательства и соответствующих соглашений между субъектами сотрудничества.

Внешнеэкономические и международные связи представляют собой взаимодействие с зарубежными партнерами в экономической, гуманитарной, научной и других сферах деятельности. Здесь подразумеваются такие субъекты Российской Федерации, чьи внешнеэкономические и международные связи играют заметную роль во внешней политике, проводимой государством.

Международная деятельность на региональном и местном уровнях в Российской Федерации регулируются рядом законодательных актов. Прежде всего, следует назвать Федеральный закон № 131 от 06.10.2003 г., которым устанавливаются общие принципы организации местного самоуправления в РФ, Федеральный закон № 164 от 08.12.2003 г., регулирующий внешнеторговую деятельность, а также Федеральный закон № 179-ФЗ от 26.07.2017 г., посвященный регулированию приграничного сотрудничества⁴. Тем не менее, имеющаяся законодательная база не охватывает всех аспектов такого сложного и многопланового явления, как международное муниципальное сотрудничество.

4 Соколовская Д.А. Перспективы развития международного экологического сотрудничества Санкт-Петербурга как глобального города / Д.А. Соколовская, М.Е. Смирнова // Санкт-Петербург: «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2022. С. 153.

Помимо этого, не охваченными законодательным регулированием остались вопросы внешнеэкономических и международных связей тех муниципальных образований, которые входят в состав субъектов РФ, не лежащих вблизи государственной границы страны.

Таким образом, как показывает анализ законодательной базы, право на участие муниципальных образований в международной деятельности не дается им по умолчанию, а лишь в рамках предусмотренных законодательством полномочий, которыми они наделяются.

Именно Федеральный закон № 179-ФЗ можно считать первым шагом к созданию полноценной нормативной базы, направленной на регулирование экономических и международных связей на муниципальном уровне, расширение самостоятельности органов местного самоуправления, укрепление демократических основ нашего государства.

Сотрудничество между муниципальными образованиями представляет собой важный аспект политики городов, направленной на усиление их конкурентоспособности на международном уровне, интенсификацию инвестиционных процессов, информационного взаимодействия, обмен опытом и людьми. Например, Кострома сотрудничает с 204 городами-побратимами, у Нижнего Новгорода таких партнеров 173 и т.д. Более высокий уровень международных связей у таких городов, как Москва, Калининград, Владивосток, Санкт-Петербург, обусловлен их особым статусом либо особенностями географического положения⁵.

По определению организации, которая объединяет в себя города-побратимы, это муниципальные образования из различных стран мира, которые связаны между собой общим соглашением, цель которого заключается в развитии культурных и экономических связей.

На основе вышесказанного, мы в своей работе используем этот термин для обозначения городов, которые расположены либо на территории одного государства, либо разных государств, которые связаны между собой соглашением о развитии межмуниципального гуманитарного, культурного и экономического сотрудничества. Следует обратить внимание, что на официальном уровне побратимство является утвержденным после подписания официальными представителями этих муниципальных образований соответствующего документа. В рамках этих отношений чиновники городов-побратимов обмениваются визитами, делятся опытом развития своих муниципальных образований, при этом зачастую по-

5 Викторова М.С. Участие городов-побратимов России и Белоруссии в укреплении межкультурных связей и международного сотрудничества / М.С. Викторова, С.И. Шукшин // Культура и образование. 2022. № 2 (45). С. 25.

добная деятельность не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на жизнь рядовых горожан⁶.

При этом есть разница между городами-побратимами и городами-близнецами. Последнее определение имеет отношение к городам, географически близким, имеющим общие или близкие планы своего развития, множество точек соприкосновения в культурном, межличностном, торгово-экономическом аспектах. Яркими представителями таких городов-близнецов являются Киркенес (Норвегия) и Никель (Россия, Мурманская область), Нарва (Эстония) и Ивангород (Кингисеппский муниципальный район Ленинградской области) и т.д.

Таким образом, по итогам анализа различных подходов и концептуальных положений мы выделили характерные особенности сотрудничества между муниципальными образованиями на международном уровне как одну из форм взаимодействия управленческого и социального характера.

Активность международного сотрудничества российских городов обусловлена рядом факторов. Для лучшего понимания этой проблемы следует рассмотреть совокупность факторов контекстуального характера.

Интенсивность сотрудничества между муниципальными образованиями, включая международное сотрудничество, во многом обусловлена уровнем экономической самостоятельности субъектов взаимодействия и их политической автономии. При высоком уровне зависимости местной власти от вышестоящих властных структур мотивация к расширению межмуниципального сотрудничества, включая международный уровень, минимальна⁷.

В различных исследованиях встречаются несколько категорий факторов, влияющих на активность международного взаимодействия между муниципальными образованиями на принципах побратимских отношений. Многие авторы сходятся во мнении, что фактор географического расположения являются одним из ключевых в этом отношении. Города, находящиеся вблизи государственной границы, проявляют большую активность для выстраивания партнерских отношений с географически близкими приграничными муниципальными образованиями, располо-

6 Суданц М.Б. Развитие международного сотрудничества городов в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 2 (847). С. 79.

7 Фролова И.В. Побратимство городов как инструмент международного межмуниципального сотрудничества: опыт Уфы и Галле / И.В. Фролова, И.В. Нефедов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. № 5 (167). С. 149.

женными на сопредельной территории соседнего государства. Такое расположение городов-партнеров стимулирует их к активизации трансграничного взаимодействия.

Как отмечают ряд российских исследователей, именно сам факт близости к территории сопредельного государства является ключевой особенностью приграничных территорий. Следует также учитывать, что, как правило, границами разделены территории, имеющие одинаковые природные условия, что обуславливает необходимость тесного взаимодействия в вопросах использования природных ресурсов, интенсивного сотрудничества в природоохранной сфере. Помимо этого, население приграничных территорий по обе стороны государственной границы имеют много общего в культурном и историческом контексте, что предопределяет большой потенциал развития трансграничного сотрудничества в гуманитарной сфере. Иными словами, одним из главных факторов, определяющих активность трансграничного взаимодействия между муниципальными образованиями, является близость их географического расположения⁸.

Таким образом, «географическая» интерпретация предполагает, что города, расположенные близко друг от друга по обе стороны границы, предрасположены к активному сотрудничеству в различных сферах деятельности.

Следующим по важности фактором специалисты называют экономический фактор. Общее состояние экономики соответствующей территории в значительной степени обуславливает и международную активность находящихся в ее границах муниципальных образований. Экономически успешные города отличаются более интенсивными международными связями, прежде всего, в торгово-экономической сфере, они реализуют со своими трансграничными партнерами совместные инфраструктурные проекты, активно развиваются контакты между хозяйствующими субъектами городов, представителями малого и среднего бизнеса. Безусловно, при схожих географических факторах приграничных территорий, наибольшую привлекательность для активизации трансграничного взаимодействия имеют территории, более развитые в экономическом плане. Например, как отмечают китайские эксперты, факторы экономического характера являются приоритетными при выборе партнеров по трансграничному сотрудничеству. Таким образом, развитые в экономи-

8 Шведов В.В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов в органах местного самоуправления Российской Федерации // Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 183.

ческом отношении муниципальные образования характеризуются наибольшим уровнем международной активности.

Еще одним важным фактором развития межмуниципальных связей являются демографические особенности субъектов сотрудничества, в том числе трудовой потенциал. Необходимо отметить наличие взаимозависимости между демографическим положением территории и экономическим фактором. Ведь такие процессы, как рост либо уменьшение городского населения являются важнейшими показателями социально-экономического развития города. При этом следует учитывать, что некоторые исследования выявили отсутствие в отдельных случаях прямой зависимости между численностью населения муниципального образования и его готовностью развивать межмуниципальные связи. Представляет интерес, что данный вывод сделан исключительно американскими исследователями⁹.

В целом же, по заключению экспертов, изучающих зависимость уровня активности сотрудничества между городами от численности населения, более крупные муниципальные образования демонстрируют и более высокую международную активность.

Особенности политико-правового статуса муниципального образования являются еще одним фактором, влияющим на активность международного сотрудничества между городами. Следует отметить, что такое понятие как «город», отсутствует в федеральном законодательстве. В законах используется понятие «муниципальное образование». Мы в нашем исследовании прибегаем к таким определениям, как административный центр субъекты Российской Федерации и город федерального значения.

Таким образом, политико-правовой фактор заключается в том, что города, являющиеся административными центрами регионов Российской Федерации, характеризуются более высокой международной активностью.

Исторический фактор включает в себя уровень культурной, исторической близости между населением сопредельных территорий. Помимо этого, исторические и культурные особенности региона играют важную роль в развитии его туристического потенциала, являющегося важным аспектом международного сотрудничества в туристической сфере, которая в отдельных регионах и государствах имеет важное экономиче-

⁹ Мыльников М.А. Партнерство городов-побратимов как форма международного сотрудничества муниципального образования «город Казань» // Вестник ТИСБИ. 2020. № 4. С. 109.

ское значение как на местном так и на общегосударственном уровнях. Культурный, исторический виды туризма обладают не только мощным экономическим потенциалом, но и являются также эффективным инструментом «народной» дипломатии, способствуя развитию межкультурного взаимодействия, улучшению понимания между разными народами, основанному на знаниях истории и культуры соседей.

Таким образом, «исторический» фактор заключается в том, что муниципальные образования, обладающие богатым культурно-историческим наследием, как правило, демонстрирует более высокий уровень международной активности.

Таким образом, в результате нашего исследования было выявлено, что приграничное расположение российских муниципальных образований является одним из ключевых факторов, определяющих активность их международного сотрудничества. Помимо этого, большую роль в этом процессе играет историческая и культурное наследие региона, а также наличие у субъекта международного сотрудничества статуса регионального административного центра¹⁰.

Рассмотренные выше факторы, оказывающие влияние на уровень межмуниципального международного сотрудничества, имеют, прежде всего, контекстуальный характер, а также характеризуется общими закономерностями.

Между тем, Международная ассоциация породненных городов приводит данные о том, что не всегда количество населения и уровень экономического развития муниципальных образований обуславливает высокую внешнеэкономическую активность. Например, такие крупные экономически развитые города, как Пермь, Екатеринбург, Новосибирск или Нижний Новгород имеют меньшее количество городов-побратимов, нежели Щелково, Серпухов, Мытищи или Красногорск¹¹.

Таким образом, рассмотренные нами выше факторы не всегда являются определяющими. Видимо, имеются еще и другие аспекты, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы, поскольку они не носят контекстуального характера. Например, немаловажное значение для развития межмуниципального международного сотрудничества имеет политический фактор. Также не следует сбрасывать со счетов такой немаловажный, на наш взгляд, аспект, как профессиональный

¹⁰ Чупрунова Н.А. Сотрудничество городов и основные концепции взаимодействия городов // Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2020. С. 272.

¹¹ Качев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика // РППЭ. 2016. № 1 (63). С. 91.

уровень и активность представителей муниципальных властей, определяющих стратегию развития города, включая международное сотрудничество¹².

Еще одним необходимым условием успешного развития международного взаимодействия между муниципальными образованиями является уровень политической поддержки городов со стороны региональных и федеральных властей. Без этого условия трудно рассчитывать на выстраивание эффективного международного сотрудничества на уровне муниципалитетов даже при наличии всех рассмотренных нами выше факторов.

Подводя краткие итоги нашего исследования, отметим, что состояние сотрудничества между муниципальными образованиями определяется рядом контекстуальных факторов. Прежде всего, это географическое расположение субъектов сотрудничества, их демографические характеристики, состояние экономики, факторы политико-правового характера, а также историческое и культурное наследие региона. Важным условием успешной международной активности городов является политическая поддержка со стороны региональной и федеральной властей.

Список литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 26.05.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.06.2021) // СПС Консультант плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
2. Об основах приграничного сотрудничества: федеральный закон от 26.07.2017 № 179-ФЗ // СПС Консультант плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/
3. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ // СПС Консультант плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/
4. Буртовой М.Ю. Международное научно-техническое сотрудничество России и Индии: формы сотрудничества // Символ науки: международный научный журнал. 2023. № 1-2. С. 56-59.
5. Викторова М.С. Участие городов-побратимов России и Белоруссии в укреплении межкультурных связей и международно-сотрудничества / М.С. Викторова, С.И. Шукшин // Культура и образование. 2022. № 2 (45). С. 22-27.
6. Дружина Т.А. Участие России в международных организациях как форма международного сотрудничества / Т. А. Дружина // 2021. № 21-4 (197). С. 29-38.
7. Латыпова Н.С. Роль ООН в развитии международного сотрудничества местных органов власти // Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 196-200.
8. Муниципальное право: Подручник / В.Ф. Погорилко, О.Ф. Фрицкий, М.О. Баймуратов и др.; Зав ред. В.Ф. Погорилко, О.Ф. Фрицкий. — К.: Юринком Интер, 2018. С. 56-67.
9. Мыльников М.А. Партнерство городов-побратимов как форма международного сотрудничества муниципального образования «город Казань» // Вестник ТИСБИ. 2020. № 4. С. 106-113.
10. Соколовская Д.А. Перспективы развития международного экологического сотрудничества Санкт-Петербурга как глобального города / Д.А. Соколовская, М.Е. Смирнова // Санкт-Петербург: «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2022. С. 149-156.
11. Суданц М.Б. Развитие международного сотрудничества городов в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 2 (847). С. 75-80.
12. Ткачев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М. Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика // РППЭ. 2016. № 1 (63). С. 87-93.
13. Фролова И.В. Побратимство городов как инструмент международного межмуниципального сотрудничества: опыт Уфы и Галле / И.В. Фролова, И.В. Нефедов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 5 (167). С. 146-151.
14. Чахор Р.Р. Международное сотрудничество городов Польши: формы, цели, итоги // Тюмень: Тюменский государственный

12 Латыпова Н.С. Роль ООН в развитии международного сотрудничества местных органов власти // Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. С. 198.

университет, 2021. С. 31-36.

15. Чупрунова Н.А. Сотрудничество городов и основные концепции взаимодействия городов // Москва: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2020. С. 269-274.
16. Шведов В.В. Имплементация международных антикоррупционных стандартов в органах местного самоуправления Российской Федерации // Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 181-185.
17. Hamel S., Giroux R. FCM MUNICIPAL PARTNERSHIPS – A Practical Guide to Successful Municipal Cooperation. Third Edition. Federation of Canadian Municipalities, 2004. P. 24-43.
18. Kano W. Planning method of Public Private Partnership Housing toward integrated compact cities - the case of Tome city in Miyagi Prefecture / W. Kano, Ts. Setoguchi // The new Ideas of New Century: The International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU. 2020. Vol. 2. P. 129-133.
19. Local Challenges to Global Change. A Global Perspective on Municipal International Cooperation / by G.J. Schep, F. Angenent, J. Wismans, M. Hillenius. Sdu Publishers. – The Hague, 2019. P. 58-67.

Bibliography

1. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law № 131-FZ of October 6, 2003 (as amended on May 26, 2021) (as amended and supplemented, effective from June 7, 2021) // ATP Consultant Plus // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
2. On the basics of cross-border cooperation: Federal Law № 179-FZ of July 26, 2017 // SPS Consultant Plus // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/
3. On the basics of state regulation of foreign trade activities: federal law dated 08.12.2003 № 164-FZ // SPS Consultant Plus // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/
4. Burtovoi M.Yu. International scientific and technical cooperation between Russia and India: forms of cooperation // Symbol of science: international scientific journal. 2023. № 1-2. P. 56-59.
5. Viktorova M.S. Participation of sister cities of Russia and Belarus in strengthening intercultural relations and international cooperation / M.S. Viktorova, S.I. Shukshin // Culture and education. 2022. № 2 (45). P. 22-27.
6. Druzina T.A. Russia's participation in international organizations as a form of international cooperation / T. A. Druzina // 2021. № 21-4 (197). P. 29-38.
7. Latypova N.S. The role of the UN in the development of international cooperation of local authorities // Ufa: Bashkir State University, 2019. P. 196-200.
8. Municipal law: Podruchnik / V.F. Pogorilko, O.F. Fritsky, M.O. Baimuratov and others; Head of editor V.F. Pogorilko, O.F. Fritsky. - K.: Yurincom Inter, 2018. P. 56-67.
9. Mylnikov M.A. Partnership of sister cities as a form of international cooperation of the municipality "City of Kazan" // Bulletin of TISBI. 2020. № 4. P. 106-113.
10. Sokolovskaya D.A. Prospects for the development of international environmental cooperation of St. Petersburg as a global city / D.A. Sokolovskaya, M.E. Smirnova // St. Petersburg: "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University", 2022. P. 149-156.
11. Sudants M.B. Development of international cooperation between cities in modern conditions // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2022. № 2 (847). P. 75-80.
12. Tkachev S.A., Bolotov D.A., Mezhevich N.M. Cross-border cooperation in regional socio-economic development: theory, Russian practice // RPPE. 2016. № 1 (63). P. 87-93.
13. Frolova I.V. Twin cities as an instrument of international inter-municipal cooperation: the experience of Ufa and Halle / I.V. Frolova, I.V. Nefedov // Economics and management: scientific and practical journal. 2022. № 5 (167). P. 146-151.
14. Chakhor R.R. International cooperation of Polish cities: forms, goals, results // Tyumen: Tyumen State University, 2021. P. 31-36.
15. Chuprunova N.A. Cooperation of cities and basic concepts of interaction between cities // Moscow: Russian University of Economics named after G.V. Plekhanova, 2020. P. 269-274.
16. Shvedov V.V. Implementation of international anti-corruption standards in local governments of the Russian Federation // Perm: Perm State National Research University, 2018. P. 181-185.
17. Hamel S., Giroux R. FCM MUNICIPAL PARTNERSHIPS – A Practical Guide to Successful Municipal Cooperation. Third Edition. Federation of Canadian Municipalities, 2004. P. 24-43.
18. Kano W. Planning method of Public Private Partnership Housing toward integrated compact cities - the case of Tome city in Miyagi Prefecture / W. Kano, Ts. Setoguchi // The new Ideas of New Century: The International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU. 2020. Vol. 2. P. 129-133.
19. Local Challenges to Global Change. A Global Perspective on Municipal International Cooperation / by G.J. Schep, F. Angenent, J. Wismans, M. Hillenius. Sdu Publishers. – The Hague, 2019. P. 58-67.

Правильная постановка управленческой проблемы

Рассел Акофф, автор популярной книги “Искусство решения проблем” любил повторять, что правильная формулировка проблемы не менее важна, чем получение правильного решения¹. У нас нет оснований оспаривать это утверждение, но поскольку правильная формулировка проблемы не является все же самоцелью, а только средством ее эффективного решения, то целесообразно будет рассмотреть ее в терминах решения проблемы. При этом воспользуемся выводами, представленными в работах З.А. Абасова, А. Алексеевой и Л. Ушвицкого, Е.Ш. Гонтмахера и Т.В. Малеевой, Н.С. Данакина², а также наших собственных работах³.

Всякий процесс решения проблемы предполагает наличие следующих факторов (компонентов):

- *лицо, принимающее решение*, т.е. кому предстоит решать проблемы. Это может быть отдельный индивид, большой коллектив или небольшая группа людей;

- *управляемые переменные*, т.е. ситуации, охватываемые проблемой, которыми может управлять лицо, принимающее решение. Так, абитуриент может выбирать институт и специальность, форму обучения - дневную или заочную и т.д. Эти переменные могут быть количественными (например, число конкурсных мест по отдельным специальностям) или качественными (характер той или иной специальности);

- *выбор, или принятие решения*, т.е. процесс нахождения линий поведения, определяемых значениями одной или большего числа управ-

1 Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: «Мир», 1982. 224 с.

2 Абасов З.А. Анализ проблемной ситуации как акт творчества // Инновации в образовании. 2005. № 3. С. 110-118; Алексеева А., Ушвицкий Л. Методика определения проблемного состояния организации // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 8. С. 17-23; Гонтмахер Е.Ш., Малеева Т.В. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 61-72; Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Место и роль проблемного анализа в системе социального управления // Управление городом: теория и практика. 2011. № 1. С. 26-34; Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Проблемный анализ в системе социального управления. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2011. 182 с.

3 Барковский Е.С., Данакин Н.С. Аналитические модели социальной проблемы // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5 (73). С. 15-21; Барковский Е.С., Данакин Н.С. Модели поведения в проблемной ситуации // Технологические инновации и научные открытия: сб. науч. статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2020. С. 118-123.

ленческих переменных. Должно существовать не менее двух возможных линий поведения, в противном случае проблема не возникает, так как нет выбора. Разумеется, может существовать и бесконечное множество линий поведения;

- *неуправляемые переменные*, т.е. ситуации, которыми не может управлять лицо, принимающее решение, но которое совместно с управляемыми переменными могут влиять на результат его выбора. Например, от абитуриента не зависят условия приема в вуз и число предметов, подлежащих обязательному изучению. Эти переменные также могут быть количественными или качественными. В совокупности они образуют *окружающую среду (фон)* проблемы. Следует иметь в виду, что неуправляемым переменным совсем не обязательно присуще свойство неуправляемости: просто они могут регулироваться другими лицами (организациями). Условия приема в институт устанавливаются его администрацией и ученым советом, число обязательных учебных предметов - министерством высшего образования или учебно-методическим объединением по соответствующей специальности;

- *внутренние и внешние ограничения* на возможные значения управляемых и неуправляемых переменных. Скажем, тот же абитуриент решил приобрести только техническую специальность, связанную с работой на селе (внутренне ограничение). Кроме того, он вынужден выбирать между вузами, расположенными только в данном городе (внешнее ограничение);

- *возможные исходы*, которые зависят как от выбора, так и от неуправляемых переменных. Так, например, абитуриент может выбрать специальность либо действительно “стоящую”, либо широко разрекламированную, но малоперспективную.

Заметим, что должно быть не менее двух возможных исходов, в противном случае выбор не влияет на исход. Более того, как минимум, два возможных исхода должны быть неравноценными, так как в противном случае не имеет значения, какое решение принято.

Если человек не безразличен к тому, правильно или неправильно ставит он жизненные проблемы - а таких, полагаем, большинство, - то полезно будет разобраться в том, в чем, собственно говоря, проявляется неправильная постановка проблемы. Если сформулировать типичные проявления неправильности, то они будут выглядеть так:

- *отсутствие четкой формулировки цели*. Если руководитель отклоняет подготовленный вами проект под видом “доработки” и в то же время не формулирует определенные критерии, которым он должен удовлетворять, то остается только посочувствовать вашему положению. Некото-

рые “шефы” признаются, что они не могут дать четкого определения характеристик желаемого результата, но если “лучший” вариант возникает, то они-де его немедленно “узнают”;

- *игнорирование вероятных последствий достижения цели.* Многие цели оказываются, по сути, средством достижения других, более отдаленных целей. Если же они не рассматриваются как средства и, следовательно, не учитываются возможные последствия их достижения, то это может само по себе иметь серьезные последствия. Так, студенты одного крупного американского университета в течение продолжительного времени проводили организованную кампанию протеста против существовавшей системы выставления оценок. Радикально настроенные студенты потребовали вообще отменить оценки. При обсуждении этого требования один студент поинтересовался, что произойдет, если он и другие студенты, не имея оценок, будут рекомендованы для поступления в аспирантуру в другие университеты. Этот вопрос остудил горячие головы и в результате было принято более взвешенное решение;

- *игнорирование целей других лиц.* Чуть ли не каждая проблема, решаемая человеком, затрагивает не только его собственные цели, но и цели других лиц, организаций. Профессор, решая проблему стопроцентной посещаемости его лекций студентами, вряд ли добьется успеха, если будет относиться к учащимся как к “рабочему материалу” и не замечать их как личностей, не брать в расчет их цели и интересы;

- *игнорирование характера взаимосвязи целей.* Важно учитывать не только цели других лиц, но и то, как они соотносятся. Если вы рассчитываете в своих делах на сотрудничество непримиримых врагов, то многим рискуете;

- *упрощение проблемы.* Обычно мы стараемся свести сложные проблемы к одной или нескольким простым, разрешимым проблемам. Иногда этот процесс называют “сокращением размерности задачи”. Вместе с тем, действуя таким образом, мы часто уменьшаем свои шансы найти творческое решение первоначальной проблемы;

- *неадекватное определение причинных связей.* Наша способность решать проблемы существенно зависит от того, насколько хорошо мы представляем себе причинные связи, существующие между тем, что делаем, и тем, что хотим получить. Многие наши неудачи при решении проблемы объясняются тем, что мы либо допускаем существование причинной связи там, где она отсутствует, либо неправильно характеризуем причинную связь, которая действительно существует. Вес и рост человека как-то связаны, но трактовать эту связь как причинную зависимость было бы ошибкой. Или,

как сказал один специалист по управлению, опоздания на работу – это только симптом болезни, а не сама болезнь; ее причины следует искать глубже;

- *неадекватные ограничения*, т.е. речь идет о тех ограничениях, которые накладываются на проблему и препятствуют ее правильной постановке и эффективному решению. Если человек думает о себе, что он знает и понимает и в ничьих советах не нуждается, то такая самооценка вряд ли содействует ему в правильной постановке проблем.

О многих внутренних ограничениях, сдерживающих наши возможности в проблемных ситуациях, нам бывает неизвестно. Выясняя эти ограничения и ставя под сомнение их справедливость, часто можно найти пути их ослабления или устранения.

Жесткое определение управляемых переменных. Большинство из нас подходит к решению проблемы со своими представлениями о существенных и несущественных факторах, что и определяет выбор переменных. Это представление обусловлено нашим образованием или, если говорить более конкретно, областью наших научных либо профессиональных интересов. Стоит эти представления “законсервировать” - и мы лишаемся творческого подхода к осознанию и решению проблемы. Так, некоторые администраторы пытаются побудить сотрудников к более эффективной работе посредством одних только материальных стимулов (зарплата, премия), ошибочно полагая, что это единственный рычаг стимулирующего воздействия, тогда как на самом деле таких рычагов несколько и нужно их освоить.

Неадекватная оценка неуправляемых переменных. В каждой проблемной ситуации существует некоторая совокупность относящихся к делу обстоятельств. Некоторые из них обычно кажутся очевидными. Чем более очевидными кажутся нам эти факторы, тем более тщательно необходимо проверить их истинность. Более вероятно ошибиться, принимая без доказательств кажущееся очевидным, чем требуя доказательств, пусть даже сомнительных. Если очевидный факт опровергается, то почти неизбежно открываются возможности для нахождения более творческих и более эффективных решений рассматриваемой проблемы. Это достигается путем превращения переменной, которая кажется неуправляемой, в переменную, которая рассматривается как управляемая.

Далее, неуправляемые переменные часто не только порождают существенную проблему, но и ограничивают действия лица, принимающего соответствующее решение. Часто возникшую проблему или налаженные ограничения можно устранить путем расширения рассматриваемой системы. Это позволяет превратить неуправляемые переменные в управ-

ляемые. Нередко одна неуправляемая переменная может использоваться для того, чтобы устранить неблагоприятное воздействие другой.

И, наконец, неуправляемые переменные по своей природе не являются таковыми. Отсутствие контроля над ними обусловлено не характером той или иной переменной, а несовершенством наших знаний о ней и недостаточным ее пониманием. Поэтому научные исследования, направленные на получение соответствующих знаний и представлений, часто могут обеспечить возможность регулирования неуправляемой переменной.

Выводы.

1. Процесс решения проблемы предполагает наличие следующих компонентов: лицо, принимающее решение, управляемые переменные, выбор, или принятие решения, неуправляемые переменные, внутренние и внешние ограничения, возможные исходы.

2. Типичные проявления неправильной постановки проблемы выражаются в следующем: отсутствие четкой формулировки цели, игнорирование вероятных последствий достижения цели, игнорирование целей других лиц, игнорирование характера взаимосвязи целей, упрощение проблемы, неадекватное определение причинных связей, неадекватные ограничения.

Список литературы:

1. Абасов З.А. Анализ проблемной ситуации как акт творчества // *Инновации в образовании*. 2005. № 3. С. 110-118.
2. Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: «Мир», 1982. 224 с.
3. Алексеева А., Ушвицкий Л. Методика определения проблемного состояния организации // *Проблемы теории и практики управления*. 2008. № 8. С. 17-23.
4. Барковский Е.С., Данакин Н.С. Аналитические модели социальной проблемы // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 5 (73). С. 15-21.
5. Барковский Е.С., Данакин Н.С. Модели поведения в проблемной ситуации // *Технологические инновации и научные открытия: сб. науч. статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2020*. С. 118-123.
6. Гонтмахер Е.Ш., Малеева Т.В. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // *Вопросы экономики*. 2008. № 2. С. 61-72.
7. Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Место и роль проблемного анализа в системе социального управления // *Управление городом: теория и практика*. 2011. № 1. С. 26-34.
8. Данакин Н.С., Гайворонская Н.И. Проблемный анализ в системе социального управления. Белгород: ИП Остащенко А.А., 2011. 182 с.

Bibliography

1. Abasov Z.A. Analysis of the problem situation as an act of creativity // *Innovations in education*. 2005. № 3. P. 110-118.
2. Ackoff R. The art of problem solving. M.: Mir, 1982. 224 p.
3. Alekseeva A., Ushvitsky L. Methods for determining the problematic state of the organization // *Problems of theory and practice of management*. 2008. № 8. P. 17-23.
4. Barkovsky E.S., Danakin N.S. Analytical models of social problems // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2020. № 5 (73). P. 15-21.
5. Barkovsky E.S., Danakin N.S. Models of behavior in a problem situation // *Technological innovations and scientific discoveries: Scientific articles based on the materials of the III Intern. scientific-practical. conf. Ufa, 2020*. P. 118-123.
6. Gontmakher E.S., Maleeva T.V. Social problems of Russia and alternative ways of their solution // *Questions of Economics*. 2008. № 2. P. 61-72.
7. Danakin N.S., Gaivoronskaya N.I. Place and role of problem analysis in the system of social management // *City management: theory and practice*. 2011. № 1. P. 26-34.
8. Danakin N.S., Gaivoronskaya N.I. Problem analysis in the system of social management. Belgorod: IP Ostaschenko A.A., 2011. 182 p.

Абдуллаева А.Р.

*Аспирант кафедры зарубежного регионоведения
и международного сотрудничества
ИГСУ РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации).*

Социальная технология как инструмент для развития международного сотрудничества на местном уровне

Введение

Тема международного сотрудничества на муниципальном уровне в последние годы начала активно обсуждаться на государственном уровне. Особую значимость международных контактов на межмуниципальном уровне на фоне современной геополитической ситуации отмечают некоторые эксперты¹. Согласно их мнению, межмуниципальное сотрудничество способствует поддержанию и сохранению добрососедских взаимовыгодных отношений и помогает развивать международные связи, что в свою очередь позволяет достичь главной цели деятельности органов власти, а именно повышение качества и уровня жизни населения. Более того, международное муниципальное сотрудничество влияет на развитие местного самоуправления и экономической деятельности на территориях, формирование позитивного облика нашей страны и повышение узнаваемости, привлекательности самих муниципалитетов.

Однако в РФ муниципальные образования, несмотря на существование необходимой и достаточной правовой базы для осуществления международного сотрудничества на муниципальном уровне², не в полной мере используют социально-экономический, инвестиционный, культурный потенциал от взаимодействия с зарубежными муниципалитетами. Данное обстоятельство свидетельствует о существовании определённых проблем и нерешенных вопросов в сфере управления международным

1 Мухаметов Р.С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. 2020. № 13 (6). С. 153-174; Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 38-42.

2 Комлева В.В. Социология управления: учебное пособие. Москва, 2021. 79 с.; Ахатова А.Р., Пильщиков А.К., Андрейченко Н.Н. Актуальные формы международного муниципального сотрудничества. «Государственное управление и развитие России: проектирование будущего»: Сборник статей международной конференц-сессии. Том 1. –Москва, 2022. С. 525-546.

муниципальным сотрудничеством. Иными словами, местные органы власти испытывают трудности в применении различных механизмов взаимодействия с зарубежными муниципальными образованиями. Поэтому внедрение социальной технологии повышения компетенций глав муниципальных образований в области ММС является необходимым для решения обозначенной проблемы.

Основные понятия. Для однозначного понимания ключевых аспектов социальной технологии определим основные понятия.

Итак, под социальной технологией мы понимаем «логически связанную последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которой каждый актор взаимодействия, реализует свою управленческую стратегию по отношению к другим и формирует социальную действительность»³.

В научной литературе на данный момент не дано четкого определения понятию «международное муниципальное сотрудничество» (ММС). В рамках описания данной социальной технологии понятие «международное муниципальное сотрудничество» будет интерпретироваться как взаимодействие муниципалитетов, органов местного самоуправления с муниципалитетами зарубежных стран, а именно закрепленные законодательно через соглашения сотрудничество между органами власти муниципальных образований.

В качестве компетенции глав муниципальных образований в области международного муниципального сотрудничества (ММС) будут подразумеваться знания, умения и навыки глав, руководителей муниципальных образований в сфере поиска зарубежных партнеров (муниципальных образований), взаимодействия с руководителями зарубежных муниципальных образований и налаживания, поддержания взаимовыгодного сотрудничества с ними.

Объект и субъект технологического взаимодействия. В целях внедрения социальной технологии необходимо определить субъект и объект воздействия. Так как данная социальная технология направлена на формирования и повышения компетенций глав муниципальных образований, то *субъектом* (непосредственно планирующим и реализующим всех этапы) может выступать какая-то консалтинговая компания, рабочая группа. При этом непосредственным заказчиком внедрения социальной технологии будет высшее должностное лицо субъекта РФ/ представительный орган муниципального образования, заинтересованные в разви-

тии территорий своих муниципальных образований. Непосредственным объектом воздействия являются главы муниципальных образований субъектов РФ.

Цель и задачи социальной технологии. Основной целью применения данной социальной технологии является выпуск главы муниципального образования, который обладает компетенциями в области международного муниципального сотрудничества и способен применять данные знания на практике для обеспечения достойного уровня жизни населения на территории МО.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

Сформировать у глав муниципальных образований компетенции в области международного муниципального сотрудничества, а именно:

- знание о моделях сотрудничества муниципалитетов на международном уровне; понимание законодательных основ осуществления ММС;

- оценка социально-экономических эффектов от ММС для территории МО;

- навык поиска международных партнеров и налаживания коммуникации с ними;

- навык сохранения и поддержания регулярных международных контактов;

- Заложить основы для дальнейшего развития международного муниципального сотрудничества на территории РФ и укрепление ММС в качестве одного из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности МО, улучшения качества жизни населения.

Далее переходим к описанию непосредственно этапов социальной технологии.

Описание социальной технологии. Выписывание социальной технологии предполагает последовательное описание четырех ключевых блоков: диагностический, проектирующий, преобразующий и корректирующий. В каждом блоке выделяют шаги, объяснение необходимости того или иного шага, методы достижения и ресурсы, которые понадобятся для достижения результата (человеческие, материальные и временные). Стоит изначально отметить, что финансовые ресурсы на реализацию социальной технологии, скорее всего, будут предоставляться в рамках государственных программ федерального, регионального уровней или выделяться из бюджетов соответствующих уровней.

В целях систематизации и наглядности логики действий все блоки и

этапы будут представляться в виде таблицы с кратким описанием блоков.

Итак, первый *диагностический блок* включает 2 шага: диагностику текущей ситуации в области международного муниципального сотрудничества в муниципальных образованиях (МО) и анализ результатов проведенной диагностики с выявлением 2-3 ключевых аспектов для преобразования. Диагностический этап нужен для того, чтобы знать, каких конкретных навыков и знаний не хватает главам МО в сфере ММС для построения дальнейшего курса обучения. Основными методами достижения в этом блоке являются «кабинетное» исследование и онлайн-опросы глав муниципальных образований. Ресурсы включают команду для проведения диагностики, оборудованное рабочее место с необходимыми средствами связи и обмена информацией. Временной интервал для проведения диагностики – около 1-2 месяцев (см. таблица 1/1).

После проведения первичного исследования и анализа существующего положения дел команда аналитиков приступает ко второму *проектирующему блоку*, в котором описывается пошаговый организационный план действий. Данный блок необходим для систематизации всех блоков, этапов внедрения социальной технологии и обеспечивает планомерное, четкое, логически связанное их исполнение. Проектирующий блок длится около 1 недели и включает следующие шаги:

1. Разработать подробный план внедрения соц. технологии на практике;
2. Описать ключевые методы достижения каждого шага, инструментов;
3. Продумать необходимые человеческие и материальные ресурсы для реализации каждого шага;
4. Разработать критерии и методы оценки результатов реализации социальной технологии (критерии оценивания глав муниципальных образований на предмет освоения компетенции);
5. Выбрать пилотные регионы для реализации соц. технологии;
6. Реализовать социальную технологию;
7. Проанализировать полученные результаты;
8. Осуществить на практике корректирующий блок;
9. Применить социальную технологию на всей территории РФ.

Ядром социальной технологии является третий *преобразующий блок*, который длится около 4 месяцев. За этот период команда организаторов проводит непосредственно практические обучающие мероприятия для глав муниципальных образований, знакомит их с моделями ММС и

Таблица 1/1.

БЛОКИ	ШАГИ	Объяснение необходимости шага	Методы достижения	Ресурсы
<p>ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ (1-2 месяца)</p>	<p>Диагностика текущей ситуации</p>	<p>Чтобы понять, на какой стадии осведомленности о ММС находится глава различных МО</p>	<p>- «кабинетное» исследование официальных сайтов и новостных порталов МО на предмет наличия информации о заключенных международных соглашениях, культурном взаимодействии с международными партнерами и т.д. - Онлайн-опрос глав муниципальных образований (по заранее подготовленной выборке)</p>	<p>- Высокоскоростной Интернет, ПК, место для работы (помещение, стол, стул, рабочая сям-карта) - команда из 3-5 человек для проведения кабинетного исследования (сотрудники консалтинговой компании, стажеры) - административный ресурс для продвижения запроса по прохождению онлайн-опроса (например, запрос через influentialную организацию (ОКМО, Союз городов и т.д.) или ОИВ субъекта РФ)</p>
<p>ПРОЕКТИРУЮЩИЙ (1 неделя)</p>	<p>Анализ результатов проведенной диагностики и выявление 2-3 ключевых аспектов для преобразования</p>	<p>Чтобы знать, каких конкретных навыков и знаний не хватает главам МО для построения дальнейшего курса обучения</p>	<p>- Анализ результатов «кабинетного» исследования</p>	<p>- ПК, место для работы (помещение, стол, стул, программное обеспечение для организации совместной работы в онлайн-режиме, например Яндекс.Диск), Интернет - 2-3 квалифицированных аналитика</p>
	<p>В целях внедрения и реализации социальной технологии необходимо придерживаться следующего организационного плана действий:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Разработать подробный план внедрения соц. технологии на практике; 2. Описать ключевые методы достижения каждого шага, инструментарий; 3. Продумать необходимые человеческие и материальные ресурсы для реализации каждого шага; 4. Разработать критерии и методы оценки результатов реализации соц.технологии (критерии оценивания глав муниципальных образований на предмет освоения компетенции); 5. Выбрать пилотные регионы для реализации соц. технологии; 6. Реализовать социальную технологию; 7. Проанализировать полученные результаты; 8. Осуществить на практике корректирующий блок; 9. Применить социальную технологию на всей территории РФ. 			

Таблица 1/2.

БЛОКИ	ШАГИ	Объяснение необходимости шага	Методы достижения	Ресурсы
ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ (3-4 месяца)	Обучение глав регионов основам ММС	Это ключевой этап соц. технологии для формирования компетенций у глав муниципальных образований	- онлайн и офлайн форматы обучения; - Кейс-study на основе практических примеров, задач; - проектные работы по командам	- отобранные эксперты-преподаватели - Рабочая программа проведения занятий (лекций, мастер-классов, семинаров) - Помещение для проведения офлайн-занятий - ИТ платформы для онлайн-занятий
	Проведение общих международных конференций, круглых столов	Для знакомства, обмена опытом между российскими и зарубежными главами муниципальных образований	- Разработка программы мероприятий, поиск актуальных тем и вопросов для обсуждения - Приглашение зарубежных партнеров и обеспечение их участия в мероприятиях	- Команда организаторов офлайн мероприятий - Приглашенные отечественные, зарубежные спикеры (из организаций по международному сотрудничеству) - Помещение для проведения офлайн-занятий - ИТ платформы для онлайн-занятий
	Совместные поездки участников обучающих программ в различные муниципальные образования РФ и зарубежных стран	Для знакомства, обмена опытом между российскими и зарубежными главами муниципальных образований	- Выбор места назначения, изучение реализованного на территории опыта ММС; - Разработка программы поездки - Практические семинары на месте назначения	- Команда организаторов - Билеты до мест назначения и обратная бронь гостиниц - Разработанная заранее программа экскурсий и мероприятий

формирует компетенции в сфере ММС у участников курса. Данный блок включает четыре основных шага (см. таблицы 1/2 и 1/3):

- 1) Обучение глав муниципалитетов основам ММС;
- 2) Проведение общих международных конференций, круглых столов для знакомства, обмена опытом между российскими и зарубежными главами МО;
- 3) Совместные поездки участников обучающих программ в различные муниципальные образования РФ и зарубежных стран;
- 4) Оценка сформированной компетенций в области ММС у глав МО для понимания эффективности реализуемой технологии и оценки навыков глав МО, прошедших обучение.

В целях первичной оценки уровня освоения изученного материала участникам необходимо разработать проект ММС для своего муниципального образования. Вторичная оценка освоенных навыков проводится после 1-2 лет реализации социальной технологии (во время реализации корректирующего блока).

Затем следует четвертый *корректирующий блок* (длится около 2 месяцев), который проводится после реализации основного преобразующего блока социальной технологии с целью выявления недочетов, ошибок. Примерно через 1-2 года после реализации основной части социальной технологии в пилотных регионах проводится диагностика, чтобы понять удалось ли главам муниципальных образований и их командам применить полученные компетенции на практике, а именно: найти зарубежных партнеров, заключить соглашения, провести мероприятия в рамках соглашений. В случае выявления сбоев, провести корректировку социальной технологии и внести необходимые изменения.

Заключение и ожидаемые результаты. По итогам реализации данной социальной технологии у глав муниципальных образований будут сформированы вышеперечисленные необходимые компетенции (знания, умения и навыки) в области международного муниципального сотрудничества. Более того на уровне муниципального и регионального управления будут заложены основы для дальнейшего развития международного муниципального сотрудничества (ММС) на территории РФ, а ММС приобретет ещё большую значимость и укрепитя в качестве одного из ключевых инструментов повышения конкурентоспособности муниципалитетов и улучшения качества жизни населения.

Таблица 1/3.

БЛОКИ	ШАГИ	Объяснение необходимости шага	Методы достижения	Ресурсы
ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ (3-4 месяца)	Оценка сформированной компетенций в области ММС у глав МО	Чтобы понять эффективность реализуемой технологии и оценить навыки глав МО, прошедших обучение	<p>Оценить соответствие знаний, умений и навыков глав МО следующим критериям:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Узнали о возможности сотрудничества на международном уровне; 2) Освоили законодательные основы осуществления ММС; 3) Получили понимание социально-экономических эффектов от ММС для территории МО; 4) Освоили навык поиска международных партнеров и налаживания коммуникации с ними; 5) Получили навык сохранения и поддержания регулярных международных контактов. <p>- Для первичной оценки уровня освоения изученного материала проводится устный экзамен, включающий решение кейсов;</p> <p>- Вторичная оценка освоенных навыков проводится после 1-2 лет реализации соц.технологии.</p>	<p>Напечатанные оценочные материалы</p> <ul style="list-style-type: none"> - Экзаменаторы- эксперты в сфере ММС - Помещение для проведения экзамена - ИТ платформы для онлайн-экзамена
КОРРЕКТИРУЮЩИЙ (2 месяца)				

Список литературы:

1. Ахатова А.Р., Пильщиков А.К., Андрейченко Н.Н. Актуальные формы международного муниципального сотрудничества. «Государственное управление и развитие России: проектирование будущего»: Сборник статей международной конференции. Том 1. – Москва, 2022. С. 525-546.
2. Заика Ю.В. Приграничное сотрудничество как фактор саморазвития регионов Российской Арктики (на примере Мурманской области). Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2019. № 4
3. Комлева В.В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели. Россия: общество, политика, история. Москва, 2022. № 1 (1). С. 11-35.
4. Комлева В.В. Социология управления: учебное пособие. Москва, 2021. 79 с.
5. Кидяев В.Б., Бабичев Б.Б. Правовые и организационные вопросы деятельности Общероссийского Конгресса муниципальных образований, советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации, иных объединений муниципальных образований. – М.: Издание Государственной Думы, 2016. 56 с.
6. Лебедева М.М. 2013. Актеры современной мировой политики: тренды развития. Вестник МГИМО-Университета. № 1. С. 38-42.
7. Лебедева М.М. 2019. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1. С. 7-16.
8. Майкова Э.Ю. Ассоциативная форма межмуниципального сотрудничества как инструмент решения проблем местного самоуправления // Достижения вузовской науки. 2016. № 26. С. 122-127.
9. Маргулян Я.А. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. 436 с. // URL: https://www.spbume.ru/file/pages/79/soc_tehnologii.pdf
10. Мухаметов Р.С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА. 2020. № 13 (6). С. 153-174.
11. Наумов С.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. No131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / С.Ю. Наумов, А.А. Гребенникова, М.М. Мокеев, С.Ю. Зюзин, В.А. Свищева, Е.С. Ведяева, П.П. Беликов, Н.А. Захарова, С.А. Шишелова; под ред. Л.П.Жуковской. 4-е изд. (эл.), перераб. и доп. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018.
12. Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий. Киев: МАУП, 2004. 608 с. // URL: https://maup.com.ua/assets/files/lib/book/sc_29.pdf
13. Шлапенко Е.А., Степанова С.В. Современные вызовы для малых приграничных городов. Вестник РУДН, 2018. № 3. С.495-505.

Bibliography

1. Akhatova A.R., Pilshchikov A.K., Andreichenko N.N. Current forms of international municipal cooperation. "Public administration and development of Russia: designing the future": Collection of articles of the international conference session. Volume 1. -Moscow, 2022. P. 525-546.
2. Zaika Yu.V. Cross-border cooperation as a factor of self-development of the regions of the Russian Arctic (on the example of the Murmansk region). Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2019. № 4
3. Komleva V.V. International Cooperation of Russian Regions: Institutional Foundations and Characteristic Models. Russia: society, politics, history. Moscow, 2022. № 1 (1). P. 11-35.
4. Komleva V.V. Sociology of management: textbook. Moscow, 2021. 79 p.
5. Kidyayev V.B., Babichev B.B. Legal and organizational issues of the activities of the All-Russian Congress of Municipalities, councils of municipalities of the constituent entities of the Russian Federation, and other associations of municipalities. - M.: Publication of the State Duma, 2016. 56 p.
6. Lebedeva M.M. 2013. Actors of Modern World Politics: Development Trends. Bulletin of MGIMO-University. № 1. P. 38-42.
7. Lebedeva M.M. 2019. Transforming the Role of Cities and Intrastate Regions in World Politics. Ecumene. Regional studies. № 1. P. 7-16.
8. Maykova E.Yu. An associative form of intermunicipal cooperation as a tool for solving problems of local self-government // Achievements of high school science. 2016. № 26. P. 122-127.
9. Margulyan Ya.A. Social technologies of society management: regional level. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Academy of Management and Economics, 2010. 436 p. // URL: https://www.spbume.ru/file/pages/79/soc_tehnologii.pdf
10. Mukhametov R.S. Factors of international activity of Russian cities // Bulletin of MGIMO-UNIVERSITY. 2020. № 13 (6). P. 153-174.
11. Naumov S.Yu. Commentary to the Federal Law of October 6, 2003 No131-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation" / S.Yu. Naumov, A.A. Grebennikova, M.M. Mokeev, S.Yu. Zyuzin, V.A. Svishcheva, E.S. Vedyayeva, P.P. Belikov, N.A. Zakharova, S.A. Shishelova; ed. L.P. Zhukovskaya. 4th ed. (el.), revised. and additional. Saratov: IP Air Media, 2018.
12. Surmin Yu.P., Tulenkov N.V. Theory of social technologies. Kyiv: MAUP, 2004. 608 p. // URL: https://maup.com.ua/assets/files/lib/book/sc_29.pdf
13. Shlapenko E.A., Stepanova S.V. Modern challenges for small border towns. Bulletin of RUDN University, 2018. № 3. P. 495-505.

М

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Московский государственный институт культуры

*Новосибирский национальный
государственный университет*

Тамби С.А.

Соискатель кафедры интеграционных процессов,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Панъевропейское движение и Эстония. Часть 1. Установление и укрепление связей в межвоенный период, и истоки эстонского евроскептицизма

После окончания Первой мировой войны в связи с несостоятельностью Версальско-Вашингтонской системы международных отношений европейские страны столкнулись с множеством вызовов, грамотное решение которых смогло бы обеспечить их последовательное политическое и экономическое развитие. В условиях продолжавшегося политического соперничества государств Европы, их экономической обособленности, а также роста националистических настроений остро возникла потребность в поиске альтернативной концепции мироустройства на европейском континенте.

Межвоенный период ознаменовал появление нескольких крупных проектов, ставящих своей целью объединение европейских народов. Их поддерживали видные экономисты, политики и общественные деятели. Так, В.И. Ленин, оппонировавший концепции Соединенных Штатов Европы и полагавший ее воплощение реакционным или попросту невозможным, предложил альтернативную основу для объединения – пролетарские Соединенные Штаты Мира, образовавшиеся бы после мировой революции [9]. Советский народный комиссар Лев Троцкий в 1923 г. выдвинул лозунг «*За Советские Соединенные Штаты Европы!*», выступая тем самым за объединение Европы на коммунистических принципах [17]. В 1927 г. французский политик, лидер левоцентристской Радикальной партии Эмиль Борель, основал *Французский комитет европейского сотрудничества*, аналогичные комитеты вскоре учредили ещё 20 стран. В 1931 г. будущий премьер-министр Франции Эдуард Эррио опубликовал книгу «Соединенные Штаты Европы» (к тому времени образец такой системы уже существовал в виде бельгийского и люксембургского таможенного и валютного союза 1921 г.). Будущий министр экономики Великобритании Артур Солтер издал в 1933 г. книгу в защиту Соединенных Штатов Европы [94].

Среди авторов различных проектов объединения Европы находим и такие имена: немецкий историк Ф. Нойман с идеей создания Европейского политического союза, британский экономист Джон Кейнс с предложением об европейском управлении, лидер Польши Юзеф Пилсудский с идеей европейской федерации «Междуморье», председатель совета министров Франции Андре Тардьё с предложением о создании европейских вооруженных сил. В поддержку евроинтеграционных процессов высказывался также французский политолог и экономист Бертран Жувенель [57, с. 79], испанский философ и политик Хосе Ортега-и-Гассет [73], премьер-министр Греции Элефтериос Венизелос [80, с. 48-50] и другие.

Отметились в этом направлении и идеологи гитлеровского нацизма, которые ставили целью порабощение всего европейского континента («Крепость Европа», «расширение жизненного пространства»), а затем замахнулись и на мир в целом. И. фон Риббентроп и С. фон Ренте-Финк предложили проект создания «Европейской конфедерации» как части нового порядка на континенте (инициатива не получила большой поддержки со стороны нацистского руководства). Лидер итальянских фашистов Бенито Муссолини предложил объединить Европу под флагом фашизма с центром в Италии (идея «демократического интервенционизма», «последняя война Рисорджименто»). Французский же фашист Жорж Валуа выступал с инициативой по созданию «Латинского блока» – регионального интеграционного объединения средиземноморских романоязычных стран с центром во Франции.

Некоторые эстонские исследователи указывают на то, что идея сосуществования национальной и европейской идентичности получила развитие в Эстонии, когда та еще входила в состав Российской империи (будучи Эстляндской губернией и северной частью Лифляндской губернии) [51, с. 35]. Движение *младозстонцев* (литературно-художественная группа «Молодая Эстония», существовавшая в 1905-1915 гг.) и его идейный вдохновитель, поэт Густав Суйтс выступили в 1905 г. с манифестом, в котором значились лозунги: «Больше европейской культуры! Останемся эстонцами, но станем и европейцами!» [95, с. 17-19]. Густав Суйтс также поддерживал другой проект – идею объединения Эстонии и Финляндии (однако этот план не сбывся и 24 февраля 1918 г. была провозглашена независимость Эстонской Республики) [60, с. 1773]. А вот прозаик и литературовед из этой же группы – Фридеберт Туглас – напротив полагал тогда, что эстонцы не принимали активного участия в создании европейских культурных ценностей и «нас ничего не связывает с историей европейских ценностей» [89, с. 57].

Федерализм как принцип государственного устройства стал фигурировать в общественной мысли у эстонцев после Первой русской революции 1905 г., когда партии и движения Эстляндской губернии подняли тему самоопределения и политической автономии. Вновь идея федерализации России, а также идея автономии для Эстляндии возникла у части эстонской интеллигенции в 1917 году. В том году, 26 марта в Петрограде Эстонским республиканским союзом было организовано шествие эстонцев (от эстонской церкви Святого Иоанна до Таврического дворца, где в то время проводила заседания Государственная Дума). Демонстранты передали в это законодательное представительное учреждение Российской империи воззвание, в котором требовали одобрения законопроекта о самоуправлении (автономии), а также преобразования России в федеративную демократическую республику. Член Временного правительства, комендант Петрограда полковник Борис Энгельгардт сообщил тогда представителям манифестантов, что *«стремление эстонцев к автономии – правильно, а прекрасная организация демонстрации показывает, что Эстония созрела для этих нововведений»*.

Назначенный в 1918 г. Эстонским временным правительством министром образования Эстонии (к обязанностям он так и не приступил) Карл-Фридрих Лутс выпустил годом ранее брошюру «Автономия и федерация», в которой утверждал, что *«автономия и федерация – это высшая политическая форма, которая наиболее деликатно обеспечивает национальную идентичность»*. Автор проводит мысль о том, что *«находясь в общих границах с Россией, необходимо требовать для Эстонии право принятия решений по всем вопросам, кроме тех, которые Эстонией признаны для решения на общенациональном уровне»* [67, с. 5-10]. В другой брошюре, вышедшей в том же году, К. Лутс подчеркивал важность национальной или экстерриториальной автономии в расположенных во внутренних губерниях Российской империи эстонских общинах [68]. Тему автономии для Эстонии продвигали и такие авторы, как будущий первый дипломатический представитель Эстонии в Германии, член Рийгикогу (парламента Эстонии) Михкель Мартна [70], а также будущий член Эстонского Учредительного собрания и проректор Тартуского университета Ханс Круус [61]. А вот создавшие Эстляндскую трудовую коммуну эстонские коммунисты под предводительством Яана Анвельта в 1918 г. поддержали создание *Всемирной социалистической федеративной советской республики* [22, с. 239].

Модели европейских интеграционных проектов разрабатывали и уточ-

няли и эстонские ученые. Проработкой подобного проекта занимался экономический географ Эдгар Кант. С учетом уникального положения Эстонии – как центрального связующего звена между странами Северной Европы и Прибалтики – он видел Эстонию как часть *Балтоскандии* (куда бы вошли Швеция, Дания, Норвегия, Исландия, Финляндия и три прибалтийских государства). Впервые данный термин упомянул в 1928 г. в качестве географического шведский профессор Стен де Геер, понимавший под ним цельный географический регион. Авторы уточненной концепции Балтоскандии (вышеупомянутый эстонец Э. Кант, а также литовский географ Казис Пакштас) предполагали объединение этих стран – или путем ассоциации государств и образования общего совещательного органа – *Комитета Балтоскандии*, или же путем образования полноценной конфедерации с принятием Конституции, формированием двухпалатного парламента (*Конгресса* и *Сената Балтоскандии*), причем титул императора Балтоскандии присваивался бы королю Швеции [16, с. 71]. Позиция Эдгара Канта во многом перекликалась с идеей эстонского националиста (позже ставшего социалистом) Александра Кескюла, предложившего еще в начале Первой мировой войны отделить Эстляндскую губернию и Великое Княжество Финляндское от Российской империи и создать шведско-финско-эстонский союз либо объединенное монархическое государство. Под Эстонией он подразумевал т.н. *Великую Эстонию*, в которую вошли бы Эстония, Ливония (Лифляндия) и Ингерманландия.

По Э. Канту, геополитическая концепция *Балтоскандии* наполнена не только географическим, но и культурным, а также политическим содержанием. Идею всячески поддерживал эстонский фольклорист и религиовед, академик Эстонской Академии Наук Оскар Лооритс [66, с. 73]. Однако в Швеции – центральном государстве предполагаемой Балтоскандии – слабо верили в жизнеспособность и выживание прибалтийских государств, что изначально обрекало этот проект (целью которого по К. Пакштасу была оказание помощи малым государствам в их противостоянии давлению со стороны крупных стран) на неудачу. В контексте же развития полномасштабного интеграционного проекта, Эдгар Кант полагал, что не следует ограничиваться только лишь созданием «*чисто Европы*», но стремится к осознанию «*планетарной по характеру динамической картины мира*». По его мнению, объединение должно охватить весь мир. Он призывал европейцев, у которых есть желание реализовать идею Пан-Европы, заменить регионалистское евроцентристское мышление на еще более широкое – по сути глобалистское. В противном случае, считал

он, евроинтеграция и сохранение мира было бы не больше чем фантазией [59, с. 7-13]. Уже во время Второй мировой войны Э. Кант предрекал создание «*высшего наднационального порядка*», который одновременно будет являться национальным и европейским [58, с. 338-341].

В межвоенный период в Европе создавались и соответствующие организации еврооптимистической и евроинтеграционной направленности. Так, упомянем созданную в ноябре 1938 г. для пропаганды идеи *Федеративного союза Европы* (по сути в качестве уже послевоенной цели) существующую и поныне проевропейскую британскую группу «Федеративный союз».

В настоящей статье мы рассмотрим деятельность одного из самых старейших, успешных и популярных в межвоенный период проектов общеевропейского объединения – Панъевропейского союза – а также его исторические (а в *Части 2* этой статьи – современные) взаимосвязи с Эстонией.

Основанный австрийцем, графом Рихардом Куденхове-Калерги в 1923 г. в Вене Панъевропейский союз сразу же активизировал свою работу во многих европейских государствах. В середине 20-х гг. XX века во многих странах стали создаваться отдельные национальные организации (секции или отделения) этого союза. Книга-манифест Рихарда Куденхове-Калерги «Пан-Европа» (1923 г.) призвала европейцев объединяться перед лицом угроз, подстерегающих Европу – новой мировой войны, американской экономической гегемонии, а также большевистской экспансии на запад [7]. Этот своего рода программный документ получил широкий резонанс и в тогдашней провозгласившей независимость 24 февраля 1918 г. Эстонской Республике.

Темой развития панъевропейского проекта Р. Куденхове-Калерги как реализации альтернативной программы развития Европы после Первой мировой войны ранее занимались такие отечественные исследователи, как В. Хорватский [19], Н.В. Устрялов [18], М.А. Ляс [10], К. Виллар [4], А.О. Чубарьян [20], Ю.А. Борко [2], В.А. Артемов [1, с. 40-50], А.Г. Браницкий [3], В.Е. Кузнецов [8], Е.А. Панарина [13], А.В. Громова [5], А.Е. Кораблева [6] и другие.

Если для исследований, выполненных в советский период, характерно рассмотрение проекта Пан-Европы с позиций господствовавшего в стране «*диалектического материализма*», а также его антисоветской сущности, то после распада СССР отечественные исследователи занялись изучением широкого спектра вопросов, связанных с панъевропейским интеграционным процессом (объектом их исследований стали, в том числе, экономический и культурный аспекты).

Среди эстонских авторов, занимавшихся данной тематикой, выделим

юриста и дипломата, государственного старейшину Эстонии, профессора Антса Пийпа. В своей статье «Пан-Европа» он рассмотрел сложившуюся после Первой мировой войны международную ситуацию в качестве предпосылки возникновения Панъевропейского движения. По его мнению, после краха существовавшей до Первой мировой войны экономической системы, в европейской системе назрели перемены [14, с. 67-75]. Другой эстонский государственный деятель, премьер-министр Эстонии, государственный старейшина и министр иностранных дел Яан Тыниссон является автором размышлений под названием «Идея федеративной Европы». Он полагал, что объединившаяся под эгидой западных демократий Европа *«получит защиту против наступающего тоталитаризма, фашизма и коммунизма»*. Будучи убежденным, что в объединенной Европе восторжествует принцип свободы, равноправия народов и верховенства закона, он считал, что малые страны займут лучшую позицию на международной арене, станут *«более пригодными для жизни»*. По его мнению, федерализация Европы – вплоть до исчезновения государственных границ – *«спасет Европу от надвигающейся общей катастрофы»* [101].

Отметим, что взгляды Яана Тыниссона претерпели значительную эволюцию, ведь изначально он был вовсе евроскептиком. Во времена Российской империи он видел в европеизации культуры опасность для идентичности эстонцев, для их национальной культуры. Тогда он отказывался принимать европеизацию как культурно-идеологическую ориентацию, вступив в полемику по этому вопросу с некоторыми еврооптимистами из *младоэстонского движения*. Темой взаимосвязей Эстонии и Панъевропейского движения также занимался современный финский исследователь Паули Хейккиля, опубликовавший в 2014 г. соответствующую монографию [50, 51, 52, 55]. В ней рассматривается сущность Панъевропейского движения в Эстонии в 1922-1940 гг., а также представительство эстонских эмигрантов в послевоенных евроинтеграционных проектах (до 1991 г.).

Переписка Центрального Бюро Панъевропейского союза с европейскими политическими деятелями, членами союза в Эстонии, представителями деловых кругов и сторонниками Пан-Европы в различных странах по вопросам организации и деятельности национальных секций Панъевропейского союза, пропаганды и финансирования имеется в Российском государственном военном архиве (г. Москва). Там же хранятся письма посольства Эстонии во Франции относительно деятельности союза и Устав национальной секции в Эстонии [15]. Рукописный и машинописный тексты проекта устава, а также переписка Карла Роберта Пуста по панъев-

ропейской тематике находится в Эстонском национальном архиве [42].

Новизна данного исследования заключается в том, что автор, существенно расширил библиографию по данной теме и рассмотрел (в *Части 2* данной статьи) нынешние взаимосвязи Панъевропейского движения с Эстонской ССР/Эстонией (с 1988 г. и вплоть до наших дней). Автор также выявил отсылки (и их интенсивность) представителей современной политической элиты Эстонии к активной деятельности этой прибалтийской страны в Панъевропейском союзе в межвоенный период. Наконец, автор выявил, каким образом использование данного ресурса после вступления Эстонии в ЕС помогло в качестве дополнительного подтверждения правильности выбранного ей европейского пути. Показана в работе (в *Части 2* данной статьи) и реакция эстонских евроскептиков (как времен Первой Эстонской Республики, так и современных) на деятельность довоенного и нынешнего Панъевропейского союза.

Эстония и Панъевропейский союз в межвоенный период

Эстонская Республика, как новообразованное малое европейское государство, возникшее в 1918 г., изначально воспринимало идею Пан-Европы через призму концепции коллективной безопасности и идеи «вечного мира». Это вытекало из тогдашнего осознания политического истеблишмента страны в необходимости обеспечения независимости малого государства лишь благодаря нахождению (членству) его в бóльшей демократической структуре (организации). В своей внешней политике Эстония последовательно уделяла повышенное внимание моральным аспектам подобной организации, подчеркивая особую роль международного права, что вообще характерно для внешней политики малых стран в целом.

Политическая элита молодого государства полагала, что объединение Европы означает вызов общих сил против других укрепляющихся континентов, и «*малые государства выиграли бы больше других*» [45, с. 4]. Таким образом, отношения малых и больших государств оставались жизненно важными в эстонском дискурсе объединения Европы на протяжении 1920-х и первой половины 1930-х годов [54, с. 73]. В 1920-е гг. эстонские политики поддерживали международные инициативы по запрещению агрессии, активно участвовали в движении за разоружение. Эстония присоединилась к подписанному в 1928 г. Пакту Бриана-Келлога, стороны которого исключали войну как инструмент государственной политики. В 1921 г. прибалтийское государство стало членом Лиги Наций [36].

Ставший апологетом идеи единства Европы и европейской нации как

культурной и исторической общности, Рихард Куденхове-Калерги выступал за нравственное обновление европейцев и возрождение подлинных европейских ценностей. Идеи истоки панъевропеизма коренились на таких весьма разносторонних основаниях, как равноправие, демократия, христианские ценности, пацифизм, аристократизм и либерализм. Многие пацифисты тогда проповедовали не только принципиальный отказ от войны как средства разрешения международных споров, но и признание внутреннего культурного родства европейских народов как предпосылки политического единения Европы. В практической плоскости Р. Куденхове-Калерги направил все свои силы для реализации идеи единой Европы. Безусловно, первостепенное место в его проекте заняли крупнейшие европейские страны – Франция и Германия. Впоследствии же, всё более возрастающую роль в проекте начали играть малые государства Европы. Это произошло после отхода Германии в 1933 г. от Панъевропейского движения.

В 1924 г. был издан первый номер журнала «Пан-Европа» (выходил в 1924-1938 гг.), ставший официальным печатным органом Панъевропейского союза. Рихард Куденхове-Калерги был его основателем, редактором и постоянным автором. А год спустя он приступил к изданию своего основного труда «Жизнь за Пан-Европу» (три тома вышли в 1925-1928 гг.). После организационных приготовлений в конце 1924 г. (когда Р. Куденхове-Калерги получил спонсорскую помощь от финансиста из Гамбурга М. Варбурга), было создано Центральное Бюро движения в Хофбурге (пригороде Вены), ставшее его административным центром.

Октябрь 1926 г. ознаменовал проведение Первого конгресса Панъевропейского движения (г.Вена), на котором были представлены две тысячи делегатов от 24 европейских народов. Тогда Р. Куденхове-Калерги был избран президентом Центрального совета. Первоначальное видение Р. Куденхове-Калерги заключалось в том, что мир должен быть разделен всего на пять объединений: Соединенные Штаты Европы (Пан-Европа), которые свяжут страны европейского континента с их колониями в Африке; Панамериканский союз, охватывающий Северную и Южную Америку; Британское Содружество, имеющее владения по всему земному шару; СССР, охватывающий Евразию; и Паназиатский союз, в котором Япония и Китай будут контролировать большую часть Тихого океана. Согласно Р. Куденхове-Калерги, английский язык станет мировым языком, на котором будет говорить все человечество (помимо владения своими родными языками). Он также полагал, что индивидуализм и социализм научатся сотрудничать, а не конкурировать друг с другом. В его риторике

проскальзывала и мысль о том, чтобы капитализм и коммунизм взаимно обогащали друг друга, точно так же, как в свое время протестантская Реформация стала катализатором возрождения в Католической церкви.

В целях превращения Пан-Европы в мировую державу Р. Куденхове-Калерги предложил Европе осознать, что она – единственная великая нация. Он раскрыл понятие «нации» как осознанной культурной общности, духовного сообщества. Таким образом, в его представлении Европа – это одна большая семья, подразделяющаяся на отдельные ответвления. Р. Куденхове-Калерги определил три основания, по которым Европа нуждается в объединении: вероятность новой войны, покорение Европы Россией, а также возможная экономическая катастрофа. Прекращению европейской анархии призван, по его мнению, послужить созыв Панъевропейской конференции, а также заключение всеми демократическими странами континентальной Европы третейского и гарантийного договора, и, наконец, образование единого таможенного союза и создание в Европе единой экономической области. Относительно внутреннего устройства единой Европы у ее идеолога не было четкого ответа. В этой части проект претерпевал последовательные изменения – от «*объединения стран*» до «*федеративного государства*», а позже и «*европейской федеративной империи*».

По Р. Куденхове-Калерги Европа должна была обеспечить автономию на базе Лиги Наций, которая бы продолжила свое функционирование как высший мировой арбитр, разрешавший мировые кризисы. Разрешение же проблем локального масштаба находилось бы в компетенции небольших групп народов (под ними он понимал панъевропейскую, панамериканскую, русскую, британскую и монгольскую группы). Главными врагами единой Европы Р. Куденхове-Калерги считал Россию/СССР и США. Он отмечал, что Европе необходимо сохранять независимость от США. В отношении же Советского Союза он был более радикален: будучи убежденным в скором нападении СССР на европейские страны (несмотря на то, что в действительности Советский Союз не планировал в то время военные интервенции в европейские страны), он полагал, что с востока исходит опасность. Однако его позиция к СССР позже претерпела некоторые трансформации, включая смягчение (так, он приветствовал заключение в 1935 г. *Советско-французского пакта о взаимопомощи*).

Рихард Куденхове-Калерги активно пытался привлечь к своему панъевропейскому проекту видных европейских политиков, и, необходимо отметить, у него это хорошо получалось. Например, он предложил пост президента австрийского отделения Панъевропейского союза Игнацу Зейпелю

(федеральный канцлер Австрии в 1922-1924 и 1926-1929 гг.), который принял это предложение. В 1925 г. Р. Куденхове-Калерги установил связь с рядом французских деятелей, среди которых Л. Лушер, А. Жувенель, Э. Эррио и Ж.-П. Бонкур. Отчасти идеи единой Европы были поддержаны и такими политиками, как Г. Штреземан, А. Тардьё, Э. Дольфус, К. Шушниг, М. Годжа, Т. Масарик и Э. Бенеш. Тем самым, идея Пан-Европы широко расходилась в кругах политической и академической элиты европейских стран.

Итак, к середине 1920-х гг. функционировало уже 13 национальных комитетов Панъевропейского союза. Инициатором создания в Эстонии отделения Панъевропейского союза был дипломат, министр иностранных дел Эстонии (в 1920 и 1924-1925 гг.) Карл (Каарел) Роберт Пуста (1883-1964), который сделал в 1926 г. неудачную попытку основать отделение в Таллине (Р. Куденхове-Калерги попросил его сделать это еще в 1924 г.). В итоге, эстонская секция Панъевропейского союза была создана в августе 1929 года. Ее председателем (до 1940 г.) стал бывший (и первый) глава эстонского государства (государственный старейшина) Антс Пийп [38, с. 4].

Секция издавала материалы, знакомившие эстонцев с Панъевропейским движением, в том числе брошюры Р. Куденхове-Калерги в переводе на эстонский язык [29]. В 1929 г. в столице Эстонии была опубликована работа Р. Куденхове-Калерги «Панъевропейский союз» [30]. В предисловии К.Р. Пуста указал на демократическую природу как Эстонии, так и Панъевропейского движения. В 1938 г. в Таллине на эстонском языке была издана книга Р. Куденхове-Калерги «Тотальное государство – тотальный человек». Тогда предисловие для нее написал один из активистов Панъевропейского движения в Эстонии, предприниматель Йоаким Пухк. Позже книга переиздавалась на том же языке в 1940, 1988 и 2016 годах [31, 32, 33, 34]. В 1920-е гг. на страницах центральных эстонских газет появлялось множество стенограмм речей Р. Куденхове-Калерги, а также публикаций о нем и его проекте [27, с. 2]. Его *Панъевропейский Манифест*, например, был напечатан в газете «Пяэвалехт» уже в январе 1924 года [28, с. 2].

Карл Роберт Пуста обращал внимание на то, что программа Панъевропейского движения содержала не только политическую или экономическую, но и духовную компоненту. Сменяемость и чехарда политиков и дипломатов диктовала, по его мнению, необходимость зарождения «*сознательной европейской солидарности, европейского патриотизма в каждом классе, в особенности среди молодежи*» [83, с. 2]. Ян Тыниссон же полагал, что Панъевропейский союз расширит знания о духовном разнообразии среди европейских народов и, таким образом, породит создание

европейской культуры, которая впоследствии объединит Европу в рамках одного государства [43, с. 5].

Не заставило себя ждать в Эстонии и появление довольно резкой евроскептической риторики. Дело в том, что дух евроскептицизма, царящий в 1920-х и начале 1930-х гг. в Германии и других европейских странах (в немецких СМИ тогда открыто писали о том, что под Панъевропейским движением прячутся империалистические планы Франции), просачивался и в Эстонию. Так, дипломат и журналист, бывший министр иностранных дел Эстонии Ханс Ребане отмечал в 1930 г.: *«Мы слишком далеко от великой Европы»*. Он также поставил под сомнение способность Эстонии понимать, например, французскую внешнюю политику [90, с. 2]. А известный эстонский географ, редактор географического отдела *«Эстонской энциклопедии»* Аугуст Таммеканн в 1932 г. полагал, что *«проект Пан-Европа – в реализации ее идеи как Соединенных Штатов Европы – кажется, по крайней мере на данный момент, совершенно утопическим»* [96, с. 1676]. Отметим, что в осуществимости проекта сомневался даже ее пламенный вдохновитель в Эстонии Антс Пийп [81, с. 74-75]. К стану эстонских идейных евроскептиков относится и известный писатель Антон-Хансен Таммсааре, предвещавший (в духе Освальда Шпенглера) кризис западной цивилизации, упадок европейской культуры и уклада. В середине 1930-х гг. он призвал ценить свою собственную эстонскую национальную культуру, а не маниакально верить в построение единой Европы. В 1940 г. он писал о неизбежном уничтожении западной культуры из-за *«неудовлетворенной страсти, которую раздувает литература, искусство, наука, образование, воспитательные методики, кино, радио, реклама и окружающая жизнь»*. Он резюмировал: *«Поэтому наряду с призывом: «Больше Европы!» также можно поместить призыв: «Меньше Европы и больше нас самих!»* [98, с. 125, 257].

Эстонских евроскептиков подпитывали идеи не только О. Шпенглера (и его произведение *«Закат Европы»*, 1918-1922 гг.; кстати, в 1924 г. этот немецкий философ прочитал лекцию в Таллине), но и позиция Хосе Ортеги-и-Гассета (*«Восстание масс»*, 1930 г.), описывавшего культурный кризис Европы и полагавшего, что Европа утратила нравственность. Черпали они вдохновение и в работе Гюстава Лебона *«Психология народов и масс»* (1895 г.), который видел в массовой психике опасность для человеческого духа и считал ее причиной упадка европейской цивилизации. В 1936 г. вышеупомянутая книга этого французского психолога, переведенная на эстонский язык, была опубликована в Таллине [63].

Некоторые эстонцы видели в Пан-Европе серьезную опасность ассими-

ляции небольшой нации в случае поглощения более крупным образованием. Приводились и другие доводы в пользу строительства исключительно национального государства. Например, в феврале 1927 г. в газете «Постимеэс» было четко заявлено (признавая все же преимущества Пан-Европы), что недостатки всё же превалируют. Они включали *«угрозу Лиге Наций, экономический антагонизм против аутсайдеров и несовершенное развитие национальной идеи»* [62, с. 1]. Газета «Постимеэс» не брезговала опубликованием на своих страницах критики в адрес Р. Куденхове-Калерги и его Панъевропейского союза за неполноценный (недостаточный) мандат от простых людей, утверждая, что проект больше похож на «частную лавочку» [46, с. 3]. Другая эстонская газета, «Кайя», утверждала, что *«идея Европейского союза вырвалась из царства идеалистических мечтаний и становится проблемой для официальной политической жизни в Европе»* [25, с. 2]. В октябре 1929 г. консул Эстонии в Копенгагене Филипп Кальот выразил опасение, что *«при отсутствии введения тарифов малые государства ассимилируются в Пан-Европе»* [43, с. 5]. Эстонский журналист и общественный деятель Харальд Таммер после проведения Третьего панъевропейского конгресса увидел цели Панъевропейского движения отчасти противоречивыми и слишком идеалистическими, чтобы быть достижимыми. Ожидая от Пан-Европы *«таких же неудач, как и раньше»*, он не хотел более выступать сторонником этой организации [97, с. 2].

Эстония делала попытки в первой половине 1920-х гг. заключить со своими соседями – малыми европейскими странами – договоры, направленные на бóльшую интеграцию, например, о военном сотрудничестве. В 1923 г. такое соглашение было заключено ей с Латвией. Подписанный на бумаге документ в реальности был реализован в самом зародыше – было проведено несколько совместных учений, оружие же эти страны закупили врозь, причем разное.

Рихард Куденхове-Калерги никогда не бывал в Эстонии, хотя в крови визионера и выразителя панъевропейской идеи по всей видимости текла кровь и балтийских (остзейских) немцев [92, с. 6]. В июне 1929 г. Таллин и Тарту посетил экономический эксперт Панъевропейского союза Отто Дойч, прочитавший лекцию на тему «Балтийские страны и Пан-Европа» [75, с. 1]. Отметим, что оппонент Р. Куденхове-Калерги – принц Карл Антон Рохан (основавший в 1924 г. т.н. Европейскую культурную ассоциацию – *Europäischer Kulturbund* – и представлявший элитарно-консервативную концепцию Запада, которую он противопоставлял христианско-демократической панъевропейской идее, считая идею Пан-Европы

искусственно сконструированной, антитрадиционной и рационалистической) весной 1927 г. посетил Таллин [44, с. 5]. В эстонских СМИ также уделялось внимание характеризовавшимся евроцентризмом футуристическому проекту немецкого архитектора Германа Зёргеля под названием *Алантропа* (его цель заключалась в производстве большого количества электроэнергии) [93, с. 4]. Однако в Эстонии идеи Р. Куденхове-Калерги и его Панъевропейского союза были более популярными.

В 1927 г. почетным президентом Панъевропейского союза стал министр иностранных дел Франции Аристид Бриан. Этот год ознаменовал также создание французского отделения союза. На 10-й сессии ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1929 г. в Женеве А. Бриан поднял вопрос об учреждении Федерации европейских народов. По мнению эстонского политика Яана Тыниссона, А. Бриан трансформировал давнюю идею в реальный политический вопрос [43, с. 5]. К.Р. Пуста характеризовал А. Бриана как «одного из величайших французов и европейцев нашего времени». Он также вспоминал в своих мемуарах, как на заседании Ассамблеи Лиги Наций в 1931 г. А. Бриан «дал ему дружеский совет – поддержать создание Европейской Комиссии» [87, с. 140].

Первого мая 1930 г. (накануне Второго панъевропейского конгресса) был опубликован знаменитый «Меморандум об организации режима Европейского федерального союза» (*Меморандум Бриана*; авторство же его приписывается генеральному секретарю МИД Франции Алексису Леже) [24, с. 457-468]. Оглашенный 17 мая того же года манифест предполагал объединение Европы на федеративных началах. Автор упоминает некие «федеральные узы», сложившиеся между европейскими народами. Получивший официальный статус и предложенный от имени правительства Франции проект предлагал проводить регулярные заседания т.н. *Европейской конференции*, на которую бы направляли своих делегатов страны-члены Лиги Наций. Подразумевалось также создать в городе Женеве *Европейскую Комиссию*, ставшую бы исполнительным органом Конференции. А. Бриан особо оговаривал, что вступление в Союз не означало бы угрозы суверенитету для его стран-членов. Фактически же, в *Меморандуме Бриана* первостепенными были сначала французские, и только после – общеевропейские интересы. Тогда сторонниками этого проекта стали государства, связанные с французской континентальной системой – Югославия, Румыния, Польша и Чехословакия и некоторые другие. А вот Германия, Италия, Великобритания и СССР подвергли инициативу критике. Однако экономический кризис, разразившийся в Европе, не позволил воплотить эту идею в жизнь.

К маю 1931 г. располагавшееся в Таллине отделение Панъевропейского союза насчитывало уже несколько сотен членов, среди которых значились: бывший глава государства (государственный старейшина) Яан Тыниссон, генерал-лейтенант Йохан Лайдонер и президент Банка Эстонии, бывший государственный старейшина Юри Яаксон [76, с. 2]. В руководство (Совет) национальной секции, помимо А. Пийпа, вошли директор «Государственной сланцевой промышленности» Мярт Рауд (ставший секретарем секции), судья Верховного суда Эстонии Пеэтер Канн и председатель Эстонской торговой палаты, предприниматель Йоахим (Йоахим) Пухк, Йоханнес Луйкмилль из «Государственной сланцевой промышленности», Артур Хаман из министерства иностранных дел, министр сельского хозяйства Аугуст Керем, генерал-майор Юхан Тывранд, политик (социал-демократ) Карл Аст и нотариус Якоб Кристельштейн, фольклорист и эстонский посланник в Лондоне Оскар Каллас, мэр Хаапсалу Ханс Альвер. Карл Роберт Пуста был назначен представителем Эстонии в Центральном Бюро Панъевропейского союза в австрийском Хофсбурге.

Интересно, что Йохан Лайдонер, будучи членом Совета Эстонской секции Панъевропейского союза, иногда представлял этот проект как антитезу Лиге Наций, которая в значительной степени способствовала миру. По его мнению, универсальный характер Лиги Наций лучше гарантировал мир, особенно на эстонско-советской границе. Тем не менее Й. Лайдонер считал, что риск войны снижается благодаря созданию союзов, таких как Объединенная Европа. Он также добавлял, что *«хорошо быть гражданином Европы, но еще лучше – гражданином мира»* [78, с. 10]. В 1931 г. эстонская секция отметила *День Пан-Европы* проведением семинара, на котором обсуждалась проблематика малых государств, вопросы пограничной тематики. В тот же день А. Пийп прочитал гостевую лекцию в Риге, рассказав о проекте Пан-Европы и проблеме «мира во всем мире» [79, с. 8].

В начале 1930-х гг. Р. Куденхове-Калерги стал автором т.н. *Европейского пакта*, по сути представлявшего собой прообраз общеевропейской конституции. По его задумке, парламент Соединенных Штатов Европы должен был состоять из двух палат – палаты государств и палаты народов. Им была вынесена на суд общественности идея о создании федерального суда и разработан проект унификации европейского права. Мыслитель предложил проводить единую внешнюю политику и создать оборонительный союз против Советского Союза. А еще он являлся автором проекта реформы Лиги Наций, в которую, по его мнению, впоследствии вошли бы пять континентальных федераций – британская, американская, русская,

панъевропейская и дальневосточная. Руководство организацией осуществлял бы Совет Лиги, куда вошли бы представители этих федераций.

В мае 1930 г. в Берлине состоялся Второй панъевропейский конгресс. А 30 июля того же года посол Эстонии во Франции Карл Роберт Пуста выступил в дипломатической академии в Париже с речью, в которой отметил, что *«чаяниям европейских стран отвечает желание создать союз европейских стран. Но не в форме Соединенных Штатов Европы, а как относительно свободный союз, основанный на единстве интересов и общих представительных органах»*. В 1931 г. К.Р. Пуста и Я. Тыниссон выступили с речами в Лиге Наций, призвав предпринять немедленные шаги по объединению Европы. Они рекомендовали использовать государственные ресурсы для укрепления европейской солидарности в этой международной организации.

Отметим, что в том же году делегация Эстонии в Лиге Наций, возглавляемая Я. Тыниссоном, представила для Комиссии изучения вопроса о Европейском союзе Лиги Наций предложение о распространении литературы, кинофильмов, радиопередач для активной популяризации европейской идеи. Тогда К.Р. Пуста выступил с инициативой о разработке проекта статута Европейского союза [74, с. 23]. В целом же, деятельность комиссии, основанной в сентябре 1930 г., не принесла практических результатов, работа сошла на нет после смерти ее вдохновителя А. Бриана в 1932 году. Создание Европейского союза (или Объединенной Европы) эстонская политическая элита в целом поддерживала (во многом, конечно, лишь на словах), но были и серьезные к этому препятствия – имелись существенные разногласия, в особенности в отношении того, каким образом реализовывать этот проект.

В эстонской прессе еврооптимистические идеи бывшего министра иностранных дел Эстонии К.Р. Пуста были восприняты несколько иронически после того, как он подробно изложил свои мысли в газете «Постимеэс» («Панъевропейское движение и его ближайшие задачи» в 1929 г.). В некоторых кругах стран Западной Европы его взгляды считали даже революционными. Так, в «Женевском журнале» (*Journal de Geneve*) отмечалось: *«У проекта Европейского союза очень ревностные, и, возможно, немного нетерпеливые друзья. Один из них – господин К.Р. Пуста из Эстонии. Он сходу ответит, какую форму должен иметь Европейский союз, чтобы организация могла составить и принять свою собственную конституцию, а также получить свой собственный флаг»* [40]. После подобных упреков К.Р. Пуста был вынужден несколько пересмотреть свою категоричность по вопросу о проведении «скорейшей европейской интеграции». Горячий сторонник Пан-Европы, он ратовал также за создание Балтийского союза (с

участием Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Финляндии), а также за тесное сотрудничество прибалтийских стран с Францией и Великобританией.

По мнению К.Р. Пуста, *«существование Эстонии и других стран, образовавшихся после войны, можно представить находящимися только в Европе, организованной в условиях мира, – сильной и единой Европе. Всё, что укрепляет европейское единство, укрепляет также и нашу международную идентичность. Поддерживая Панъевропейский союз, мы работаем на благо нашей независимости, экономического благополучия и поддержания международной культуры»* [77, с. 3]. К.Р. Пуста являлся автором нескольких трудов по евроинтеграции, среди которых брошюра *«На пути к Европейскому союзу: изучение принципов французского меморандума от 1 мая 1930 г. и ответов правительств»* (1930 г.) [88]. В 1931 г. в Брюсселе была опубликована его работа *«Идея Европейского союза перед правительствами и Лигой Наций»* [86]. В октябре 1931 г. он выступил в Международной дипломатической академии (г. Париж) с лекцией, впоследствии отдельно опубликованной и посвященной функционированию и работе *Комиссии изучения вопроса о Европейском союзе в Лиге Наций* [84]. К.Р. Пуста ещё в начале 1924 г. лично познакомился с Р. Куденхове-Калерги, тогда же ему было предложено заняться учреждением эстонского комитета (секции) Панъевропейского союза [23, с. 121]. К.Р. Пуста характеризует основоположника Панъевропейского движения как настоящего космополита. К числу активных поборников этого движения в Эстонии он относит и журналиста Мярта Рауда [87, с. 116-117]. Отметим, что в выпущенной в 1932 г. брошюре об основателях и активистах Панъевропейского движения, подробно рассказывается и о К.Р. Пуста [41].

Отметим, что, хотя некоторые сторонники Панъевропейского движения считали Лигу Наций ядром будущей европейской федерации (*Меморандум Бриана*, например, подразумевал создание такой федерации именно в рамках этой международной организации), копившиеся в течение длительного времени серьезные противоречия, дилеммы и разногласия между Лигой Наций и Панъевропейским союзом стали одной из причин, по которой с угасанием Панъевропейского движения К.Р. Пуста был отозван с должности эстонского посланника в Париже.

Итак, в июле 1930 г. правительство Эстонской Республики поддержало идею Пан-Европы и объявило о готовности участвовать в его создании [69, с. 218]. Кстати, тот год ознаменовался заявлением известного политика, уже из Великобритании, в поддержку объединения Европы: член Палаты Общин Великобритании и будущий премьер-министр этой

страны Уинстон Черчилль высказался в поддержку идеи создания надгосударственного образования в Европе. Рассматривавшая этот вопрос его статья под заголовком «Соединенные Штаты Европы» была напечатана в американской газете *The Saturday Evening Post* от 15 февраля. По его тогдашнему мнению, создание Европейского союза было возможно путем объединения континентальных государств, но без британского участия. Нашла эта идея отражение и в эстонской прессе. Так, газета «Пяэвалехт» не преминула привести ключевые положения этого манифеста [56, с. 8].

Если до 1932 г. Р. Куденхове-Калерги пытался привлечь внимание к своему проекту, обращаясь к правительствам и парламентам государств Европы с открытыми письмами, меморандумами, заявлениями, то позже он принял решение об организации очередного Панъевропейского конгресса как крупного научно-общественного форума. Именно такую характеристику можно дать открывшемуся в октябре 1932 г. в Базеле Третьему панъевропейскому конгрессу, в котором впервые участвовали эксперты в сфере юриспруденции и экономики. На нем Р. Куденхове-Калерги заявил о своем «непримиримом отношении к Гитлеру, а также к И.В. Сталину». Когда на этом конгрессе было принято решение об основании *Европейской партии*, то программа международной партии была вскоре опубликована в эстонской газете «Пяэвалехт» [81, с. 72-75].

Уже в 1933 г. литература, содержащая панъевропейские идеи, была запрещена, изъята и сожжена в Германии (по мнению нацистов, объединение Европы обусловило бы «смещение рас», что, по их мнению, являлось недопустимым; также Гитлер видел в Р. Куденхове-Калерги и его панъевропейской идее опасных для себя оппонентов и противников). Панъевропейский союз перебрался в соседнюю Австрию. Целью основной деятельности этого Панъевропейского движения между 1933 и 1938 гг. было сохранение независимости Австрии в рамках проекта воссоздания Дунайской федерации (а также в рамках сближения Италии и Франции). Забегая вперед, отметим, что после абиссинского похода Муссолини и вступления Италии в испанскую гражданскую войну, Р. Куденхове-Калерги потерял веру в вероятность сближения Франции и Италии и создания оси Париж-Рим. В 1933-1934 гг. Панъевропейский союз организовал в Вене проведение трех экономических конференций, на последней из которых была предложена экономическая программа союза, выдвинувшая требования относительно повышения уровня жизни на европейском континенте, создания европейского таможенного пространства и валютного союза, а также гармонизации европейского экономического права.

К крупнейшей евроскептической силе в Эстонии к началу 1930-х гг. можно отнести т.н. *вапсов*. Представители *Лиги ветеранов Освободительной войны* (или *вапсы*; движение основано в Эстонии в 1929 г.; запрещено в 1934 г.), будучи типичным правым националистическим движением, делали упор на автаркию в социальной и экономической политике. В 1934 г. оживленная дискуссия в Эстонии по вопросу об объединении Европы, пик которой пришелся на 1929-1931 гг., значительно уменьшилась, что было вызвано переменами во внутренней политике. В результате государственного переворота 1934 г. началась т.н. «*эпоха безмолвия*» (диктатура подавившего *вапсов* Константина Пятса), характеризовавшаяся отсутствием демократических свобод и усилением эстонского национализма. В стране была введена однопартийная система, все политические партии (кроме созданной единственной правящей – «Исамаалийт») были распущены. Дискуссия в Эстонии об объединении Европы практически подошла к концу.

Литовская Республика, рассчитывавшая усилением сотрудничества прибалтийских государств упрочить свои международные позиции (в особенности в положительном для неё разрешении т.н. Виленского конфликта) проявила инициативу по созданию Балтийской Антанты (куда бы вошли Эстония, Литва и Латвия). Договор о ее создании был подписан в Женеве 12 сентября 1934 года. Кстати, еще со второй половины 1920-х гг. создание союза прибалтийских стран рассматривался многими еврооптимистами как предвестник создания Пан-Европы. В ноябре 1938 г. нейтралитет был провозглашен в Эстонии специальным законодательным актом Рийгикогу официальной внешнеполитической концепцией страны, хотя возможностей для его практической реализации не было [39, с. 2245-2248].

Интересно, что 30 июля 1940 г. Константин Пятс предложил создать *финляндско-эстонский личный союз и федерацию* (предполагалось, что это произойдет в более широком контексте послевоенного восстановления Европы; по его мнению, предлагаемый союз будет приемлемым в случае, если страны-победители будут способствовать обеспечению безопасности прибалтийских государств). Интересно, что этот пункт т.н. «*завещания Пятса*», как его метко окрестили эстонские историки, является не более чем возвращением к выработанной в марте 1918 г. (но так и не реализованной) схеме по объединению в единое государство Эстонии и Финляндии [72, с. 1123-1135].

В 1935 г. в австрийском парламенте состоялось заседание Четвертого панъевропейского конгресса, лейтмотивом которого стала борьба с национал-социализмом. Эстония на нем по существу держалась в тени: страну в качестве наблюдателя представлял местный почетный консул. В 1935 г.

был создан Панъевропейский экономический центр, целью которого было создание общеевропейского экономического пространства, устранение транспортных и торговых барьеров, расширение торговой кооперации на внутренних рынках Европы. В 1936 г. состоялось совещание этого центра. Представителем от Эстонии был назначен Йоаким Пухк. В том же году прошла *Панъевропейская Дунайская конференция* с участием Болгарии, Чехословакии, Румынии, Австрии и Венгрии. Ее делегаты направили в адрес правительства Австрии обращение с призывом о созыве представителей всех придунайских стран в целях выработки единых норм при координации в сфере транспорта, валюты и торговли. Наконец, в сентябре 1936 г. прошел Первый Панъевропейский аграрный конгресс – крупнейшее собрание европейских аграриев в межвоенный период. Эстонию на нем представлял директор коммерческого банка *Eesti Maapank* Вольдемар Йохансон. Кстати, в Таллине еще с 1894 г. жил один из сторонников Панъевропейского движения, создатель международного искусственного языка *Окциденталь*, остзейский немец Эдгар фон Валь. Выступавший с нещадной критикой в отношении фашистского правительства Германии, он в 1939 г. так и не уехал из Эстонии (в отличие от своих родственников).

В марте 1938 г., после аншлюса Австрии, нацисты подвергли разгрому Центральное Бюро Панъевропейского союза в Хофбурге, Р. Куденхове-Калерги эмигрировал в Швейцарию (воссоздав уже там Центральное Бюро), потом во Францию (Париж на короткое время превратился в политический центр движения; там Р. Куденхове-Калерги искал пути создания оси Париж-Лондон), а впоследствии – в США. В 1940 г. он перебрался в Нью-Йорк – город, ставший площадкой для проведения в марте 1943 г. Пятого конгресса. Интересно, что К.Р. Пуста, активно принимавший участие в предыдущих конгрессах, отклонил приглашение на это мероприятие [49, с. 67]. Учрежденный там еще в 1926 г. Американский комитет Пан-Европы подвергся реорганизации, превратившись в *Американский комитет за свободную и объединенную Европу*. Великая депрессия, подъем фашизма и нацизма, рост национализма, умиротворение и невмешательство в политике, стремление к автаркии в экономике, изменение геополитического баланса сил в Европе (после прихода нацистов к власти в Германии), а затем и разразившаяся Вторая мировая война помешали движениям, нацеленным на объединение Европы, получить дальнейшую поддержку.

Идея европеизма была продолжена активистами итальянского движения Соппротивления – А. Спинелли, Э. Росси, У. Хиршман и Е. Колорни, подготовившими *«Манифест за создание Соединенных Штатов Евро-*

ны» (*Манифест Вентотене*, законченный в июне 1941 г.). Документ подразумевал отказ от национальных границ, создание европейской федерации с общей армией и федеральными органами. В 1943 г. член *Комитета национального освобождения свободного французского правительства де Голля в изгнании* (в Алжире), будущий архитектор европейского единства Жан Монне выступил противником воссоздания государств Европы на основе национального суверенитета, став апологетом создания европейской федерации. Он предлагал осуществить частичную передачу суверенитета центральному органу, в компетенцию которого входило бы регулирование (снижение) таможенных барьеров, создание общего европейского рынка. Тем самым, полагал он, будет устранена одна из важнейших причин войны [12]. Он ратовал за создание общего рынка угля и стали, а также создание контролирующего органа, которое бы осуществляло надзор за этой чувствительной отраслью промышленности.

На протяжении всей истории функционирования Панъевропейского союза в межвоенный период часто возникали противоречия между Президентом союза и руководителями его региональных отделений. Взяв первоначальный курс на массовое представительство, вскоре организация вынуждена была сделать ставку на создание элитарной организации (что было обусловлено во многом отказом Р. Куденхове-Калерги от предоставления национальным комитетам Панъевропейского союза широкой автономии). Элитарность организации придавало членство в ней представителей финансовых и промышленных кругов (активно спонсировавших проект), политиков, деятелей искусства и науки. Отметим, что в действительности Р. Куденхове-Калерги обличал демократию, даже называя *ее варварской идеологией*. В то же время он прикрывался ей в качестве необходимой ширмы для продвижения своих панъевропейских идей.

Перед Второй мировой войной идеи европеизма всё же продолжали оставаться востребованными и популярными в Эстонии. Так, в 1938 г. эстонский историк, член Рийгикогу, профессор Пеэтер Тарвель писал о необходимости развития тесного сотрудничества европейских народов на интеллектуальном уровне в целях преодоления деструктивных тенденций и автаркии в Европе [99, с. 561]. В 1940 г. эстонский писатель Рудольф Аллер отмечал, что *«необходимо всего лишь еще одно человеческое поколение, чтобы французы, немцы, англичане, русские и эстонцы объединились в одну нацию – европейцев, какими тогда являлись американцы. Это создаст предпосылку образования единого Европейского государства»* [21, с. 23]. А 6 августа 1940 г. Эстония вошла в состав СССР.

Панъевропейский союз в послевоенный период

После Второй мировой войны многие сторонники европейского единства оказались у власти в своих странах и с удвоенной энергией занялись разработкой проекта общеевропейского объединения, нацеленного на противостояние экономическим и политическим кризисам. Свою роль в этом процессе (надо сказать, не последнюю) сыграл и Рихард Куденхове-Калерги. Кстати, именно он еще в 1929 г. предложил «Оду радости» Фридриха Шиллера на музыку 9-й симфонии Людвиг ван Бетховена в качестве Гимна Европы. Позже, в 1955 г. он рекомендовал принять ее в качестве Гимна Европейских сообществ [64]. В 1972 г. «Гимн Европы», основанный на «Оде...», был принят в качестве официального гимна Совета Европы, а в 1985 г. – и Европейских сообществ (Европейского союза с 1993 г.) [91]. В 1930 г. Р. Куденхове-Калерги предложил отмечать День Пан-Европы в мае [48, с. 176], а через несколько лет он предложил праздновать каждое 17 мая (по случаю очередной годовщины обнаружения *Меморандума Бриана* в 1930 г.) [26, с. 75]. С 1964 г. Совет Европы отмечает День Европы 5 мая (дата создания организации в 1949 г.); с 1985 г. Европейские общества празднуют День Европы 9 мая (в связи с обнаружением в этот день в 1950 г. Декларации Шумана).

После Второй мировой войны Рихард Куденхове-Калерги задался целью привлечь к процессу объединения Европы Уинстона Черчилля и Шарля де Голля. Выступая за выход государств Центральной и Восточной Европы из советского влияния и более тесное экономическое и политическое объединение свободных европейских государств, Р. Куденхове-Калерги в то же время нещадно критиковал узконаправленность европейской послевоенной интеграции (происходившей по большей части лишь в экономической и технократической нишах). 19 сентября 1946 г. лидер Консервативной партии Великобритании У. Черчилль выступил в Цюрихском университете перед академической молодежью с речью «Трагедия Европы», посвященной важности создания Соединенных Штатов Европы. Он призвал бывших врагов – Германию, Францию и Великобританию – к примирению [100, с. 310]. В своей речи У. Черчилль высоко оценил усилия Панъевропейского союза [47, с. 595], «*который так многим обязан графу Р. Куденхове-Калерги, который, в свою очередь, пользовался услугами известного французского патриота и государственного деятеля Аристиды Бриана*» [65, с. 427-430]. Однако, Панъевропейское движение продолжало подвергаться критике внутри самой Европы. Так, европейские социалисты усматривали в нем идеи правого консерватизма (и даже монархизма), а также возвышение

христианских ценностей. Критике подвергали они и неприятие представителями Панъевропейского движения идей социализма и коммунизма.

Рихард Куденхове-Калерги организовал *Европейский парламентский союз*, который на своем конгрессе в Гштааде в 1947 г. потребовал созыва *Европейской парламентской ассамблеи* (требование, поддержанное *Европейским движением* на Европейском конгрессе в Гааге в мае 1948 г.). В 1947 г. было основано т.н. *Европейское движение* [37, с. 25]. В работе Конгресса принял участие эстонец Арво Хорм (в 1963-1977 гг. министр экономики в располагавшемся в Осло т.н. *Правительстве Эстонии в изгнании*), который представил декларацию о Балтийской Федерации [53, с. 140]. Вскоре, эстонцам, проживавшим в эмиграции в Европе, удалось в 1949 г. основать при Европейском движении *Эстонский Национальный Комитет*. Так называемое *правительство Эстонии в изгнании* (официально поддерживаемое современными властями ставшей в 1991 г. независимой Эстонии, которые основываются на принципе континуитета как основе эстонской государственности) и организованный в Швеции т.н. *Эстонский Национальный Совет* предпринимали в послевоенный период активные попытки участия в движениях и процессах по евроинтеграции, происходивших в Западной Европе [71, с. 394].

После войны бывший эстонский министр иностранных дел, дипломат, признанный в Эстонии юрист-международник, один из основателей Международной дипломатической академии (г.Париж) и пожизненный член Гаагской академии международного права Карл Роберт Пуста, эмигрировавший в Западную Европу и США, стал поборником борьбы с коммунизмом, а также сторонником «*вхождения Эстонии в семью европейских народов*». Его авторству принадлежат несколько работ, посвященных этой теме, среди которых «*Балтийская свобода – принцип Европейской конституции*» (1953 г.) [85, с. 165-171], «*О статусе государств Балтии: свобода и мир в Европе неделимы*» (1960 г.) [82, с. 93-99]. К.Р. Пуста был верен панъевропейским идеям и принял участие во многих мероприятиях и конференциях по евроинтеграции до самой своей смерти в 1964 году. Вообще, эстонские эмигранты приняли активное участие в как в послевоенном Панъевропейском движении, так и в других евроинтеграционных проектах, всячески обращая внимание на себя со стороны представителей данных объединений.

С конца 1940-х гг. как панъевропеизм, так и европейская интеграция в целом – движения, испытывавшие довольно мощное влияние и давление со стороны США – зиждились не только лишь на своей собственной основе,

но также и на основе взаимной «солидарности» (в экономической и военно-политической сферах) с США, которые широко апеллировали к «угрозе со стороны СССР» для необходимого поддержания евро-американского «единства» [11, с. 12-13]. Таким образом, евроинтеграция развивалась с учетом наличия на европейском континенте двух противостоящих блоков.

Итак, детище Жана Монне – созданное в 1952 г. Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) – стало первым институтом интеграции в послевоенной Европе. Тем временем, в первой половине 1950-х гг. Р. Куденхове-Калерги занялся возрождением Панъевропейского союза как «*авангарда европейских патриотов*». После первой попытки в Лозанне в 1952 г. восстановление союза было завершено на шестом Панъевропейском конгрессе в Баден-Бадене в 1954 году. Союз объединил тех европейцев, которые одобряли развитие европейской интеграции, но отвергали односторонность чисто экономического объединения и идеологию технократического функционализма. В 1965 г. Р. Куденхове-Калерги сложил с себя полномочия почетного президента, занявшись совместно с новым международным генеральным секретарем организации Витторио Понса реорганизацией Панъевропейского союза. Шествуя в христианско-консервативном фарватере, Панъевропейский союз взял в то время курс на проведение в жизнь лозунга «*Пан-Европа – это вся Европа!*», ставшим декларируемой целью движения. В 1972 г. главный идеолог союза Р. Куденхове-Калерги ушел из жизни, и уже в следующем году по инициативе французского президента Жоржа Помпиду президентом Международного Панъевропейского союза был избран глава дома Габсбург-Лотарингского и старший сын последнего австрийского императора Карла I – Отто фон Габсбург, который ранее, в 1957-1973 гг. был вице-президентом этой организации. В 1979 г. он принял участие в первых прямых выборах в Европейский парламент, став его членом (до 1999 г.) от *Христианско-социального союза в Баварии*.

В 1985 г. Отто фон Габсбургом была создана *Панъевропейская рабочая группа* в Европейском парламенте. Её целью было провозглашено объединение воедино членов Европейского парламента, которые следуют видению и принципам панъевропейской программы, заложенной еще Рихардом фон Куденхове-Калерги. На протяжении всего периода холодной войны Панъевропейский союз выступал в поддержку оппозиционных движений в государствах ЦВЕ, способствуя распаду социалистического блока. Недаром в одном из своих последних выступлений в качестве лидера ГДР Эрих Хонеккер поставил в вину Отто фон Габсбургу и его Панъевропейскому движению то, что они несут ответственность за крах социализма.

Заключение

Итак, панъевропейский проект Рихарда Куденхове-Калерги, хорошо обоснованный с политической, экономической и культурно-исторической стороны, инициировал проведение широкой дискуссии о будущем Европы на разных уровнях эстонского общества. Выдвинутая главным идеологом Панъевропейского движения критика нового мирового порядка, возникшего после окончания Первой мировой войны, обусловила появление в эстонском политикуме (уже во времена Первой Эстонской Республики) лагеря как европтимистов, так и евроскептиков. Последние полагали, что панъевропейский проект обречен на неудачу в связи с тем, что Европа представляла собой в политическом плане один из самых расколотых и разобщенных континентов в мире. Автаркия и эгоизм правительств европейских государств обострились прежде всего во время экономического кризиса. Поэтому тогда, в межвоенный период, не представлялось возможным договориться по многим самым незначительным вопросам, не говоря уже о всеобъемлющем и глубоком сотрудничестве.

Необходимо отметить, что в межвоенный период влияние Панъевропейского союза на реальную политику Эстонии не было определяющим. Несмотря на поддержку проекта со стороны многих представителей политической элиты, руководство довоенной Первой Эстонской Республики не поддержало панъевропейский проект на официальном (государственном) уровне, что обусловило невыполнение с ее стороны глобальных планов Р. Куденхове-Калерги. Влияние панъевропейского проекта на тогдашнюю реальную политику Эстонии выражалось по существу лишь в обсуждении проблем европейского континента на различных экономических и политических форумах. Проект также не стал подлинно народным, так как не смог охватить значительное число простых жителей Эстонии. Важно подчеркнуть, что возникшая в межвоенный период идея федерального союза европейского континента – опередившая свое время утопия – в действительности являлась плодом деятельности огромного числа европейцев, причем не только их философских изысканий, но и реальной, практической деятельности. В достаточной мере теоретизированная панъевропейская концепция получила свою дальнейшую успешную реализацию в послевоенной Европе – уже при создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а позже – Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и других интеграционных общеевропейских структур.

Список литературы / Bibliography

1. Артемов В.А. Граф Рихард Куденхове-Калерги. Из предыстории европейской интеграции // Германия и немцы. История в человеческом измерении: Сб. статей. Липецк: ЛГПУ, 2003. С. 40-50.
2. Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003. 464 с.
3. Браницкий А.Г. Erit una Europa? (Будет ли единой Европа?) История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы: Монография. Н.Новгород: ННГУ, 2006. 322 с.
4. Виллар К. Попытки «объединения» Европы между двумя мировыми войнами // Европа (от Наполеона до наших дней). Мифы и действительность. М.: Изд-во иностран. лит-ры, 1955.
5. Громова А.В. Рихард Куденхов-Калерги и пан-европейское движение в 30-е годы XX века: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / [Место защиты: Ин-т всеобщ. истории РАН]. Москва, 2008. 20 с.
6. Кораблева А.Е. Панъевропейский проект Р. Куденхове-Калерги и международные отношения в Европе в 20-30-е гг. XX века: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского]. Нижний Новгород, 2009. 23 с.
7. Куденхове-Калерги Р. Пан-Европа = Pan-Europa: [манифест объединения Европы, 1923] / [пер. с нем. Б. Швевловой и И. Абдуллиной]. Москва: Вита Планетаре, 2006. 119 с.
8. Кузнецов В.Е. История европейской идеи и европейской интеграции: учебно-методическое пособие / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург: Акад. Исслед. Культуры, 2008. 115 с.
9. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1961. Т. 26.
10. Ляс М.А. Пан-Европа. М.: Красная газета, 1931. 153 с.
11. Марченко М.Н. Идеи панъевропеизма в первой половине XX в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. № 4. 2008. С. 12-13.
12. Монне Ж. Реальность и политика. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 664 с.
13. Панарина Е.А. Развитие идеи европейской интеграции в первой половине XX века: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03. Ставрополь, 2006. 279 с.
14. Пийп А. Пан-Европа // Политика. № 9. Таллин, 1990. С. 67-75.
15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 554-к. Оп. 4. Д. 310. 8 с.
16. Тепляков В.В. Страны Балтии: от «Балтийско-Скандинавской федерации» к Балтийскому варианту «нового регионализма» // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. 2021. № 21(2). С. 71.
17. Троцкий Л.Д. О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы» // Правда. 30.06.1923.
18. Устрялов Н.В. Проблема Пан-Европы. Харбин: Типография КВЖД, 1929. 17 с.
19. Хорватский В. Пан-Европа и Дунайская Федерация. Москва: Международный аграрный институт, 1933. 226 с.
20. Чубарьян А.О. «Бриановская Европа» // Метаморфозы Европы. М.: Наука, 1993. 255 с.
21. Aller R. Mõtteid tänapäevast ja tulevikust // Akadeemia. 1940. № 1. Lk. 23.
22. Anvelt J. Eesti Tõrähva kommuuni Nõukogu raadiöüleskute kõigi maade tööliliste nõukogude võimu toetamiseks Eestis (29. novembril 1918 a.) // Anvelt J. Valitud teosed. T. 2, 1917-1921. Tallinn: Eesti Raamat, 1983. Lk. 239.
23. Arumäe H. Karl Robert Pusta välisministrina 1924-25 // Acta Historica Tallinnensia. № 1. 1997. Lk. 121.
24. Brian A. Memorandum // Esprit international. June 1930. P. 457-468.
25. Briand Euroopat ümber korraldamas. Pan-Euroopa kongress Berliinis // Kaja. 1930. № 119. 23.05.1930. Lk. 2.
26. Coudenhove-Kalergi R. Europe Must Unite. Glarus: Paneuroopa Editions Ltd, 1939. P. 75.
27. Coudenhove-Kalergi R. "Pan-Euroopa Locarno eest!" // Päewaleht. 1927. № 240. 04.09.1927. Lk. 2.
28. Coudenhove-Kalergi R. Paneuroopa // Päewaleht. 1924. № 171. 07.10.1924. Lk. 2.
29. Coudenhove-Kalergi R. Paneuroopa ABC. Tallinn: Paneuroopa Eesti Ühingu, 1931. 25 lk.
30. Coudenhove-Kalergi R. Paneuroopa Liit. [Eessõna: K.R. Pusta]. Tallinn: Paneuroopa, 1929. 12 lk.
31. Coudenhove-Kalergi R.N. Totaalne riik, totaalne inimene. Saksa keelest tõlkinud Heino Anto, eessõna: Joakim Puhk. Tallinn: Tallinna Eesti Kirjastus-Ühisus, 1938. 158 lk.
32. Coudenhove-Kalergi R.N. Totaalne riik, totaalne inimene. Tallinn: Tallinna Eesti Kirjastus-Ühisus, 1940. 159 lk.
33. Coudenhove-Kalergi R.N. Totaalne riik, totaalne inimene. Tallinn: Perioodika, 1988 [järelsõna: Ülo Kaevats]. 87 lk.
34. Coudenhove-Kalergi R.N. Totaalne riik, totaalne inimene. Tartu: Ilmamaa, 2016 (koostanud K.Kalkemets ja K.Kukk; tõlkinud Kalev Kukk; toimetanud P.-E. Rummo; eessõna: Siim Kallas). 256 lk.
35. Deutsch O. Pan-Euroopa tähtis küsimus Balti riikidele // Päewaleht. 1929. № 151. 08.06.1929. Lk. 4.
36. Eesti ja rahvusvahelised suhted 1920.-1930. aastatel // ESTONICA. Entsüklopeedia Eestist. http://www.estonica.org/et/Eesti_ja_rahvusvahelised_suhted_1920-1930_aastatel (дата обращения: 11.05.2022).
37. Eesti Nõukogude Entsüklopeedia. 6. köide. Tallinn: Valgus, 1974. Lk. 25.
38. Eestis Pan-Euroopa komitee asutatud // Päewaleht. 1929. № 152. 09.06.1929. Lk. 4.
39. Erapooletluse korraldamise seadus // Riigi Teataja. 1938. № 99. 06.12.1938. Lk. 2245-2248.
40. Eraliid T. Kuidas eestlane tahtis luua Euroopa Liitu // Öhtuleht. URL: <https://naine.oh tuleht.ee/589426/kuidas-estlane-tahtis-luua-euroopa-liitu> (дата обращения: 02.05.2022).
41. Estonian National Archives. ERA.1622.1.266. Pan-Euroopa liikumise asutajaid ja juhtivaid tegelasi (ka K.R. Pustat) tutvustav brošüür.
42. Estonian National Archives. ERA.4969.1.87. Pan-Euroopa Uniooni Eesti Ühingu põhikirja projekt.
43. Euroopa rahvad ühinemisteel // Päewaleht. 1929. № 289. 25.10.1929. Lk. 5.
44. Euroopa tulevik on waimline probleem // Päewaleht. 1927. № 108. 22.04.1927. Lk. 5.
45. Eurooplase Briandi algatus // Postimees. 1930. № 136. 21.05.1930. Lk. 4.
46. Eurooplaste ühised mured // Postimees. 1931. № 15. 16.01.1931. Lk. 3.
47. Gehler M., Kaiser W., Wohnout H. Christdemokratie in Europa im 20. Jahrhundert: Christian democracy in 20th century Europe. Wien: Böhlau Verlag Wien, 2001. S. 595.
48. Gieul J.-M., Le Dréau C. Le "Congrès de l'Europe" à La Haye (1948-2008). Euroclio series. Vol. 49. Peter Lang, 2009. P. 176.

49. Heikkilä P. Baltic proposals for European unification During World War II // Journal of the Institute of Latvian History (Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls). 2014, Issue 91. P. 67.
50. Heikkilä P. Estonians for Europe. National Activism for European Integration, 1922 – 1991. Brussels: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2014. 216 P.
51. Heikkilä P. Imagining Europe, Imagining the Nation. Estonian Discussion on European Unification, 1923-1957. Doctoral thesis. Supervised by Timo Soikkanen. Turku: University of Turku, 2011. Lk. 35.
52. Heikkilä P. Paneuropan and Baltic Estonian Diplomat // Baltic Rim Economies, 2012. P. 65.
53. Heikkilä P. The Estonian National Committee of the European Movement // NORDEUROPA Forum. № 1-2. 2010. P. 140.
54. Heikkilä P. The pros and cons of Paneurope: Estonian discussion on European unification in the interwar period // Acta Historica Tallinnensia. № 13. 2008. P. 73.
55. Heikkilä P. Unifying the Divided Continent. Estonian National Committee of the European Movement // Nordeuropaforum, 2010. P. 135-161.
56. Inglaed J. Pan-Euroopa // Päevaleht. 1930. № 81. 23.03.1930. Lk. 8.
57. Jouvenel B. Un Voyageur dans le Siècle. Paris, 1980. P. 79.
58. Kant E. Linnad ja maastikud. Koost. O. Kurs. Tallinn: Ilmamaa, 1999. Lk. 338-341.
59. Kant E. Maailmamaad ja rahvad. I. Tartu: Loodus, 1930. Lk. 7-13.
60. Krull H. Luxembourg aias. Gustav Suits ja Euroopa Liit // Looming: Eesti Kirjanike Liidu ajakiri. № 12. Detsember 2019. Lk. 1773.
61. Kruus H. Rahvusautonoomia. Tartu: Eesti Üliõpilaste poliitilist kihutustööd korraldav toimekond, 1917. 42 lk.
62. Kõik-Euroopa pähed // Postimees. 1927. № 31. 01.02.1927. Lk. 1.
63. Le Bon G. Hulkade psühholoogia (prantsuse keelest K. Martinson). Tartu: Noor-Eesti, 1936. 185 lk.
64. Letter from Richard Coudenhove-Kalergi to Paul Levy proposing the Ode to Joy from Beethoven's 9th Symphony as the European Anthem. 03.08.1955 // Documents, Records and Archives. Council of Europe Portal. URL: <https://www.coe.int/en/web/documents-records-archives-information/timeline-1955> (01.05.2022).
65. Lippens W., Loth W. Documents on the History of European Integration. Vol. 3: The Struggle for European Union by Political Parties and Pressure Groups in Western European Countries 1945-1950. Berlin: Walter de Gruyter, 1988. P. 427-430.
66. Loorits O. Oma rada. Programm-artikleid uue Eesti loomisel 1934-1938. Tallinn: Kuldkiri, 1939. Lk. 73.
67. Luts K. Autonomia ja föderatsioon. Peterburi: Eesti osatõhususe kirjastus, 1917. Lk. 5, 10.
68. Luts K. Rahvusline ehk eksterritorialne autonoomia ja meie asundused. Peterburi: Eesti osatõhususe kirjastus, 1917. 17 lk.
69. Made V. Eesti ja Rahvastihut. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Lk. 218.
70. Martna M. Eestimaa autonoomia ja Sotsialdemokraatia. Tartu: "Töö" kirjastus, 1917. 41 lk.
71. Medijainen E. Arvustus (Pauli Heikkilä. Estonian for Europe: national activism for European integration, 1922-1991, Peter Lang, 2014, 216 lk.) // Ajalooline ajakiri. № 4 (150). 2014. Lk. 394.
72. Medijainen E. Konstantin Pätsi testamendist // Akadeemia, № 7 (6). 1995. Lk. 1123-1135.
73. Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses. New York: W. W. Norton & Company, 1994. 192 p.
74. Palk P. Euroopa ühendamise lugu. Tallinn: Tuum, 1999. Lk. 23.
75. Pan-Euroopa keskkomitee koos // Postimees. 1928. № 16. 17.01.1928. Lk. 1.
76. Pan-Euroopa päev // Vaba Maa. 1931. № 114. 16.05.1931. Lk. 2.
77. Paneuroopa nurgakiwi Eestis // Postimees. 1929. № 220. 16.08.1929. Lk. 3.
78. Paneuroopa poolt ja vastu // Waba Maa. 1929. № 248. 25.10.1929. Lk. 10.
79. Paneuroopa päewa aktus // Kaja. 1931. № 114. 17.05.1931. Lk. 8.
80. Papadakis N. Eleftherios K. Venizelos – A Biography. Chania: National Research Foundation “Eleftherios K. Venizelos”, 2006. P. 48-50.
81. Piip A. Nüüdne maailmapoliitika ja Eesti: sissejuhatus politikasse. II // Elav teadus. № 11. 1932. Lk. 72-75.
82. Pusta K.R. Du statut des Etats Baltes: la liberté et la paix sont indivisibles en Europe. Hamburg: Girardet, 1960. P. 93-99.
83. Pusta K.R. Esimene Paneuroopa (Kõikeeuroopa) kongress // Postimees. 1926. № 257. 21.09.1926. Lk. 2.
84. Pusta K.R. Fonctionnement et travaux de la Commission d'Etudes pour l'Union Européenne: communication faite en Oct. 1931 à l'Académie Diplomatique Internationale. Paris: Les Editions Intern., 1931. 18 p.
85. Pusta K.R. La liberté de la Baltique est un principe de la Constitution européenne. Hamburg: Girardet, 1953. P. 165-171.
86. Pusta K.R. L'idée de l'Union européenne devant les gouvernements et la Société de Nations / C. R. Pusta Ministre d'Estonie en France et en Belgique. Ancien Ministre des Affaires étrangères. Bruxelles: Bureau de la Revue, 1931. 15 p.
87. Pusta K.R. Saadiku päevik. Tallinn: Olion, 1992. Lk. 116-140.
88. Pusta K.R. Vers l'Union européenne: étude des Principes du Memorandum français du 1er Mai 1930 et des Réponses des Gouvernements. Paris: Éditions Internationales, 1930 (Imprimerie Rapide du Centre). 30 p.
89. Raig I. Eesti tee Euroopa Liitu. Unistus paremast Euroopast. Tallinn: Rahvusvaheline Ülikool Audentes, 2008. Lk. 57.
90. Rebane H. Briandi ühendriigid // Päevaleht. 1930. № 190. 16.07.1930. Lk. 2.
91. Richard N. de Coudenhove-Kalergi // Suisse magazine. URL: <http://www.suissemagazine.com/sites/paneuropa/paneuropa2009/rck.html> (03.05.2022).
92. Saarme V. Coudenhove-Kalergi: mees, mõte ja meie // Eesti Päevaleht. 1996. № 209. 10.09.1996. Lk. 6.
93. Sajandi suurim projekt // Päevaleht. 1931. № 182. 08.07.1931. Lk. 4.
94. Salter A. The United States of Europe: And Other Papers. London: G. Allen & Unwin, 1933. 303 p.
95. Suits G. Noorte püüded // Noor Eesti. I. 1905. Tartu, 1905. Lk. 17-19.
96. Tammekepp A., Kant E. Maailmamaad ja rahvad. № 13. Tartu: Loodus, 1932. Lk. 1676.
97. Tammer H. Pan-Euroopa muutub sõjakaks? // Päevaleht. 1932. № 273. 06.10.1932. Lk. 2.
98. Tammsaare A.H. Publistsistika, III (1926-1940). Kogutud teosed, 17. Tallinn: Eesti Raamat, 1990. Lk. 125, 257.
99. Tarwel P. Waimse koostöö ülesandeid nüüdisajal // Looming. 1938. № 5. Lk. 561.
100. The Speeches of Winston Churchill / Ed. by D. Cannadine. London: Penguin Books, 1990. P. 310.
101. Tõnison J. Euroopa föderatsiooni idee // in: T. Karjahärm. Unistus Euroopast. Tallinn: Argo TTP, 2003. 251 lk.
102. Weigall D., Stirk P. The Origins and Development of the European Community. Leicester: Leicester University Press, 1992. 211 p.

Гао Чуньюй

Профессор института иностранных языков,
Цицикарский университет (Китай), аспирант,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Гао Янь

Магистр института иностранных языков,
Цицикарский университет (Китай).

Цяо Юй

Магистр института иностранных языков,
Цицикарский университет (Китай).

Грусть - фоновый цвет русских эмигрантов
Рецензия на роман “Моя пустынная любовная песня”

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке Научного фонда отдела образования провинции Хэйлуницзян, проект №:145109150; при финансовой поддержке важного фонда экономического и общественного развития провинции Хэйлуницзян, проект №:WY2021060-C; при финансовой поддержке отделения магистров Цицикарского университета, проект №: YJSCX2022041; при финансовой поддержке Комитета Фонда обучения за границей Китайской Народной Республики.

В Китае в городе Харбине была многомерная культура. Харбин, сопутствуя строительству КВЖД в 1898 году и октябрьской революции в 1917 году, постепенно стал портом вынужденного захода русских беженцев, стал самым большим притулом русских эмигрантов в дальнем Востоке. История об этом так и врезалась в городскую память Харбина.

До 1898 г. Харбин, расположившийся на севере Китая, был бедным поселком. Но благодаря строительству Китайско-Восточной железной дороги в 1898 г. он стал центром строительства железнодорожного сообщения. По мере строительства железной дороги, расстраивался и город. Поэтому, в отличие от других китайских городов, Харбин оказался под непосредственным влиянием России [1, с. 53]. В городе Харбине существовала многомерная культура. Лет сто тому назад в этом городе жили эмигранты из разных стран, в том числе русские эмигранты. Русские эмигранты, которые приехали по причине строительства железной дороги,

бедствия и изыскания средства к существованию, численностью более 200 тысяч на вершине, вскрыли современную промышленность Харбина, диссеминировали передовую современную цивилизацию, и всё время держали дружное отношение с коренными китайскими жителями, которые оказывали доброту, благодушие и уважение к русским эмигрантам.

Интерес к исследованию русского «восточного» зарубежья был характерен для литературоведения двух последних десятилетий. В целом ряде фундаментальных монографий была дана общая характеристика литературы русской эмиграции в Китае [2, с. 7]. Обращали внимание на литературу русской эмиграции в Китае не только русские учёные, но и китайские писатели.

Город Харбин никогда не забывает о вкладе, который внесли русские эмигранты в развитие города. Харбинцы всё время ценят русскую культуру, которая проявляется в разных сторонах города. Правительство города всегда дорожат сбережением и оставлением русской эмиграционной культурой. Отдел агитпропа горкома Харбина и федерация литературных и художественных кругов Харбина наметили и организовали творить «Серия книг харбинской русской эмиграционной литературы». «Серия книг харбинской русской эмиграционной литературы» является первой серией книг, которая специально описывает жизнь эмигрантов в Китае. Эта серия книг показала жизнь, работу, борьбу и любовь русских эмигрантов в Харбине с разными углами зрения, своими героями и историями. Эта серия книг унаследовала дружбу Китая и России. Шан Чжифа написал одну из серии - роман «Моя пустынная любовная песня» (我的苍凉情歌).

Шан Чжифа (尚志发) родился в 1949-ом году, писатель, сценарист, ученый-историк, родом из Хайчэн, Ляодун. Он является автором романов: «Город волков», «Дело Ян Цуй Си», «История Милана», «Колокола века», «Дело Ян Цуй Си», «Изменение закона Ван Аньши», «Великий чайный мудрец Тан», «Основание Сун Тайцзу» и «Цинь Шихуан». Происхождение раннего государства в «Небесных вопросах» и др.

I. Роман «Моя пустынная любовная песня»

Глинда жила в деревне на озере Байкал, из-за войны она с отцом приехали в Харбин. В то время в Харбин приехали ещё два молодых человека: Брэй и Максим. Временная передышка не успокоила двух молодых парней, разногласие в политической концепции вынудило их пойти разными путями. После октябрьской революции Брэй поступил в «белую»

армию, а Максим в “красную”. Оба они вернулись в Россию на фронт. Выбытие двух друзей втянуло Глинду в смуту и горе, она привязалась к беззаботной и тёплой жизни в Харбине, не хотела терять двух близких друзей, не хотела, что оба они вернулись в Россию на фронт воевать. Тогда в плохом состоянии железного транспорта, с риском для жизни Глинда сама вернулась в Россию, на озеро Байкал для изыскания Брэя и Максима, она решила приводить обеих их в Харбин. Может быть, чистосердечная искренность и камень расколет, Глинда чудом встретилась с Брэем и Максимом на фронте. В счастливый момент встречи, в метели для сбережения Глинды они накрывали Глинду своими пледом, они спасли Глинде жизнь. Оба молодых человек, которые воевали ради России, счастливо избежали смерти на фронте, но замёрзли на морозном озере Байкале. На душе Глинды наполнились стыд и отчаяние, жестокая реальность лишила её смелость дальше жить. Вернув в Харбин, Глинда намеревалась встретиться с отцом и двух друзей в рае после того, как свершилась крещенья.

Этот роман исследует, как человек освободился от дилемм истории, преодолел испытания и невзгоды жизни и нашел исторический источник несломленного, героического, мужественного и решительного духовного характера.

II. Русская история в романе

В своём романе автор так показал густую религиозную атмосферу текущего года в Харбине, как будто самому побывало в тех местах:

木制的圣索菲亚教堂虽然比不得圣尼古拉和圣母报喜教堂那样有气魄，它低矮破旧，塔楼上的洋葱头已经很久没有漆油漆了，木板墙也好像很久没有刷过了。正门，也就是西门的帐篷顶上已经长出了小榆树。只有白色的木栅栏围墙没有褪色。那天是圣索菲亚开坛第一天，俄罗斯国内来了几位大主教参加仪式。听说有喀山大主教和伊尔库茨克大主教。那一夜，哈尔滨所有教堂唱诗班的人都来参加彻夜祷告 [3, с. 28].

Размах у Софийской церкви из дерева меньше размаха у Св. Николаевского собора и Благовещенской церкви, Софийская церковь, низкая и ветхая, луковица на башне уже долго не покрываема краской и на деревянный забор тоже давно не навели лак. Вязок рос на вершине палатки портала, то есть западной двери. Только белый деревянный забор не терял цвет. В тот день, первый день, когда вели проповедь в Софийской церкви, приехали несколько архиепископов из России и участвовали в церемонии. Говорят, что в том числе архиепископ из Казани и из Иркут-

ска. Ночью того дня все члены клиров всех соборов в Харбине молились от зари до зари.

这时，外面传来了钟声。哈尔滨的早晨，教堂的钟声总是此起彼落交错鸣响着。这会儿早祷的时间已经过了。再有钟声响起，那一定是有人死了，或有重大事情要通告大家。我听得出来，这是圣索菲亚教堂的钟声，它比圣伊维尔教堂的钟声低沉，比圣母报喜教堂的缓慢，却没有它那样轰响。最不好分辨的是它与秦家岗上的圣尼古拉大教堂的钟声。也许是离秦家岗太远的原因，那钟声像是飘来的，在飘来的路上消失了沉闷，留下了清亮。圣索菲亚教堂的钟声是清亮的，简单的，而且总是要响过十声才停，从来不多不少，前三声之间的间隔是一分钟，而后七声则间隔半分钟 [3, с. 313].

В это время колокольные звоны раздаются на дворе. Утром в Харбине колокольные звоны соборов всегда звонят так: этот встаёт, тот падает. Утром в Харбине церковные колокола всегда звонят один за другим. Время утренних молитв было уже кончилось. Если колокола снова звонили, значит, кто-то умер или есть что-то важное, о чем нужно сообщить. Я услышал, что это колокола Софийской церкви, которые были ниже, чем колокола Свято-Иверского храма, медленнее, чем колокола Благовещенской церкви, но не такие громкие. Труднее всего отличить его от колоколов собора Святого Николая на Циньцзягане. Может быть, Циньцзяган находится далеко, колокола словно впадают оттуда, теряя свою тусклость по пути сюда и оставляя его чистым и ярким. Колокола Святой Софии ясны и просты и всегда останавливаются только после десяти ударов, никогда не больше и никогда не меньше, промежуток между первыми тремя ударами - одна минута и между последними семью ударами - полминуты.

去江上参加主领洗节的人满街都是，大家都朝着江边走去，马车也一辆接着一辆在我身边经过。江上已经有几百人了，非常热闹。白色的江面上黑压压的一片一片的人群。从江边不远处，一直到江心，开凿出供洗礼用的冰池有十几个，而且有人还在凿着。每个冰池前都立着一个十字架。听身边的人说，他们是天还没亮就来凿冰池了。这些冰池大小不等散落在几公里的范围内。今年来江上过主领洗节的人比往年多了几倍。许多人都是第一次在哈尔滨过主领洗节。他们很兴奋，不少人是带着一家老幼来的。到处都有嬉戏打闹的孩子和年轻人。有人把一束束鲜花放在洗礼池旁，虽然立刻就成了“玻璃花”，一碰就会折，就会碎，可是漂亮极了 [3, с. 334].

Улицы были полны народом, идущим к реке на праздник крещение, все шли к реке, а мимо меня одна за другой проезжали кареты. На реке

уже были сотни людей и было очень оживлённо. На белой реке была черная густая толпа людей. Недалеко от берега и до середины реки уже было вырублено ледяных прудов десять для крещения, и еще вырубались. Перед каждым из ледяных прудов стоял крест. Люди вокруг меня говорили, что они пришли продолбить ледяной пруд перед рассветом. Ледяные пруды разных размеров разбросаны на несколько километров. В этом году на праздники богоявление пришло в несколько раз больше людей, чем в предыдущие годы. Многие из них впервые праздновали праздник богоявление в Харбине. Они были очень взволнованы, и многие пришли со всей семьёй от мала до велика. Повсюду были дети и молодые люди, которые играли и резвились. Букеты цветов были поставлены рядом с прудами, и хотя они сразу же превратились в «стеклянные цветы», разбиваясь и рассыпаясь при малейшем прикосновении, они были прекрасны.

О поражении в войне Русско-Японской войне автор тоже изложил свою яркую точку зрения:

当时，沙皇决定与日本开战，战场在日本海。中国东北的旅顺口成了俄国的前线大本营，而哈尔滨则是负责整个俄军的后勤供给基地 [3, с. 37].

В то время царь решил начать войну с Японией, и фронт войны находился в Японском море. Люйшунь на северо-востоке Китая стал российским базовым лагерем на передовой позиции, а Харбин стал базой материально-технического обеспечения всей российской армии.

许多年后在哈尔滨，不断地听人们议论起这位库罗帕特金。有人说是他葬送了沙皇，葬送了俄罗斯！有人说是他和财政大臣谢尔盖·维特一心主张东扩，又是他与别佐勃拉佐夫合伙击败了维特，仓促与日本人开战。如果不是他优柔寡断的指挥，日俄战争俄国不会失败。没有日俄战争的失败，就不会有后来与德国的失败，更不会发生苏维埃革命这样的事！ [3, с. 52].

Много лет спустя постоянно слышали разговоры людей об этом Куропаткине в Харбине. Некоторые говорили, что именно он похоронил царя и Россию! Некоторые говорили, что именно он и министр финансов Сергей Витт стремились к экспансии на восток, и что именно он, в компании с Безобразовым, победил Витте и поспешно давать в бой с японцами. Если не было бы его нерешительного командования, Россия не проиграла бы Русско-японскую войну. Без поражения в русско-японской войне не было бы и последующего поражения в войне с Германией, не говоря уже о чем-то вроде советской революции!

到了那年的10月份，前线传来的所有消息都是俄军溃败，说在海上，俄军强大的海军主力舰队被日本人歼灭了，这是沙皇和他的大臣们做梦

都没有想到的。他们从没想过这场战争会失败。战争还没有开始，沙皇和大臣们一直讨论的问题是打败了日本，俄国如何统治满洲，特别是如何规划旅顺和哈尔滨的市区和街道。 [3, с. 77].

К октябрю того года все новости с фронта сводились к тому, что русская армия разгромлена, что на море могучий главный российский военный флот уничтожен японцами, что царю и его министрам и не снилось. Они и никогда не думали, что война будет проиграна. Война еще не началась, и царь и его министры обсуждали вопрос о том, как Россия будет управлять Маньчжурией после поражения Японии, и в частности, как планировать городские районы и улицы Лушуня и Харбина.

“局长阁下，对于俄国军队在满洲的失败，我不能推卸我的责任，但我必须说，这场战争俄国并没做好准备就过早地开始了，而它的结束又是过早地令人不可思议！局长阁下，是贝加尔湖葬送了这场战争，因为它阻断了西伯利亚大铁路，我们没能把军队在最需要的时候运到前线。而当我们庞大的援军已经越过了贝加尔湖，集结到了哈尔滨，准备反攻时，外交家们在谈判桌上结束了战争，我们认输了，投降了！把中东铁路最有战略价值的南满铁路白白给了日本” 库罗帕特金说这些话的时候都没有显得过分激动，他简直像在对霍尔瓦特讲述自己家乡的风土人情一样的轻松。 [3, с. 81].

«Ваше превосходительство директор, я не могу уклониться от ответственности за поражение русской армии в Маньчжурии, но я должен сказать, что эта война началась преждевременно, когда Россия не была к ней готова, и закончилась невероятно преждевременно! Именно озеро Байкал погубило войну, Ваше превосходительство директор, потому что оно заблокировало Транссибирскую магистраль, и мы не смогли доставить наши войска на фронт, когда они были наиболее необходимы. И когда наши огромные подкрепления пересекли Байкал и сосредоточились в Харбине, приготовили ко контратаке, дипломаты закончили войну за столом переговоров, и мы признали поражение и капитулировали! Отдали Южно-Маньчжурскую железную дорогу, самую стратегическую ценную часть КВЖД, Японии напрасно» Куропаткин даже не выглядел слишком взволнованным, когда говорил это, он был так же расслаблен, как рассказывал Хорвату об обычаях своей родины.

В своём романе автор стремился правдиво отразить разные позиции и соображения о революции в 1905 году:

他在讲圣彼得堡“流血星期天”的经过：“同学们，士兵朋友们，工人朋友们，同胞们！ 1905年1月9日，那年圣彼得堡的冬天比哈尔滨的冬天还要冷，即使如此，仍然有十四万人挤满了这座古老的城市街道，

他们中有男人、妇女和儿童，人们举着圣父圣母的画像，唱着赞美诗，准备向沙皇递交请愿书，希望沙皇能听到他们的呼声，他们的请求。那场请愿的工会领袖是位年轻的牧师尤里·加彭，那封请愿书十分的客气谦恭。”列宾从口袋里掏出了那封致沙皇的“请愿书” 大声念起来，请愿书听得不少人流下泪来。 [3, с. 115].

Он говорил о «Кровавом воскресеньи» в Санкт-Петербурге: «Студенты, солдаты, рабочие, соотечественники! 9 января 1905 года, хотя зима в Санкт-Петербурге холоднее, чем в Харбине, но 140 000 человек заполнили улицы старого города, среди них мужчины, женщины и дети, поднимали иконы, пели гимны и готовили подать петицию к царю, надеясь, что он услышит их крики, их мольбы. Профсоюзным лидером подания петиции был молодой священник Юрий Гапон, и та петиция была очень вежливой и скромной.» Репин достал из кармана «петиция» к царю и прочитал её вслух, вызывая слезы на глазах многих.

此时的马克西姆用他自己的话说，他已经是“职业革命者”了。他希望我和布雷也和他一道革命，我问他什么是革命？他说革命就是推翻旧的世界，就是推翻沙皇！让工人无产阶级掌握政权。杀死资本家和富农，把工厂给工人，也就是无产阶级，把土地分给农民 [3, с. 171].

К этому времени Максим был, по его собственным словам, «профессиональным революционером». Он хотел, чтобы Брэй и я присоединились к нему в революции, и я спросила его, что такое революция. Он сказал, что революция - это свержение старого мира, свержение царя! Пребывание у власти рабочий пролетариат. Ликвидация капиталистов и кулачества как класса, поставка фабрики рабочим, то есть пролетариату, распределение земель крестьянам!

布雷大吼着把他（马克西姆）赶出去说：“出去！出去！你，还有那个列宾就能代表工人、农民？代表什么无产阶级？见鬼去吧！你们这个杀人党、抢劫党！没错，我是个野蛮的哥萨克！但是，我愿为沙皇和国家去战！滚吧！不要去碰格林达！你要招惹格林达我会杀了你的！” [3, с. 172].

Брэй громко закричал и выгнал его (Максима) со словами: «Убирайся! Убирайся! ты, и ещё тот Репин, он может представлять рабочих, крестьян? Представляет какой пролетариат? Иди к черту! Вы, убийцы, мародёры! Да, я варварский казак! Но я готов сражаться за царя и страну! Провались! Не встречай Глинду! Я убью тебя, если ты тронешь Глинду!».

III. Оценка романа «Моя пустынная любовная песня»

Северо-восток Китая граничит с территорией России, что отражено в

произведениях писателей этой части Китая. Ими были созданы и описаны многочисленные образы русских в различных жизненных ситуациях, и эти образы ярко демонстрируют русский характер и русскую культуру. В своих произведениях писатели северо-востока Китая чаще всего описывали эмигрантов. Они часто изображали жизнь эмигрантов потому, как им приходилось довольно часто контактировать с представителями русской эмиграции и их культурой [4, с. 110]. Эмигранты в этих произведениях занимают меньше место или упомянули их только несколькими словами. Роман «Моя пустынная любовная песня» отличается тем, что специально описал жизнь русских эмигрантов в Китае, посвятил русским эмигрантам, которые жили в Китае в прошлом веке. Автор создал независимый гуманитарный мир, который тесно связан с городом Харбином, является бывшей историей и пёстрой частью Харбина. В романе подробно описал жизнь русских эмигрантов в Китае, например, день Крещения в реке Сунхуацзян.

Хэйлунцзянская ледяная культура возникла благодаря православию. Тогда православная церковь часто устраивала религиозные мероприятия, в том числе включая крещение на реке сунхуацзян зимой [5, с. 251].

Русские, которые из поколения в поколение жили на озере Байкал, переехали в Харбин для того, чтобы избежать войны. Русские эмигранты, представители которых Соит и его дочь Глинда, жили на второй родине Харбине, хотя они по-прежнему строго придерживались религиозного верования, держали традиционный жизненный обычай и сохраняли тоску по родине, но жестокая война всё ещё втягивала их в политическую бурю, трагедия личной жизни, как любовь, ненависть, горечь разлуки и радость свидания, фатумом почти посетила каждого человека в романе, только по-разному и в разное время посетила. Это объясняется тем, что во время гражданской войны никакой город Север-Восточной Азии, в том числе Харбин, не мог вечно стать спокойной бухтой и жизненным парадизом.

В унылой общественной атмосфере роман постепенно развивал сюжет, наполненный русскими духом, подводкой к напуганному, воодушевлённому кульминационному моменту. Роман с одной стороны приводил читателей в несчастное эмигрантское время русских беженцев, с другой стороны давал чувствовать читателям многомерную и охватывающую городскую культуру Харбина в начале 20-ого века.

Роман показал читателям трагедийную историю русских эмигрантов, которые умерли в чужой стране, лучше сказать печальную социальную

историческую картину, намазанную мрачная краска, которая о тяжести жизни и печальности смерти. Писатель происхождения из сценаристов отлично описал сюжет и деталь, у которых яркие кадры: улицы и переулки с морозобоинами Харбина, Глинда, Брэй и Максим тихо напевали старинные народную песню перед волками, издавая резкий свист, загруженный военными и беженцами, поезд с паровым мотором ехал на железной дороге на льде озера Байкала, мощная снегозаносимость в деревне Калаяна, находящейся на сибирской пустыни, на ней растёт тайга, безотрадное жильё Алёши, где растут сирени, холодный ветер, который дул в то время, когда Соит дрался с Репиным на дуэли на внедеревенском пространстве в Харбине, поверхность и берег озера Байкала, заваленные трупами замёрзших солдатом красной армии и белогвардейцев, большие заледеневшие пруды, продолблённые православными на реке Сунгарь во время дня Крещения и так далее.

Уединённые и крайне опечаленные изображения представляются в разных главах романа, соединяют ранний Харбин, по которому валят эмигранты, с безлюдным и далёким озером Байкалом, одновременно описывают гуманитарные картины самого раннего открытого города Китая и ландшафт самого пустынного места России, расширяют и углубляют скрытый смысл темы и эстетическое восприятие.

Целостность истории романа выполняется с помощью повествования, художественное эстетическое восприятие романа реализуется тоже при посредстве повествовании. В романе «Моя пустынная любовная песня» принял манеру европейского описательного местонахождения, и тесно сливается с манерой китайского традиционного описательного местонахождения, и так сложились манера многократного повествования и полифонический замысел выражения: в первое лучепреломление сильного блуждания семьи Соита при помощи изменения местонахождения героини Глинды, подтверждение слишком жестокой и мрачной истории громадными и сложными жизненными перипетиями семьи Соита, пользуясь случаем выражается неустойчивость дальнего востока России и сложная истории Харбина в начале 20-ого века. Путь следования Глинды между озером Байкалом и городом Харбином является осевой линией, роман пересыпая русско-японской войной, февральской революцией и октябрьской революцией и другими важными историческими событиями, автор идеализирует макроскопическую бытовую жестокость и беспощадность с микроскопического угла зрения личного пути следования и семейных несчастных случаев.

Во второе беспрерывно компануя свинцовый колпак и пространство-время повествования, автор сообразительно переключает всеведущее повествование Глинды и ограниченное повествование Алёши, полностью пользуясь пережитым Соита, Брэя, Максима, Репина и Лолии, проводит вспомогательное и дополнительное повествование, и соединил систему и сюжет романа пространственным передвижением героев. В третье особенно обращая внимание на судьбу русских эмигрантов женского пола в особенной участи в русской истории с помощью повествования пути движения Глинды, автор сбросил с себя эстетические оковы, которые изолировали женский пол от хождения в китайских традиционных произведениях.

Трогательная художественная особенность романа «Моя пустынная любовная песня» не в том, что роман показал терпение и переносимость русских эмигрантов, а в том, что русские эмигранты выбрали ответственность и обязанность, ценили веселье и счастье, которые дарил им реальная жизнь [6]. Этот роман изыскал путь, как человечество освободило от тяжёлого положения истории и переходило границы жизненного невзгода, и нашёл исторический исток непринуждённого, доблестного, смелого и решительного духовного характера.

История города является окаменением, которое осталось во временном разрыве, реальность романа в некоторой степени проверяла разработку окаменения автора и освидетельствовала уровень использования ресурсов исторической культуры города. Любовь к истории города Харбина и вспоминание истории города Харьбина наполнили сердце автора, который увлекался исторической культурой города Харбина, особенно русской эмиграционной культурой. Автор собрал, квалифицировал, выбрал, эффинировался и выплавил огромные исторические материалы, которые о природе, этике, праве, фольклоре, здании и т.д., автор стремился создать подлинное и оживлённое литературное изображение о жизни русских эмигрантов.

Внимание к судьбе человека в общественной жизни, изыскание и выражение ценности и концепция выживания индивидуальности является призванием литературы. Писатель объективно воспроизвёл калейдоскоп событий истории, больше обращал внимание на судьбу несчастливых героев, которых выгнала историческая ситуация. Они скрылись от военного мятежа, покинули родные места, но всё ещё держались за духовный родной край, стремились к счастью, мечтали о свете, жаждали мирной и спокойной жизни в этом городе. Но ирония

судьбы, мелкие людишки, которые бились и ходили по гуртику исторической бури, вынудили возвращаться в замкнутое пространство, отдали на хранение несчастное тело и тревожную душу там, где были вместе со своими. Отношения общества с человеком или человек с обществом являются каверзным заданием, и являются не забывчивым психическим комплексом писателя, который упорно проследил в гуманитарной опеке. Последнее место в жизни Глиды является тем, что писатель возлагал надежды судьбы рядовых людей.

О творчестве, которое создали китайские писатели о русских эмигрантах в Китае, китайский учёный Чжэн Юнван (профессор Хэйлунцзянского университета) так оценил: С взгляда китайской литературы разглядывать жизнь русских эмигрантов в Китае, появился новый элемент, который не мог существовать в русской эмигрантской литературе, во взоре китайцев [7, с. 216]. Жизнь русских эмигрантов в Китае описало творческое содержание китайских писателей, автор этого романа с литературного аспекта показал жизненное положение русских эмигрантов, которые жили в китайских городах, в том числе и город Харбин.

Список литературы:

1. Гао Чуньюй. Влияние русской эмиграции на городскую культуру Харбина. культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 5А. С. 53-58.
2. Арустамова А.А., Кондаков Б.В. и другие. Через океан: очерки литературы русской эмиграции в Китае и в США (1920–1930-е гг.). Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2021. 152 с.
3. Шан Чжифа. Моя пустынная любовная песня. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2017. 338 с.
4. Гао Чуньюй. Русская эмиграция в произведениях Сяо Хун. Этносоциуми межнациональная культура. № 10 (136). С. 110-114.
5. Гао Чуньюй. Влияние православия на культуру Хэйлунцзяна. Миссия Конфессий. Том 8. Часть 3. № 38. С. 247-253.
6. Лю Цзиньсян. Искреннее срисовывание с натуры образа русской эмиграции в Харбине. Харбинская ежедневная газета, 24 июля 2018 года.
7. Чжэн Юнван. Русское православие и хэйлунцзянская культура. Харбин: издательство Хэйлунцзянского университета, 2010. 225 с.

Bibliography

1. Gao Chunyu. The influence of Russian emigration on the urban culture of Harbin. culture and civilization. 2019. Volume 9. No. 5A. pp. 53-58.
2. Arustamova A.A., Kondakov B.V. and others. Across the Ocean: Essays on the Literature of the Russian Emigration in China and the USA (1920–1930s). Perm State National Research University. – Perm, 2021. 152 p.
3. Shang Zhifa. My desert love song. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 2017. 338 p.
4. Gao Chunyu. Russian emigration in the works of Xiao Hong. Ethnosociety and interethnic culture. No. 10 (136). pp. 110-114.
5. Gao Chunyu. The influence of Orthodoxy on the culture of Heilongjiang. Mission of the Confessions. Volume 8. Part 3. № 38. P. 247-253.
6. Liu Jinxiang. Sincere sketching from nature of the image of the Russian emigration in Harbin. Harbin Daily Newspaper, July 24, 2018.
7. Zheng Yongwang. Russian Orthodoxy and Heilongjiang culture. Harbin: Heilongjiang University Press, 2010. 225 p.

Пример китайско-российского культурного обмена в 19 веке - создание китайской академии в России

Работа выполнена по гранту крупного проекта важнейших исследовательских баз гуманитарных и социальных наук при Министерстве образования КНР: проект № 22JJD770066 «Обработка и исследование классического труда в области синологических фундаментальных источников В.М. Алексеева»

本文为教育部人文社会科学重点研究基地重大项目“阿列克谢耶夫汉学基础文献经典著作整理与研究”（22JJD770066）的阶段性研究成果。

Китай и Россия не просто страны-соседи, но и государства, активно развивающие всестороннее стратегическое сотрудничество. Углубление такого сотрудничества между Китаем и Россией можно считать приоритетным направлением внешней политики обеих стран. Немаловажную роль в этом процессе играет знакомство России с китайским языком, культурой и историей, поскольку помогает формировать положительный имидж Китая в России и содействует таким образом развитию отношений между двумя странами. Расширение возможностей изучения китайского языка и культуры, качественное представление истории и современности Китая становится важной задачей для укрепления международного коммуникационного потенциала страны, что находит подтверждение в выступлениях лидеров Коммунистической партии Китая. Так, 23 октября 2022 года Председатель КНР Си Цзиньпин во время встречи Постоянного комитета 20-го Политбюро Коммунистической партии Китая с китайскими и иностранными журналистами упомянул, что посетить Китай, осмотреть достопримечательности страны должны гости со всего мира за тем, чтобы объективно и правдиво осветить историю Китая, а также историю Коммунистической партии Китая, рассказать о новой эре, в которую вступила страна [1].

Кяхтинское училище китайского языка

Когда в 1830 году в составе научной экспедиции, возглавляемой П.Л. Шил-

лингвом, (целью экспедиции было изучение демографической ситуации и состояния торговли вдоль российско-китайской границы) известный китаист И. Бичурин посетил приграничную Кяхту, представители местного купечества и чиновники Кяхтинской таможни обратились с просьбой открыть в городе школу для подготовки китайских переводчиков. Таким образом в январе 1831 года было принято решение о создании Кяхтинского училища китайского языка. В этом же году была набрана первая группа из десяти студентов. И. Бичурин не только преподавал в училище китайский язык, но и создавал учебно-методическое обеспечение курса: он написал программу для училища, подготовил учебники и пособия по китайскому языку. Однако, после 18 месяцев преподавания в Кяхтинское училище китайского языка, И. Бичурин вернулся в Санкт-Петербург.

В 1835 году Бичурин вернулся в Кяхту. 18 мая того же года состоялось официальное торжественное открытие Кяхтинского училища китайского языка. Продолжая работу над учебно-методическим обеспечением программ учебного заведения, И. Бичурин создал подробный план обучения для Кяхтинского училища китайского языка, практически разработав образовательную программу подготовки переводчиков. С точки зрения содержания обучения этот план полностью учитывал реальные потребности предпринимателей Кяхты, которые вели торговлю с Китаем, а особое внимание в нем уделялось развитию практических навыков устного (синхронного) перевода и знанию делового китайского языка, что впоследствии легло в основу российской методики преподавания китайского языка.

В начале 1838 года Бичурин снова вернулся в Санкт-Петербург. После этого Кяхтинское училище китайского языка возглавил К.Г. Крымский. Под его руководством училище ежегодно выпускало переводчиков, что, безусловно, способствовало развитию торговли региона Кяхты с Китаем. За свою жизнь К.Г. Крымский опубликовал только один научный труд — «Обзор сути учения Конфуция» (опубликован православной миссией в Пекине в 1906 году). Эта книга является важным для российской науки источником в вопросе изучения конфуцианства. В 1861 году К.Г. Крымский скончался, и преподавание китайского языка в Кяхтинском училище было остановлено. В то же время российское правительство нашло возможность отправлять студентов на учёбу в Китай, а в 1855 году в Санкт-Петербурге был создан факультет китайского языка. Таким образом, Кяхтинское училище китайского языка выполнило свою миссию и было закрыто в 1867 году.

За время своего существования Кяхтинское училище китайского языка подготовило поколение отличных переводчиков с китайского языка.

Подавляющее большинство выпускников училища после окончания учебы начали работу переводчиками в Российской торговой компании, которая имела коммерческие интересы в Китае, что сыграло важную роль в развитии российско-китайской торговли в Кяхте. Кроме того, в Кяхтинском училище за годы преподавания китайского языка сформировалась обширная библиотека, включавшая разнообразные издания о китайском языке и методах его преподавания. Таким образом, в училище впервые в России была разработана научно обоснованная и практико-ориентированная программа преподавания китайского языка, а также был накоплен важный педагогический опыт, оказавший влияние в долгосрочной перспективе как на преподавание китайского языка, так и на изучение китаеведения в России.

Восточный факультет Казанского университета

Начиная с XIX века торговля России с азиатскими странами постоянно расширялась. Пропорционально росту торговли возрастал и спрос на специалистов, владеющие иностранными языками. На этом фоне начали создаваться научно-исследовательские и образовательные учреждения, занимающиеся востоковедением. В это время Казань, расположенная в нижнем течении Волги, оказалась для России в роли связующего звена между Востоком и Западом: именно сюда прибывал основной поток торговых караванов, направляющихся с востока на запад и обратно. Такое географическое положение и возрастающие торговые потоки привели к становлению в Казани русской школы востоковедения. Важную роль в этом процессе сыграла и в целом реформа всей российской системы образования в 18 — начале 19 века, важной частью которой было открытие новых университетских центров и введение в программы обучения иностранных языков, в том числе языков восточных [2]. Университетская система обучения китайскому языку стала дополнением к русской православной миссии в Пекине, заложив таким образом местную исследовательскую базу для развития русского китаеведения.

Казанский университет, основанный в 1804 году и являющийся один из старейших университетов в России, стал колыбелью российского востоковедения. В Казанском университете по инициативе ректора, известного математика Н. И. Лобачевского (он занимал этот пост в 1827—1845 гг.) в мае 1837 года была создана кафедра китайского языка. Следует отметить, что создание кафедры Восточного факультета Казанского университета является знаковым событием в истории российского китаеведения. Можно сказать, что с этого момента российский центр изучения китайского языка

и культуры сместился с православной миссии в Пекине и установился в Казани, ставшей также академическим центром синологии. Переход изучения и преподавания китайского языка в стены высшего учебного заведения привел к повышению качества образования и привлечению к занятиям китайским языком новых исследователей. Справедливо будет отметить, что если ранее специалисты, занимавшиеся китаеведением, были ориентированы в большей степени на практику перевода и специализировались на торговых отношениях с китайской стороной, то в условиях университета появлялись не только переводчики, но и исследователи, которые могли вести научную работу в сфере синологии. В отличие от миссионерских школ, где изучали китайский язык ранее, университетская система преподавания давала возможность систематической подготовки переводчиков и китаеведов. Когда же позднее в Казанском университете был открыт курс маньчжурского языка, стало можно говорить о том, что Казанский университет в полном смысле стал российским центром востоковедения.

За время существования кафедры китайского и маньчжурского языка Казанского университета продемонстрировали высокие достижения в преподавании китайского и маньчжурского языков. В исторической перспективе они доказали, что изучение восточных языков в рамках университета является эффективным, преодолев недостатки, которые были свойственны курсами китайского языка от религиозных миссий в Пекине и общим ханьманьчжурским школам и, к тому же, не развивали академическое китаеведение. Результаты академической работы кафедры находили отражения в статьях журнала “Ученые записки Казанского университета”, основанный в 1821 году. Однако факультет сталкивался и с определенными трудностями, потому что объемы торговли между Россией и Китаем росли достаточно медленно, специалисты по китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам были востребованы лишь в небольшой части страны - на российско-китайской границе, вследствие чего выпускникам было трудно устроиться на работу, а их заработная плата была низкой [3]. Поскольку изучение китайского и маньчжурского языков было достаточно трудным и требовало значительных усилий от обучающихся, сокращалось как число студентов, поступающих на Восточный факультет, так и число оканчивающих его - из-за высокого процента отчисления (часто не менее половины от первоначального набора оказывались отчисленными). В итоге в 1855 году Восточный факультет Казанского университета был закрыт в 1855 году, а профессорско-преподавательский состав и студенты были переведены в Санкт-Петербургский

университет, где были присоединены к Восточному отделению университета. При этом в Казанском университете сохранилась кафедра татарского языка. Присоединение кафедр к Восточному факультету Санкт-Петербургского университета стало новым этапом в развитии китаистики и образования в этой сфере в России.

В целом, можно сказать, что создание кафедры китайского языка в Казанском университете стало важной вехой в истории российской науки. Оно ознаменовало переход от разрозненного обучения китайскому языку к систематическому предметному обучению в высших учебных заведениях и положило начало преподаванию китайского языка в высшей школе.^[4] Казанский университет внес важный вклад в подготовку профессиональных кадров в области китаеведения, разработку учебных материалов, а также сыграл важную роль в функционировании Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, одного из самых значительных центров российской китаеведения во второй половине 19 века. Хотя в момент своего создания Восточный факультет Казанского университета не был, в силу экономических причин, высоко востребован, он дал толчок развитию российской китаистики и привел к росту китайско-российского культурного обмена.

Восточный факультет Санкт-Петербургского университета

С момента основания факультета востоковедения Санкт-Петербургского университета в 1855 году центр китаеведения был перемещен из Казани в Санкт-Петербург, который был на тот момент политическим и культурным центром России и полиэтническим городом. При этом становление этого нового центра на факультета востоковедения Санкт-Петербургского университета прошло долгий путь.

В 1851 году министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов предложил создать единую Азиатскую академию в Санкт-Петербурге. Однако в итоге решено было признать единым центром изучения восточных языков Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Преподавание восточных языков во всех других учебных заведениях страны прекратилось и было сосредоточено в Санкт-Петербургском университете. Так, как было сказано выше, восточный факультет Казанского университета, за исключением кафедры татарского языка, был переведен в состав Санкт-Петербургского университета.

27 августа 1855 года состоялось торжественное заседание Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Все его основные чле-

ны - выпускники факультета востоковедения Казанского университета. Выпускник Казанского университета, специалист по тибетологии В.П. Васильев стал заведующим кафедрой китайского языка и маньчжурского языка. Позже эти две кафедры были объединены, а В.П. Васильев остался заведующим и преподавал маньчжурский язык.

Учебная программа факультета востоковедения в Санкт-Петербурге отличалась от той, что действовала в Казанском университете. Было запланировано, что студенты учатся в России лишь на первом и втором курсах. Затем они направляются на годовую стажировку в Китай главным образом для того, чтобы улучшить навыки устной речи и аудирования, а также ознакомиться с социальными и культурными особенностями Китая. После возвращения в Россию они продолжают обучение, которое длится еще три года. Такая система обучения позволяла подготовить высококвалифицированных специалистов по китайскому языку и литературе, китайской истории, будучи нацеленной на развитие их научно-исследовательских способностей [5].

Восточный факультет Санкт-Петербургского университета имел право присуждать степени магистра и доктора восточных языков. С 1864 года китайско-маньчжурский профиль обучения был расширен до китайско-маньчжурско-монгольского профиля, в котором китайский язык являлся основной обязательной дисциплиной. Маньчжурский и монгольский языки были дисциплинами по выбору. Однако число студентов, обучавшихся по этим профилям, было невелико. Поскольку факультет востоковедения Санкт-Петербургского университета был одновременно учебным и научно-исследовательским заведением, то есть не только готовил профессиональные кадры, но и активно публиковал результаты исследований, установились тесные связи между ним и рядом других учреждений: Русское императорское географическое общество (1845), Восточная секция Русского королевского археологического общества (1851), а затем Королевское восточное общество (1900). Это также влияло на репутацию Санкт-Петербурга как общероссийского центра востоковедения. Важную роль в этом процессе сыграл декан Восточного факультета В.П. Васильев. При В.П. Васильеве уже действовала «новая программа», не только с четкими исследовательскими целями, но и с установкой на подготовку кадров по стандартам высшего образования. Ученые этого периода внесли значительный вклад в исследование китайского буддизма, структуры китайского языка, истории китайской литературы, создание русско-китайских словарей, перевели значительное количество литературы. Все

это способствовало развитию российского китаеведения [6].

По мере того как азиатское направление приобретало все больший вес во внешней политике России, возрастало и значение изучения Востока. Планомерно возрастающий спрос на специалистов по восточным языкам привел к пересмотру имеющихся ресурсов для подготовки таких кадров и формированию качественно новой учебной базы для подготовки специалистов, владеющих восточными языками. После длительного периода подготовки был создан факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Более полувека он был главным центром российского востоковедения и подготовки специалистов по восточным языкам, став преемником Казанского университета и Русской православной миссии в Пекине.

По сравнению с маньчжурско-китайскими классами, проводившимися Академией наук и Академией иностранных дел в XVIII веке, Кяхтинским училищем китайского языка и Казанским университетом методы преподавания китайского языка в Санкт-Петербургском университете были более прогрессивными. Преподаватели не копировали традиционные, исконно китайские методы преподавания, а были ориентированы на создание новой, университетской модели обучения китайскому языку с учетом особенностей русскоязычных студентов. Помимо собственно курса китайского языка факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета предложил своим студентам учебные курсы по истории китайской литературы, истории Китая и т.д., что, наравне со стажировками в страну изучаемого языка, позволяло обучающимся погрузиться в китайскую культуру и становилось залогом подготовки высококлассных специалистов.

Очень сложным для кафедры китайского языка Санкт-Петербургского университета стал 1900 год, поскольку 27 апреля того же года В.П. Васильев, декан Восточного факультета, профессор кафедры китайского языка, скончался от болезни, заболел также синолог А.О. Ивановский. На тот момент отсутствовали в Петербурге также выдающиеся синологи А.М. Позднеев, А.Э. Шмидт и А.В. Рудаков. Почти два года на китайском и маньчжурском отделении оставались только Д.А. Пещуров и еще один преподаватель китайского языка, имя которого не сохранилось. В это время Д.А. Пещуров вынужден был преподавать все специальные дисциплины, причем не только читал лекции, но и вел практические занятия.

Санкт-Петербургский университет был самым значительным центром обучения китайскому языку в России во второй половине XIX века. В нем собрались лучшие ученые-востоковеды России. Их достижения в

преподавании, разработке учебников и научной деятельности были признаны и высоко оценены последующими поколениями, положив конец периоду, когда российские китаеведы были в основном сотрудниками русской православной миссии в Пекине и внося свой вклад в дальнейшее развитие китаеведения в России. Хотя в Санкт-Петербургском университете работали крупные специалисты-синологи, выпуск специалистов по китайскому языку не был массовым. Конечно, это во многом связано с развитием китайско-российских политических и экономических отношений и сложностью этой специальности.

В конце XIX века, когда Россия строила Среднеазиатскую железную дорогу в северо-восточном Китае, потребность в переводчиках многократно возросла, вследствие чего специалисты по китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам, преподававшимся на Восточном факультете в Санкт-Петербургском университете, стали очень востребованными. Однако использовавшиеся здесь методы обучения уже не соответствовали потребностям времени, вследствие чего с целью подготовки практических кадров был создан Владивостокский восточный институт.

Владивостокский восточный институт

В 1896 году руководивший внешней политикой Китая сановник Ли Хунчжан подписал Союзный (Айгунский) договор между Российской империей и Китаем, а в 1898 году империя Цин заключила с Россией договоры об аренде Порт-Артура и Даляня. Эти политические события оказали заметное влияние на развитие российского востоковедения, в частности китаеведения. В 1899 году российское правительство учредило во Владивостоке Восточный институт - высшее учебное заведение, специализировавшееся на изучении восточных языков. Менее чем за 20 лет институт, воспользовавшись своим расположением рядом с Китаем, Японией и КНДР, достиг высокого уровня развития. Он подготовил немало талантливых переводчиков для российских правительственных ведомств, военных учреждений и коммерческой сферы и стал еще одним из наиболее значимых центров российского китаеведения.

С самого основания Восточного института его директор, профессор А.М. Позднеев, начал разработку программы подготовки студентов, которая бы соответствовала запросам государства. Основная цель состояла в том, чтобы студенты овладели не одним, а двумя или тремя восточными языками. Китайский язык являлся обязательным предметом и единственным восточным языком, который студенты изучали на первом и

втором курсе. Начиная со второго курса студенты делились по четырем специальностям: китайско-японская, китайско-корейская, китайско-монгольская и китайско-маньчжурская специальность.

С 1899 по 1909 год Восточный институт во Владивостоке был основным высшим учебным заведением, в котором велась подготовка в области восточных языков специалистов для российского военного ведомства, поддерживая таким образом политику военной экспансии царского правительства Российской империи на Дальнем Востоке. Преподаванию китайского языка уделялось особое внимание, поскольку спрос на специалистов, владеющих именно китайским, был очень высок в связи с тем, что интересы российского Дальнего Востока были сосредоточены в основном в Китае. При этом Китай имел давние исторические и культурные связи с другими странами Восточной Азии - Японией и Северной Кореей, что требовало дополнительного изучения японского и корейского языков. Кроме того, изучение китайского языка было необходимо для освоения маньчжурского или монгольского языка. После 1909 года военное ведомство уже направляло студентов в Восточный институт, поскольку наблюдался избыток китайских переводчиков, подготовленных для армии [7].

Почти весь профессорско-преподавательский состав Восточного колледжа - выходцы с факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Эти преподаватели, работая над решением новых задач, вставших перед Восточным институтом во Владивостоке в связи с требованиями времени, добились определенных успехов в развитии методики преподавания восточных языков, написании учебников, а также занятиях академическими исследованиями, внесли важный вклад в формирование нового центра китаеведения на Дальнем Востоке России. Профессора Восточного института во Владивостоке преодолели влияние сложившихся на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета традиций преподавания, которые закладывал В.П. Васильев. Если в Санкт-Петербургском университете основным учебным материалом была классическая китайская литература, то здесь основное внимание уделялось современному китайскому языку, так называемому официальному языку.

Готовя переводчиков-практиков для российских административных, торговых и военных органов, преподаватели выпустили большое число современных учебников и подготовили ряд ценных научных публикаций. ^[8]Они часто учились за границей, собирали обширную информацию и исследовали современный китайский язык, историю и культуру. Их преподавательская и исследовательская деятельность дополняла работу

факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, принося новое в изучение китаеведения в России.

Восточный институт во Владивостоке - это еще один центр востоковедения, созданная Россией в конце 19-го - начале 20-го веков. Используя преимущества своего уникального географического положения и действуя в соответствии с дальневосточной политикой российского правительства, Восточный институт за очень короткое время заложил базу для дальнейшего развития востоковедения на Дальнем Востоке. Кроме того, он ориентировал студентов в первую очередь на реальную языковую практику, подготавливая таким образом их к дальнейшей работе по специальности.

Подводя итоги, отметим, что в этой статье систематически и в хронологическом порядке были изложены сведения о становлении китаеведения в России 19 века, кратко представлены предпосылки создания основных центров изучения китайского языка, их цели, результаты деятельности и значение в исторической перспективе. Все описанные учебные заведения, от миссионерских школ до специализированных факультетов университетов, существенно способствовали становлению культурного обмена между Китаем и Россией и сыграли важную роль в распространении знаний о китайском языке культуре в России.

Список литературы:

1. China Industrial Network. Tell the story of the new era we are experiencing [EB/OL]. [2022-11-08] // URL: <https://www.workercn.cn/c/2022-11-08/7221222.shtml>.
2. Валеев Р.М. Преподавание восточных языков в Первой Казанской гимназии // Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801-1878). Казань, 2004.
3. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 198-199.
4. Wang Yanjie. Historical investigation of Chinese teaching at Kazan University in Russia in the 19th century [J]. Journal of Kaifeng Institute of Education, 2019. № 12. P. 164.
5. Zhang Jingxian, Fei Jinchang. Chinese teaching in the Department of Oriental Studies of St. Petersburg University, Russia [J]. World Chinese Teaching, 1993. № 3. P. 238.
6. Li Mingbin. History of Russian Sinology [M]. Zhengzhou: Elephant Publishing House. 2008.
7. Серов В.М. Становление Восточного института (1899-1909) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета 1994.
8. Yan Guodong. Three hundred years of Russian Sinology [M]. Beijing: Xueyuan Publishing House. 2007.

Bibliography

1. China Industrial Network. Tell the story of the new era we are experiencing [EB/OL]. [2022-11-08] // URL: <https://www.workercn.cn/c/2022-11-08/7221222.shtml>.
2. Valeev R.M. Teaching oriental languages at the First Kazan Gymnasium. Kovalevsky: biography and heritage (1801-1878). Kazan, 2004.
3. Skachkov P.E. Essays on the history of Russian Sinology. P. 198-199.
4. Wang Yanjie. Historical investigation of Chinese teaching at Kazan University in Russia in the 19th century [J]. Journal of Kaifeng Institute of Education, 2019. № 12. P. 164.
5. Zhang Jingxian, Fei Jinchang. Chinese teaching in the Department of Oriental Studies of St. Petersburg University, Russia [J]. World Chinese Teaching, 1993. № 3. P. 238.
6. Li Mingbin. History of Russian Sinology [M]. Zhengzhou: Elephant Publishing House. 2008.
7. Serov V.M. Formation of the Oriental Institute (1899-1909) // Proceedings of the Oriental Institute of the Far Eastern State University 1994.
8. Yan Guodong. Three hundred years of Russian Sinology [M]. Beijing: Xueyuan Publishing House. 2007.

Развитие ветроэнергетических проектов в Азербайджане: перспективы сокращения выбросов парниковых газов

Преимущества и недостатки ветроэнергетики

Ветер является чистым и благоприятным для природы источником энергии, хотя ветряные турбины являются предметом спора из-за их воздействия на миграцию птиц и шумовое загрязнение [1]. По сравнению с другими возобновляемыми источниками энергии и энергоносителями, работающими на ископаемом топливе, только энергия приливов и гидроэлектростанций имеет более низкий уровень выбросов, чем энергия ветра [2]. Наиболее важным является то, что после установки ветрогенератора для его работы не требуется топливная энергия. Другими словами, ветер является единственным источником, позволяющим ветряной турбине работать и производить энергию. Еще одним преимуществом ветроэнергетики является то, что она не мешает фермерам продолжать вести сельское хозяйство [3; 4]. Если говорить о ее недостатках, то, как уже было сказано, шумовое загрязнение и его воздействие на миграцию птиц относятся к числу основных негативных последствий ветроэнергетических установок. Более того, монтаж ветрогенераторов обходится очень дорого, хотя в долгосрочной перспективе окупается [3]. И тем не менее, поиск источников финансирования для установки ветрогенераторов является проблемой для развивающихся стран.

Потенциал ветроэнергетики в Азербайджане: перспективы сокращения выбросов ПГ

Ископаемые виды топлива являются основой экономики Азербайджана. После того, как в 2006 году были введены в эксплуатацию нефте- и газопроводы, такие как Баку-Тбилиси-Джейхан и Баку-Тбилиси-Эрзурум (трубопровод Южного Кавказа), азербайджанская экономика начала получать значительные объемы иностранной валюты. Почти за последние два десятилетия нефть и нефтепродукты составили почти 90% обще-

го экспорта страны [5]. Тем не менее, Азербайджан проводит политику экологизации своей экономики по ряду причин: присоединение к глобальному призыву о сокращении объемов выбросов парниковых газов с целью ограничения последствий изменения климата и использование его потенциальных возобновляемых источников энергии для внутреннего потребления, чтобы экспортировать больше природного газа и нефти на перспективный европейский рынок. Это беспроигрышная игра для Азербайджана, так как страна увеличивает свои экономические доходы и в то же время создает позитивный имидж дружественной к окружающей среде страны [6].

Для начала развития сектора возобновляемых источников энергии в 2004 году правительство Азербайджана приняло «Государственную программу по использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии на 2005-2013 годы», которая на более позднем этапе была дополнена Стратегией по возобновляемым источникам энергии на 2012-2020 годы. 31 мая 2021 года правительство приняло Закон «О применении возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии» [7]. По оценкам Министерства энергетики Азербайджана, технически осуществимый потенциал возобновляемых источников энергии в Азербайджане составляет 27000 МВт: из которых около 3000 МВт - ветровая энергия, 23000 МВт - солнечная энергия, 380 МВт - биоэнергия и 520 МВт - гидроэнергия от горных рек [7; 8, с. 9]. Дополнительный объем энергии, 10000 МВт, планируется получить на территориях, освобожденных от армянской оккупации в 2020 году [9]. Согласно некоторым оценкам, Азербайджан способен технически покрыть все свое потребление электроэнергии за счет использования своих источников ветровой энергии [10, с. 4].

С 2004 года правительство Азербайджана поддержало разработку ряда ветроэнергетических проектов, к которым относятся: Пиракюшкюльский ветропарк (110 МВт), Апшеронская ветряная электростанция (80 МВт), Ветряная электростанция Йени Яшма (50 МВт), Шурабад-Хызинская ветряная электростанция (48 МВт), Ветропарк Пираллахи (15 МВт), Чистый Город в Зира (9,6 МВт), Мушвиг (9 МВт), Хокмалинская ветряная электростанция (8 МВт), Самухский агроэнергетический комплекс (5 МВт), Ситалчайская ветряная электростанция (3,6 МВт), Гобустанский Полигон (2,7 МВт) [6, с. 159; 8, с. 7; 11; 12, с. 9-10; 13]. Станции в Йени Яшма, Хокмали, Гобустане и Ситалчае - это те немногие проекты, которые уже начали функционировать. Недавно правительство сосредото-

чило свое внимание на завершении ветровых проектов. Как следствие, многие инвесторы уверены в своем желании инвестировать в этот сектор в Азербайджане. Энергетическая компания Саудовской Аравии ACWA Power уже согласилась инвестировать 300 миллионов долларов США в ветропарк Хызы-Абшерон, который планируется ввести в эксплуатацию к концу 2023 года и будет вырабатывать 1 миллиард кВт-ч электроэнергии в год [9; 8, с. 8]. Азербайджан также может использовать огромный потенциал энергии ветра на море. По оценкам Всемирного Банка [14] (данные от 3 июня 2022 года), Азербайджан располагает потенциалом для установки 7 ГВт морской ветроэнергетики к 2040 году.

Следовательно, Азербайджану выгодно использовать свой потенциал ветроэнергетики для сокращения объема выбросов CO₂. Часть одного только Апшеронского полуострова имеет потенциал производства более 800 МВт ветровой энергии. Азербайджан может сэкономить один миллион тонн ископаемого топлива в год, если использует свой потенциал ветроэнергетической мощности [15, с. 5]. С 1991 года основная доля чистых выбросов ПГ приходится на энергетический сектор, приблизительно 84% в среднем, далее следуют сельское хозяйство и промышленные процессы [6, с. 148]. За последние 10 лет чистые выбросы ПГ в Азербайджане составили около 45-47 миллионов тонн в год [6, с. 150]. Добыча, переработка и распределение нефти и газа являются важным источником выбросов ПГ в энергетическом секторе [16]. В начале 2000-х годов считалось, что к 2025 году с внедрением ветроэнергетических проектов будет сэкономлено почти 2,4 миллиона кубических футов топлива, что приведет к сокращению выбросов CO₂ на 4,4 миллиона тонн [17, с. 18]. С начала разработки альтернативных и возобновляемых источников энергии вопрос сокращения выбросов парниковых газов также приобрел значимость. По данным национальных экспертов, в коммерческом и жилищном секторах Азербайджан может добиться к 2030 году сокращения объема выбросов примерно на 32,7 миллиона тонн CO₂ с помощью возобновляемых и альтернативных источников энергии [18].

Правительство Азербайджана подготовило расчеты сокращения выбросов ПГ согласно запланированным проектам в сфере ветроэнергетики. Такие расчеты помогают оценить вклад развития ветроэнергетики в сокращение выбросов ПГ. Например, как видно из приведенной ниже таблицы, Государственное Агентство по Альтернативным и Возобновляемым Источникам Энергии Азербайджанской Республики (the State Agency on Alternative and Renewable Energy Sources of the Republic of

Azerbaijan (SAARES)) привело подробную схему сокращения выбросов ПГ для ветрового проекта Шурабад мощностью в 48 МВт.

Таблица 1. План сокращения выбросов CO₂ в рамках ветрового проекта Шурабад.

Год	Оценка объемов выбросов в результате деятельности проекта (тCO ₂ -эк)	Оценка всеобщего сокращения объема выбросов (тCO ₂ -эк)
1	0	35,237
2	0	77,521
3	0	112,758
4	0	112,758
5	0	112,758
6	0	112,758
7	0	112,758
8	0	112,758
9	0	112,758
10	0	112,758
Итого	0	1,014,822
Среднегодовая	0	101,482

Источник: Составлен автором по данным SAARES. (2018 год).

Данная таблица показывает, как один проект в области ветроэнергетики может способствовать сокращению выбросов ПГ в Азербайджане. Если взять число (101,482 тCO₂-эк.) в Таблице 1 за эталонный показатель, то один только Апшеронский полуостров с потенциалом производства энергии ветра более 800 МВт может сократить выбросы ПГ на 1,6 млн тCO₂-эк. ежегодно при полном использовании его потенциала.

Развитие ОВОС в Азербайджане

В директиве ЕС 85/337 ОВОС определяется как процедура, обеспечивающая выявление и рассмотрение экологических проблем, связанных с данными проектами, до выдачи разрешения [19, с. 1]. Основная цель ОВОС заключается в выявлении любых возможных экологических последствий конкретного проекта до начала процесса осуществления. В этой связи в процессе ОВОС описывается воздействие ветровых турбин на:

- Людей, животных, растений
- Землю, воду, воздух
- Культурные ценности и другие материалы

Система ОВОС Азербайджана основывается, главным образом, на Государственной Экологической Экспертизе Советского Союза и Оценке Воздействия на Окружающую Среду (ОВОС), которые, несмотря на многие сходства, отличаются от западных стандартов ОВОС. Тем не менее, правительство Азербайджана стремится принять новую систему ОВОС, которая соответствовала бы европейским стандартам. С 2014 года Министерством экологии и природных ресурсов Азербайджанской Республики разработана национальная система ОВОС, которая еще не ратифицирована Парламентом (Милли Меджлисом). 12 июня 2018 года Президент Ильхам Алиев подписал указ о принятии Закона «Об оценке воздействия на окружающую среду» [6, с. 70-71]. Ключевой правовой основой системы ОВОС в Азербайджане является Закон «Об охране окружающей среды», принятый 4 августа 1999 года [20, с. 15]. Будучи всеобъемлющим правовым актом в области окружающей среды, Закон «Об охране окружающей среды» включает следующие законы, многие из которых уже были приняты до 1999 года: «О защите растений» (03.12.1996), «О мелиорации и орошении» (1996), «О воде» (1997), «О сточных водах и водоснабжении» (1999), «Об охране здоровья людей» (1997), «О земле» (27.03.1998), «О фауне» (08.06.1999), «Об экологической безопасности» (08.06.1999), «Об охране атмосферы» (03.03.2001), «Об обязательном экологическом страховании» (12.03.2002).

До 1999 года компании, намеревавшиеся инвестировать в экологически чистую энергетику, не имели доступа к необходимой информации для подачи заявки на ОВОС, поскольку отсутствовала нормативно-правовая база. Таким образом, возникли препятствия для осуществления проектов в области возобновляемых источников энергии. Помимо вышеупомянутых правовых актов, в соответствии с Законом «Об охране окружающей среды» были разработаны дополнительные законы и разрешения для создания всеобъемлющей системы ОВОС. Основа процесса ОВОС в Азербайджанской Республике была сформирована и структурирована уже к 2004 году. Важно отметить, что до 1999 года процедуры ОВОС вообще не существовало. По этой причине как иностранные, так и местные инвесторы сталкивались с трудностями при получении важных разрешений и следовании всем процедурам. В период с 1999 по 2004 год были разработаны почти все необходимые части полных разрешений на проведение ОВОС и процедуры оценки. Однако проблемы сохраняются, поскольку процедура ОВОС, соответствующая европейским стандартам, еще не ратифицирована Парламентом. Чтобы облегчить задачу предпринимате-

лей по сбору необходимой информации о разрешениях, в соответствии с указом Президента Азербайджанской Республики Министерством экономики был создан интернет-портал www.icazeler.gov.az [21]. В интернет-портале можно найти все правила и разрешения, предоставленные как местными, так и центральными государственными органами. Хотя серьезные проблемы в связи с ОВОС сохраняются, это стало важным шагом вперед, который облегчает процесс подготовки документации для потенциальных инвесторов в ветроэнергетике.

Заключение

Правительство Азербайджана пытается развивать возобновляемые источники энергии по двум основным причинам: во-первых, экспортировать больше ископаемых видов топлива на перспективный европейский рынок, заменив внутреннее потребление энергии возобновляемыми источниками энергии, и во-вторых, уменьшить загрязнение окружающей среды и тем временем способствовать борьбе с изменением климата. В этой связи проекты в области ветроэнергетики играют важную роль в политике Азербайджана в сфере освоения возобновляемых источников энергии. В данной работе показано, каким образом ветроэнергетические проекты могут способствовать сокращению объема выбросов ПГ. Однако, ряд проблем, например, финансовые препятствия, льготные тарифы, ОВОС, тормозят быстрое развитие ветроэнергетических проектов в Азербайджане. На протяжении нескольких лет, особенно после 2004 года, был принят ряд законов и правил в поддержку разработки процедур ОВОС в Азербайджане. Усовершенствованная система ОВОС, в свою очередь, помогла инвесторам начать осуществление проектов в области ветроэнергетики. Нелегко получить заключение экологической экспертизы, так как существует ряд препятствий на пути его получения, например, продолжительный процесс взаимодействия с государственными органами. Все это восходит к решениям, принятым в начале 1990-х годов в пользу нефтегазовой индустрии, которая до сих пор влияет на возобновляемую энергетику. Поскольку экономика Азербайджана в значительной степени зависит от нефтегазовой промышленности, правительство с трудом смогло разорвать эту зависимость и обеспечить потребление энергии возобновляемыми источниками энергии, требующих более высоких затрат. Повышение внимания правительства к освоению альтернативных и возобновляемых источников энергии привело к совершенствованию

процедуры ОВОС, которая была необходима для осуществления новых проектов в секторе возобновляемых источников энергии.

Список литературы:

1. Экономический Журнал. Насколько экологически чисты и безвредны для природы ветровые турбины. 2022. // URL: <https://emagazine.com/wind-turbines-eco-friendly/> (Дата обращения: 02.06.2022).
2. Роув Т. Ветроэнергетика – один из самых чистых источников энергии на протяжении всей жизни. / Европейская Ассоциация Ветроэнергетики (ЕАВ). 2013. // URL: <http://www.ewea.org/blog/2013/07/wind-power-one-of-cleanest-energy-sources-over-lifetime/> (Дата обращения: 04.06.2022).
3. Just Energy. (2022). Ветровая энергия: Плюсы и минусы. // URL: <https://justenergy.com/blog/wind-energy-pros-and-cons/> (Дата обращения: 08.06.2022)
4. Билалова С. Ветроэнергетический потенциал Азербайджана – Анализ. Обзор Евразии 2022. // URL: <https://www.eurasiareview.com/19042020-wind-energy-potential-of-azerbaijan-analysis/> (Дата обращения: 08.06.2022).
5. Вёкман Д. 10 крупнейших экспортных товаров Азербайджана. 2018. // URL: <http://www.worldstopexports.com/azerbaijans-top-10-exports/> (Дата обращения: 18.05.2022).
6. Умудов А. Ассимметричное экологическое управление в Азербайджане. Общества и политические порядки в переходный период. 2021.
7. Министерство Энергетики Азербайджанской Республики / Использование возобновляемых источников энергии в Азербайджане. 2022. // URL: <https://minenergy.gov.az/en/alternativ-ve-berpa-olunan-enerji/azerbaycanda-berpa-olunan-enerji-menbelelerinden-istifade> (Дата обращения: 09.06.2022).
8. Мустафаев Ф., Кулавчук П., и Оробелло К. Статус возобновляемых источников энергии в Азербайджане: потенциал солнечной и ветровой энергии для будущего развития. Виды энергии, 2022. № 15 (2). С. 401.
9. Мехтиев М. Азербайджан добивается расширения возобновляемых источников энергии с помощью крупных проектов. Caspian News. 2022. // URL: <https://caspiannews.com/news-detail/azerbaijan-pushes-for-renewables-expansion-with-major-projects-2022-2-15-0/> (Дата обращения: 30.05.2022).
10. Агентство энергетического регулирования Азербайджана. Безопасность поставок и солидарность. 7ой ежегодный семинар Энергетики «Восточного партнерства». 2018. // URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/akhundov-azerbaijan_security_of_supply.pdf (Дата обращения: 05.06.2022).
11. Мамедов К.С., Халилов М.Я. Экология, окружающая среда и человек. Баку: Elm. 2006.
12. Рагимов С. Направление развития в области возобновляемых источников энергии в Азербайджане. Программа регионального экономического сотрудничества стран Центральной Азии. Форум по инвестициям в энергетику. 2016.
13. Государственное Агентство по Альтернативным и Возобновляемым Источникам Энергии Азербайджанской Республики. Возможности и проблемы развития возобновляемой энергетики в Азербайджане. 2018. // URL: <https://www.carecinitiative.org/wrcontent/uploads/2018/03/Session-4-1-Azerbaijan.pdf> (Дата обращения: 10.04.2021).
14. Всемирный Банк. (03.06.2022). Новая дорожная карта поможет высвободить 7ТВт энергии ветрового потенциала Азербайджана к 2040 году. // URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/06/03/new-roadmap-to-help-unlock-7gw-of-offshore-wind-potential-in-azerbaijan-by-2040#:~:text=BAKU%2C%20Junc%203%2C%202022%20E%280%93,%2Dterm%20vision%2C%20infrastructure%20development%2C> (Дата обращения: 14.06.2022).
15. Министерство экологии и природных ресурсов Азербайджанской Республики, Национальный каспийский план действий Азербайджанской Республики. 2002. // URL: https://web.worldbank.org/archive/website00983A/WEB/PDF/AZ_NCAP.PDF (Дата обращения: 30.06.2022).
16. Правительство Азербайджана. / Первый двухгодичный обновленный доклад Азербайджанской Республики к Рамочной Конвенции ООН об изменении климата. 2014 // URL: http://unfccc.int/resource/docs/nat/aze_bur1_eng.pdf (Дата обращения: 10.05.2022).
17. Первоначальное национальное сообщение Азербайджанской Республики об изменении климата: Фаза 2. Деятельность по укреплению потенциала в области изменения климата в приоритетных секторах экономики Азербайджана. 2001. // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Azerbaijan%20INC_Addendum.pdf (Дата обращения: 30.06.2022).
18. Азиатский Банк Развития. / Стратегия странового партнерства: Азербайджан, 2014 – 2018 // URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-aze-2014-2018-sd-04.pdf> (Дата обращения: 15.10.2015).
19. Харвуд Р. ОВОС, Согласие на развитие и обязанности страны-члена. Журнал экологического права, 2004. № 16 (2). С. 261-278.
20. ЕЭК ООН. Обзоры результативности экологической деятельности. Азербайджан. Второй обзор. 2011. // URL: https://unecp.org/DAM/env/epr/epr_studies/azerbaijan%20II.pdf (Дата обращения: 15.06.2022).
21. Указ Президента Азербайджанской Республики от 26 октября 2011 года «О некоторых вопросах, касающихся предоставления лицензий и разрешений на определенные виды предпринимательской деятельности».

Bibliography

1. Economic Journal. How environmentally friendly and harmless to nature are wind turbines. 2022. // URL: <https://emagazine.com/wind-turbines-eco-friendly/> (06.02.2022).
2. Rove T. Wind energy is one of the cleanest sources of energy throughout life. / European Wind Energy Association (EAW). 2013. // URL: <http://www.ewea.org/blog/2013/07/wind-power-one-of-cleanest-energy-sources-over-lifetime/> (06.04.2022).
3. Just Energy. (2022). Wind energy: Pros and cons. // URL: <https://justenergy.com/blog/wind-energy-pros-and-cons/> (06.08.2022)
4. Bilalova P. Wind energy potential of Azerbaijan - Analysis. Eurasia Review 2022. // URL: <https://www.eurasiareview.com/19042020->

wind-energy-potential-of-azerbaijan-analysis/ (06.08.2022).

5. Vekman D. 10 largest export goods of Azerbaijan. 2018. // URL: <http://www.worldstopexports.com/azerbaijans-top-10-exports/> (05.18.2022).
6. Umudov A. Asymmetric environmental management in Azerbaijan. Societies and political orders in transition. 2021.
7. Ministry of Energy of the Republic of Azerbaijan / Use of renewable energy sources in Azerbaijan. 2022. // URL: <https://minenergy.gov.az/en/alternativ-ve-berpa-olunan-enerji/azerbaycanda-berpa-olunan-enerji-menbelerinden-istifade> (06.09.2022).
8. Mustafaev F., Kulavchuk P., and Orobello K. The status of renewable energy sources in Azerbaijan: the potential of solar and wind energy for future development. Types of energy, 2022. № 15 (2). P. 401.
9. Mehdiyev M. Azerbaijan is seeking to expand renewable energy sources through large projects. Caspian News. 2022. // URL: <https://caspiannews.com/news-detail/azerbaijan-pushes-for-renewables-expansion-with-major-projects-2022-2-15-0/> (05.30.2022) .
10. Azerbaijan Energy Regulation Agency. Security of supply and solidarity. 7th Annual Energy Seminar of the Eastern Partnership. 2018. // URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/akhundov-azerbaijan_security_of_supply.pdf (06.05.2022).
11. Mamedov K.S., Khalilov M.Ya. Ecology, environment and man. Baku: Elm. 2006.
12. Rahimov P. Direction of development in the field of renewable energy sources in Azerbaijan. Program of regional economic cooperation of the countries of Central Asia. Energy Investment Forum. 2016.
13. State Agency for Alternative and Renewable Energy Sources of the Republic of Azerbaijan. Opportunities and problems of renewable energy development in Azerbaijan. 2018. // URL: <https://www.carecinstitute.org/wpcontent/uploads/2018/03/Session-4-1-Azerbaijan.pdf> (04.10.2021).
14. World Bank. (06/03/2022). The new roadmap will help release 7GW of Azerbaijan's wind potential by 2040. // URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/06/03/new-roadmap-to-help-unlock-7gw-of-offshore-wind-potential-in-azerbaijan-by-2040#:~:text=BAKU%2C%20June%203%2C%202022%20E2%80%93%2Dterm%20vision%2C%20infrastructure%20development%2C> (14.06.2022).
15. Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Azerbaijan, National Caspian Action Plan of the Republic of Azerbaijan. 2002. // URL: https://web.worldbank.org/archive/website00983A/WEB/PDF/AZ_NCAP.PDF (06.30.2022).
16. Government of Azerbaijan. / The first biennial updated report of the Republic of Azerbaijan to the UN Framework Convention on Climate Change. 2014 // URL: http://unfccc.int/resource/docs/natc/aze_bur1_eng.pdf (05.10.2022).
17. Initial National Communication of the Republic of Azerbaijan on Climate Change: Phase 2. Climate Change Capacity Building Activities in Priority Sectors of the Azerbaijani Economy. 2001. // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Azerbaijan%20INC_Addendum.pdf (06.30.2022).
18. Asian Development Bank. / Country Partnership Strategy: Azerbaijan, 2014 – 2018 // URL: <http://www.adb.org/sites/default/files/linked-documents/cps-aze-2014-2018-sd-04.pdf> (10.15.2015).
19. Harwood R. EIA, Development Consent and Member State Responsibilities. Journal of Environmental Law, 2004. № 16 (2). P. 261-278.
20. UNECE. Reviews of environmental performance. Azerbaijan. Second review. 2011. // URL: https://unece.org/DAM/env/epr/epr_studies/azerbaijan%20II.pdf (06.15.2022).
21. Decree of the President of the Republic of Azerbaijan dated October 26, 2011 “On some issues related to the provision of licenses and permits for certain types of business activities”.

Диалог культур в современном мире: проблемы и решения

В современную эпоху самым актуальным вопросом, составляющим глобальную повестку дня, является межкультурный диалог.

В настоящее время человек больше, чем когда-либо, ощущает потребность идентификации своего Я и находит способы этнической адаптации, осознавая и переживая принадлежность одновременно к множеству различных культурных общностей: этносу, нации, региону, цивилизации и т.д. [5, с. 41]. Но с другой стороны, анализируя состояние этнокультурной идентичности на современном этапе развития межкультурного взаимодействия, следует отметить, что как у отдельных индивидов, так и у общества в целом наблюдается ослабление локальной идентичности, потеря самоуважения, самодостаточности, внутренней значимости.

Техногенные катастрофы, волна кризисов (экономического, духовного), осознание исчерпаемости природных ресурсов привели к тому, что крупные страны «подминают» под себя более мелкие страны, которые становятся зависимыми и не имеют своего собственного мнения. Не сумев найти свое геополитическое и экономическое место на мировой арене, эти мелкие страны полностью выполняют «приказы» и «желания» более влиятельной и богатой с экономической точки зрения страны. В качестве примера можно привести отношения стран Евросоюза с США, которые по-прежнему считают себя сверхдержавой и считают, что они могут диктовать свою волю всем другим, без исключения, странам.

Процессы, начавшиеся в ЕС несколько лет назад и повлиявшие не только на европейские страны, но и, опосредованно, на Россию, имеют двойное воздействие: деструктивное, со стороны иммиграции и мультикультурных процессов, и конструктивное, способствующее созданию единой идентичности. Данные процессы, безусловно, обостряют внимание к проблеме идентичности и дают бесценный опыт для выбора нужного направления.

Так, для России и Китая самоидентификация в международном социуме является приоритетным вопросом. Еще в 2009 году было высказано

мнение, что в России идентичность «фрагментирована, поляризована и неустойчива» [3, с. 184]. По мнению исследователей, и сегодня процесс формирования идентичности в России еще не завершился, что характерно и для всего мирового сообщества, в котором «идентичности становятся все более множественными, фрагментированными, зависимыми от контекста; они имеют радикально исторический характер и постоянно находятся в состоянии изменения и трансформации» [4, с. 11].

На данном этапе развития общества человек не всегда может идентифицировать ту или иную культуру как чужую или даже как враждебную, а себя он, скорее, ощутит представителем множественной идентичности, поскольку культурная и национальная идентичность в эпоху глобализации отходит на второй план, являясь серьезным испытанием для тех стран, где еще сильны национальные традиции и устои. Но тем не менее мультикультурное общество пока еще не готово к диалогу, не говоря уже о том, что преэминентность культур – дело далекого будущего.

Однако, современная эпоха требует, чтобы представители различных культур и национальных обществ учились вступать в диалог, чтобы целью межкультурной коммуникации стала этническая толерантность, чтобы каждая личность не воспринимала враждебно чужой образ жизни, чужие обычаи, традиции, нравы, идеи, мнения.

При становлении межкультурных взаимоотношений большая роль отводится религии, которая может выступать как в качестве объединяющего, так и, несомненно, разъединяющего фактора.

История свидетельствует, что ислам и христианство как две самые значительные по духовному опыту и самые крупные по числу верующих религии оказали большое влияние на самоопределение народов и на их становление. Например, католицизм не только помог сформировать этническую идентичность итальянскому, испанскому, польскому, ирландскому, португальскому народам, но и связал эти народы с другими католическими странами. Таким образом, благодаря католической церкви, народы стран Латинской Америки, африканские страны, а также страны Африки породнились, их объединяет общая культура, вера и католические традиции. Этническая целостность белорусского, болгарского, греческого, грузинского, молдавского, сербского, русского народов стала возможной благодаря православию и православной церкви, а протестантизм оказал влияние на историческую судьбу народов США, Великобритании, Канады, Латвии и Германии. Подобное явление можно наблюдать и в исламе, который объединил египетский, алжирский, афганский,

иранский, киргизский, таджикский, турецкий и многие другие народы.

Вместе с тем известно немало примеров прямо противоположного влияния религии как на этносы, так и на межэтнические отношения. Так, не всегда отношения между христианскими и исламскими странами были безоблачными. И сегодня многие из них никак не войдут в русло конструктивного диалога, а сопровождаются взаимным недоверием, основанным на непонимании чужой ментальности, которое зачастую переходит в открытую вражду и ненависть.

Но, к сожалению, разобщение наблюдается не только между ментально и культурно дифференцированными народами. Сегодня, к сожалению, не только государственные границы и политические системы разделяют родственные по вере, общей истории и даже менталитету славянские народы, многие из которых не только разобщены и вступают друг с другом в открытое противостояние, в том числе и религиозное. Не только славянские народы католического, протестантского и православного вероисповедания не найдут точек соприкосновения. Даже внутри одной концессии можно вспыхнуть огонек вражды и превратиться в пожар, если его вовремя не потушить. Таковы сейчас отношения между некогда братскими русским и украинским народами. Если взять страны с полиэтническим населением, каковыми являются Болгария, Македония, Босния, Россия, то между гражданами внутри этих государств постоянно возникают этнические конфликты.

Такая же конфессиональная пестрота и у стран исламского вероисповедания (в их число входит большинство населения не менее двадцати азиатских и африканских стран). Граждане этих стран тоже религиозно разобщены, и это разобщение то и дело выливается во взаимное противостояние. Преобладают среди них приверженцы ислама, но и в этой среде наличествует противоборство суннитов, шиитов, ваххабитов и приверженцев более мелких исламских сект (например, ахмадийцев). Всем им активно противостоят арабы-христиане, тоже расколовшиеся на монофизитов, православных и католиков со всеми вытекающими отсюда последствиями, ослабляющими арабский метаэтнос.

Все вышеизложенные обстоятельства существования поликультурного межэтнического пространства не могут не сказаться на межкультурных взаимоотношениях, порою носящих характер культурного конфликта.

Под культурным конфликтом понимается «особая форма межкультурного взаимодействия, в основе которой лежат культурные противоречия, непринятие иных культур и культурных ценностей, что приводит к подавлению и даже носителей иных культур. Таким образом, в центре культурного

конфликта лежат мировоззренческие и религиозные установки, обусловленные несовместимостью взглядов на традиции, нормы и правила определенной этнической группы или целого этнического сообщества [1, с. 237].

Л.М. Бажанова считает, что «в самом процессе культурной глобализации изначально заложен определенный конфликтный потенциал, поскольку представителям различных культур нередко приходится пересматривать или отказываться от отдельных традиционных принципов и ценностей собственной культуры» [1, с. 239]. А отказавшись от собственной культуры, на наш взгляд, нельзя адекватно воспринимать чужую культуру, в связи с чем становится невозможным взаимопонимание, а значит и взаимосотрудничество. Но и в том случае, когда имеет место национально-культурная идентичность, между этносами и народами возникают споры, конфликты, приводящие зачастую к кровавым столкновениям, ведь каждый индивид смотрит на мир глазами своей собственной культуры. Таким образом, религиозная нетерпимость, несовместимость ментальных установок, этических норм, культурных традиций осложняет межэтническое общение в рамках диалога культур. .

На наш взгляд, вышеупомянутые проблемы можно предотвратить. Поиск путей сотрудничества и взаимопонимания в рамках межкультурного диалога является приоритетным направлением современной глобалистики.

Е.Л. Гореликов считает, что в современном гражданском обществе должен осуществляться этнокультурный мониторинг, проводимый институтами социальной службы, которые на основе данных этнокультурной толерантности помогут установить необходимый культурный минимум для продуктивного социокультурного диалога этносов и связанного с ним взаимовыгодного сотрудничества [2, с. 107].

Данный исследователь считает, что успешная реализация взаимодействия в процессе диалога культур будет обеспечена:

- воспитанием этнолингвистической культуры;
- формированием толерантности на основе этнической идентичности;
- предотвращением и урегулированием конфликтов в мультикультурном социуме, в особенности межэтнических и межконфессиональных;
- налаживанием межэтнического диалога в социокультурной сфере;
- образованием и активизацией гражданской элиты как лидера межэтнической консолидации и инструмента оптимизации этносоциального контекста жизни.

2-3 мая 2019 года в Баку под патронажем президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева в сотрудничестве с ЮНЕСКО, Альянсом ци-

визаций ООН, Всемирной туристской организацией ООН (ВТООН), Советом Европы и Исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО) проходил Всемирный форум по межкультурному диалогу. На этом форуме межкультурный диалог был представлен в качестве единственно важной и действенной стратегии, способствующей укреплению мира на земле.

Все участники форума пришли к выводу, что общие универсальные ценности, составляющие основу каждой культуры в отдельности, а также всех культур мира, представляют собой тот пласт, который может послужить платформой для межкультурного диалога. Именно в этом контексте философское осмысление форм и условий построения межкультурного диалога приобретает большое значение.

Межкультурное взаимодействие в рамках «диалога культур» открывает новые грани отношений, которые складываются между культурами в процессе взаимного обмена культурными идеями, нормами и ценностями контактирующих культур. Но при этом в условиях «мозаики культур» народов, населяющих нашу планету, когда общечеловеческие ценности не могут пониматься однозначно, каждый элемент межкультурного взаимодействия должен рассматриваться с учетом уникальных национальных культур. Понимание «чужих» ценностей и передача знаний и ценного опыта при взаимодействии со своей собственной культурой из поколения в поколение способствует единству мирового поликультурного глобального пространства.

Список литературы:

1. Бажанова Л.М. Особенности культурного конфликта в условиях глобализации // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 64. С. 236-242.
2. Гореликов Е.Л. Гражданский контекст жизни современного российского социума сквозь призму толерантности // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сб. статей. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 107-109.
3. Жаде З.А. Трансформация идентичности в условиях глобализации // Человек – объект и субъект глобальных процессов: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: 2009. С. 80-85.
4. Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России в современном мире – СПб.: Норма, 2005. С. 7-20.
5. Одегова О.В. Многоликость персональной и этнокультурной идентичности в условиях глобализации культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 41-46.

Bibliography

1. Bazhanova L.M. Features of cultural conflict in the context of globalization // Bulletin of the Stavropol State University. 2009. № 64. P. 236-242.
2. Gorelikov E.L. Civil context of life of modern Russian society through the prism of tolerance // Tolerance in modern society: experience of interdisciplinary research: collection of articles. articles. - Yaroslavl: Publishing House of YaGPU, 2011. P. 107-109.
3. Zhade Z.A. Transformation of Identity in the Conditions of Globalization // Human Being as an Object and Subject of Global Processes: Proceedings of the Intern. scientific conf. - St. Petersburg: 2009. P. 80-85.
4. Malinova O.Yu. Identity as a Category of Practice and Scientific Analysis: On the Difference of Approaches // Human Rights and Problems of Identity in Russia in the Modern World - St. Petersburg: Norma, 2005. P. 7-20.
5. Odegova O.V. The diversity of personal and ethno-cultural identity in the context of globalization of culture // Tomsk State University Bulletin. 2011. № 3. P. 41-46.

Цэн Хаоюй

Магистр, факультет искусств.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Российско-китайская межкультурная коммуникация в условиях современности

Роман талантливого китайского писателя и переводчика Цзэн Пу (1871–1935) «Цветок в грешном море» [1] сыграл большую роль во введении китайцев в повседневную жизнь России. События, описанные в этом романе, частично происходят в России. Также в этом романе упоминаются имена Льва Толстого, Николая Чернышевского, Александра Герцена. Кроме того, Цзэн Пу познакомил китайских читателей с русскими революционерами.

Специальная статья, вышедшая в тот период в Китае, была посвящена жизни русской революционерки Софьи Перовской [11]. Вместе с тем, однако, появлялось все больше и больше статей, содержащих негативные комментарии о политике России в отношении Китая в начале XX века. Это оказало большое влияние на формирование неблагоприятного образа России в сознании китайцев. В основном эта реакция была связана с определенными действиями российского имперского правительства (предшествующий факт участия русских войск в подавлении ихэтуанского (боксерского) восстания, а также бои на территории Китая во время русско-японской войны 1904–1905 гг., и так далее).

Поражение России в русско-японской войне китайский народ рассматривал как возможность для азиатской нации одержать победу в конфликте с европейским государством. Редколлегия во главе с «Ассоциацией сопротивления России», членом которой был Цай Юаньпэй (будущий министр образования в республиканском правительстве и ректор Пекинского университета), стремилась вести активную антироссийскую пропаганду. В то же время деятельность этой прессы указывала на другие проблемы. Постепенно писатели, писавшие в «Эши Цзинвэнь», вместо критики российской политики стали пропагандировать опыт русской революции.

В Китае первое десятилетие 20 века было периодом развития активной общественной мысли, в то время как существовало опасение ситуации

внутреннего кризиса, отрицательно сказывающегося на политическом климате Китая. В этот период формировалось мировоззрение представителей революционного направления. Китайские мыслители уделяли большое внимание как внутреннему положению, так и событиям, происходящим в других странах.

В 1860–1880-х годах представители китайской интеллигенции и бюрократии лишь отдаленно задумывались о возможности использования научных, технических и военных достижений, почерпнутых из внешнего мира. Однако спустя несколько десятилетий (в начале XX в.) китайские мыслители и особенно представители радикально-революционного направления уже пытались активно осмысливать подобные перспективы. Именно поэтому Россия стала очень привлекательной для этой части китайского общества.

Анализ опыта русской революции 1905–1907 годов и событий 1917 года был неотъемлемой частью осмысления собственной действительности. Образ революционной России, борющейся с самодержавием, долгие годы оставался важнейшей социальной идеей китайского народа. Здесь мы должны отметить, что влияние русской революции 1905–1907 годов на развитие революционных идей в азиатских странах было действительно очень большим. Не придавая особого значения социальному смыслу этой борьбы, ведущие деятели национально-освободительного движения видели в ней символ противостояния всевластию и деспотии, образ силы сопротивления революционеров. В год начала революции в России союз китайских революционных сил образовал политическую организацию «Объединенная китайская лига» (Тунмэнхуэй). В «Минь Бао» было опубликовано много материалов, посвященных русской революции 1905–1907 гг., свидетельствующих об огромном интересе китайских революционеров к событиям в России.

Образ России в китайской периодике первого десятилетия XX века был разнообразным. Прямые параллели между Россией и Китаем по общественно-политическому строю в китайских революционных периодических изданиях и газетах. Они предложили использовать опыт русских людей. Здесь же следует отметить, что читательская аудитория подобных периодических изданий была весьма ограниченной, хотя они представляли весьма активный слой китайского общества.

Уместно рассмотреть восприятие революции 1905–1907 гг. китайскими политическими и общественными деятелями с двух точек зрения. Во-первых, его следует рассматривать как осмысляющий опыт зарубежной

страны. Во-вторых, это как бы неотъемлемая часть формирования положительного имиджа России и последующего заимствования идущих из России концепций политической борьбы. В дальнейшем эти события привели к закладке основ осмысления идей русской революции Октября 1917 г. и опыта социалистического строительства в СССР.

Эту проблему можно рассмотреть на основе статей выдающихся членов «Единого китайского союза» Сун Цзяожэня (1882–1913) и Ху Ханьмина (1879–1936), посвященных русской революции 1905–1907 гг. Эти статьи были опубликованы в центральном органе печати — газете «Минь Бао». Там Сун Цзяорен под псевдонимом Цян Чжай опубликовал свои статьи «Независимость Ливляндии» [3] и «Русская революция 1905 года» [3]. Эти произведения, являясь пересказом русской революции, описанной в некоторых японских изданиях, были переосмыслены и пропущены через призму личного осмысления. Статьи Ху Ханьмина «Газета Российской революционной партии» [3] (под псевдонимом Бинь Цзянь) и «Положение в России после принятия Конституции» (под псевдонимом Цюй Фэй) были опубликованы в «Минь Бао». Сун Цзяожэнь и Ху Ханьминь в своих статьях старались предоставить читателю факты, связанные с событиями в России. Иногда они пытались объяснить их на основе собственного восприятия. Ху Ханьминь подчеркивал важность поддержки со стороны простых людей, отмечая, что «русская революционная партия» добилась успеха только благодаря поддержке народа.

Судя по статьям, и Ху Ханьмин, и Сун Цзяожэнь стремились привить мысль о необходимости использования русского революционного опыта и освоить тактику активной борьбы с самодержавием. До конца 20 века все политические и общественные деятели, выступавшие против режима династии Цин, делали упор на техническое превосходство европейских стран, а также США и Японии.

В начале 20 века выдающиеся деятели революционного движения стали предлагать примеры революций: Великая французская революция и Русская революция 1905–1907 гг. Это была так называемая попытка найти «спусковой крючок» социальных изменений.

Воля к расширению геокультурного пространства, развиваясь на обочине расширения геополитического пространства, обеспечивало активное заимствование достижений других культур (не только с Запада, но в определенной степени и с Востока). Все это повлияло на тенденции китайского восприятия культуры в России.

Ситуация коренным образом изменилась на рубеже XVIII—XIX вв. В

этот период возрастает интерес к России и русской культуре в Китае. Это было вызвано уже начавшейся трансформацией китайского общества. По мнению русских китаеведов В.Б.Меньшикова и О.Е.Непомнина, на рубеже XVIII—XIX вв. сложилась «интерформационная система между цивилизациями (с характерными чертами конгломерации и дисбаланса, взаимных противоречий и борьбы» в китайском переходном периоде общества)» [4].

Интерформационные и межкультурные тенденции китайского общества того периода определили баланс между институтами социальных и политических исследований на стыке исторических периодов и интенсивным поиском путей нового развития, связанных с заимствованием образцов из культурной традиции и общественной практика других сообществ, что послужило поводом для обращения к русской литературе и политической культуре того периода. В последующем русская революция 1917 г. и китайская революция 1949 г. дали толчок к углублению таких процессов.

Список литературы:

1. Ли Хуэй. Китай играет ведущую роль в новой структуре глобального управления // Международная жизнь. 2020. № 1. С. 106-107.
2. Невренчин С.М. Информационное измерение «мягкой силы». – М.: АНО ЦСОиП, 2017. С. 8-24.
3. Волков К. Медиамир Москвы и Пекина // Российская газета. – М.: 2017. 5 июля. С. 2;
4. Громов А. Москва и Пекин создают новый информационный порядок // Комсомольская правда. – М.: 2017. 5 июля. С. 2.
5. Денисов А.И. Нынешние российско-китайские отношения – лучшие за всю их историю // Международная жизнь. – М.: 2019. № 2. С. 38-50.
6. Виноградова Н.В., Хасанова Д.Д. Язык как выражение национального менталитета // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5 (156). С. 525-526.
7. Бондаренко А.В. Творчество как феномен культуры // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 4 (45). С. 252-254.

Bibliography

1. Li Hui. China plays a leading role in the new structure of global governance // International Affairs. 2020. № 1. P. 106-107.
2. Nebrenchin S.M. Information dimension of “soft power”. – M.: ANO TsSOiP, 2017. P. 8-24.
3. Volkov K. Media world of Moscow and Beijing // Rossiyskaya Gazeta. – M.: 2017. July 5. P. 2.
4. Gromov A. Moscow and Beijing create a new information order // Komsomolskaya Pravda. – M.: 2017. July 5. P. 2
5. Denisov A. I. The current Russian-Chinese relations are the best in their entire history // International life. – M.: 2019. № 2. P. 38-50
6. Vinogradova N.V., Khasanova D.D. Language as an expression of national mentality // Eurasian Legal Journal. 2021. № 5 (156). P. 525-526.
7. Bondarenko A.V. Creativity as a phenomenon of culture // Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies. 2015. № 4 (45). P. 252-254.

Китайская народная опера как феномен национального искусства

«Какофония! Цимбалы, гонг, барабаны... Их непрекращающийся ритм заполняет каждый уголок театра. Затаив дыхание, зритель смотрит на сцену. Что-то вот-вот произойдет! Что-то очень важное... Музыканты, сидящие на сцене, смотрят в одну точку. Их взгляд устремлен на человека, который яростно бьет двумя палочками в маленький барабан на треноге. Сцена полностью освещена, но почти пуста. Из декораций – только ковер, покрывающий театральные подмостки. Внезапно с правой стороны на сцену врывается цветной вихрь, за ним – еще один, потом – другой. Это актеры с разукрашенными всеми цветами радуги лицами, в невероятно огромных, не по размеру, ботинках, в пестро расшитых и, как кажется на первый взгляд, тяжелых костюмах, напоминающих надутые шары, в образе фантастических существ. Некоторые из них в руках они держат хлысты с кисточками, изображая наездников. Лошадей нет, но этого и не нужно. Обо всем зрителям расскажут жесты и мимика», - так вспоминает свое первое знакомство с китайской оперой американский журналист Питер Ловрик [8, с. 3].

Действительно, первое посещение китайской оперы – это ошеломляющее впечатление от цвета, звука, движения. Китайская опера – это синтез песен, декламаций, пантомимы, танца и акробатики. По сути, китайская опера не является оперой в европейском значении этого слова. Слово «опера», как отмечает Сиэ Вэй, «было внедрено в обиход китайского народа в результате западного влияния». Однако, сущность китайское оперы данное слово отражает, ведь под оперой традиционно понимают «вид музыкального искусства, в рамках которого соединяются воедино драма и музыка, то есть – спектакль и пение» [1, с. 780]. Китайская опера – это тоже спектакль, драма с элементами мюзикла, но, в отличие от театральной постановки, к которой привык европейский зритель, китайская опера отличается от реализма и натурализма, по пути которого пошел западный театр. Если реалистическая пьеса воссоздает ситуацию на сцене вплоть до мельчайших деталей, для китайского представления характер-

на условность. Чтобы понять смысл спектакля, необходимо знать особенности интерпретации жизненных реалий. Например, хождение по кругу вокруг сцены символизирует долгое путешествие. Когда герои придут в точку назначения, в свои права вступает пантомима. Вот персонажи открывают воображаемую дверь, перешагивают через воображаемый порог и входят в дом, где сталкиваются с недоброжелателями, не желающими делиться с путешественниками крышей над головой. Начинается борьба, а точнее – акробатические элементы.

Что делает китайскую оперу такой уникальной, выделяя ее среди всех форм искусства? Прежде всего, техника перевоплощения. Переправа через реку, спуск с горы, подъем по лестнице, военное сражение – все эти эпизоды представлены не с позиций реалистического искусства. Обстановку передают движения актера. Однако, «эффект достигается даже более сильный, чем при наличии декораций и реквизита» [3, с. 25].

Традиционная китайская опера прошла долгий путь развития, но это был самобытный путь, тесно связанный с историей, географией и историей страны, с национальными традициями и ценностными ориентациями китайского народа, сохранившего свою индивидуальность на всем протяжении его эволюции. Считается, что она берет свое начало в ритуальных песнопениях и песенно-танцевальных представлениях различных эпох, в мистериях-карнавалах, в процессе проведения которых участники облачались в звериные шкуры с соответствующими масками, в мистериях-инсценировках, повествующих о жизни богов и других мифологических персонажей.

С XII по XIV вв. в Китае получил развитие жанр *цзасцюй* (буквально: «смешанные представления»). Театрализованные выступления цзасцюй давались в балагане, формой напоминая цирковой павильон, и состояли из вокала, музыки, танцев и других элементов, которые позже стали входить в китайскую оперу.

Официальной датой рождения китайской оперы считается 1790 год, когда четыре театральные труппы из провинции Аньхой собрались в Пекине и выступили на торжествах по случаю 80-летия императора. Вскоре к ним присоединились труппы из других провинций [7, с. 101]. Но тогда подобные представления оперой, естественно, не назывались. Китайская народная опера как жанр, созданный на пересечении фольклора, традиционной китайской драмы и европейской оперы, появилась только в XX столетии – в эпоху влияния на китайское музыкальное искусство влияния западной оперы.

Первые оперные постановки в Китае, созданные в 1920 году, затронули детскую аудиторию. Первая серия китайских опер – 12 детских танцевально-песенных драм – была создана китайским композитором Ли

Цзиньхуэем. Самыми популярными из них считаются «Воробей и дети», «Маленький художник» и «Виноградная фея». [5, с. 181].

Однако, формирование современной китайской оперы трудно представить без имени Аарона Авшаломова – китайского (а позже и американского) композитора российского происхождения, который долгое время прожил в Китае и был хорошо знаком с местными обычаями и традициями. В 1925 году А. Авшаломов написал оперу «Гуанъинь – богиня милосердия». Несмотря на китайский сюжет, эта опера написана в соответствии с европейскими традициями [4, с. 155].

Следующий этап развития китайской оперы приходится на период гражданской войны в Китае, разразившейся в 1927 году и продолжавшаяся, с небольшими перерывами, вплоть до 1950 года. В это беспокойное время многие китайские композиторы «использовали музыку в качестве оружия для ведения патриотической борьбы. Заимствуя западные приемы создания оперы, они использовали революционную борьбу масс в качестве темы и пытались вплести в оперу китайские национальные элементы» [1, с. 781]. Примером такой оперы является музыкально-драматическое произведение «Шторм на реке Янцзы», написанная в 1935 году композитором Тянь Ханем.

В 1945 году в театральной жизни Китая состоялось знаковое событие – премьера оперы «Седая девушка», очень близкой к современной опере как с точки зрения музыкальной формы, так и с точки зрения сценической и театральной композиции» [1, с. 781], в связи с чем можно говорить о рождении в Китае по-настоящему национального оперного произведения. Именно с появлением на китайской сцене этой постановки сформировалась уникальная музыкально-драматическая модель, соединившая в себе китайские и европейские исполнительские традиции.

В 50-60-х годах XX века, т.е. до эпохи Культурной революции, в Китае появилось такое количество ставших известными оперных произведений, («Красный коралл», «Две красноармейки», «Красная охрана озера Хунху», «Утес красных облаков», «Великая стена южных морей» и др.), что можно с полным правом считать это время процветанием данного жанра не только внутри страны, но и за ее пределами, поскольку «каждый год китайский театр выезжал на гастроли в другие провинции и города, и каждый раз представление заканчивалось аншлагом» [1, с. 783].

В годы Культурной революции (1966–1976) традиционная китайская опера была незаслуженно забыта. Это десятилетие считается самым трагическим в истории китайского оперного искусства. Нет, конечно, и в этот период времени театр функционировал. Но на сцене ставились, как пра-

вило, музыкальные произведения, называемые «революционной пекинской оперой», которые отбросили назад развитие оперного искусства, проявив односторонний подход к тематике и содержанию жанра [4, с. 158].

Когда в конце 1970-х годов литература и искусство Китая стали приходить в себя, китайская опера стала развиваться невиданными темпами. Здесь надо сказать особо, что китайская опера на этом витке развития китайского искусства пошла по новому пути. С одной стороны, появились произведения, основанные на западных примерах классической оперы («Марко Поло», «Чжан Цянь», «Цан Юань» и др.). С другой стороны, в китайской опере сохранились сюжеты на революционные мотивы («Дочь партии», «Красный снег» и др.). Спектакли второго направления пользовались огромной популярностью в Китае. Но тем не менее в рамках обоих направлений наблюдается синтез двух стилей и в области пения, и в области музыкального сопровождения – национально-китайского и западного, до этого исключавших друг друга.

С началом «политики реформ и открытости» начался третий этап развития китайской оперы, поражающий зрителей «обилием талантливых произведений и яркостью художественных решений» [2, с. 61]. С этого времени китайская опера активно развивается, увеличивая армию не только китайских, но и западных поклонников. В 1981 году состоялась премьера оперы «Скорбь об усопших», ставшей произведением нового оперного формата и поднявшим на новый уровень всё современное оперное искусство Китая в 80х годах XX века.

Последнее десятилетие XX века отмечено поиском новейших способов музыкального выражения оперной постановки. В этот период времени появляются такие незаурядные оперы, как «Широкие луга», «Гроза» и др.

Начало XXI века ознаменовалось началом нового культурного движения в области развития жанра китайской оперы, которое проявилось в стремлении к модернизму, но с сохранением традиционных черт данного жанра, сохраняющего как национальную специфику китайской оперы, опирающуюся на фольклор, так и тенденции к внедрению методов создания оперы, принятых в мировом искусстве. Яркий пример современного этапа развития пекинской оперы является спектакль «Пламя и ветер погубят древний город», поставленный по роману писателя Ли Ингру. Музыка к опере написал композитор Чжан Жуой.

Сюжет этой оперы построен на фактах истории борьбы китайского народа в войне с Японией. Для китайской молодежи эта опера имеет большое воспитательное значение, рождая в их сердцах и душах патриотизм.

Сегодня под эгидой китайской оперы собраны сотни традиционных ки-

тайских театральных форм с очень разными музыкальными и исполнительскими стилями и социокультурными контекстами, хотя довольно часто, когда говоря о китайской опере имеют в виду одну из ее региональных форм – Пекинскую оперу. Как утверждает Д.П. Лей, пекинская опера становится метонимическим представлением всех традиционных театральных форм Китая, независимо от времени, регионов, языка и стилей исполнения [6, с. 8-9].

«Пекинская опера, - пишет Ху Яньли, - максимально выражает внутреннее богатство китайской национальной культуры, которой более пяти тысяч лет. От момента зарождения оперы и до сих пор она находится в процессе непрерывного развития и самосовершенствования, она впитала в себя преимущества других местных опер, а многочисленные ее создатели способствовали ее реформе и сохранили ее творческий потенциал [3, с. 26].

Итак, традиционная китайская опера на протяжении многих лет, с конца XVIII до начала XXI века, стремительно развивалась как область музыкального искусства, при этом сохраняя национальные традиционные особенности, но и в то же время вбирая особенности западно-европейской музыкальной культуры, что в итоге привнесло в оперную драматургию неповторимый колорит. А благодаря стилизованности постановки, виртуальности изображения китайская опера стала единственным такого рода жанром на мировой оперной сцене.

Список литературы:

1. Сиэ Вэй. Особенности становления и развития китайской оперы // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: Материалы V Международной научной конференции. – М.: МХПИ, 2021. С. 779-784.
2. Сунь Лу. Жанр народной оперы в творчестве Ван Цуцзе и Чжан Чжуоя // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2018. № 2 (48). С. 51-54.
3. Ху Яньли. Китайская опера как нематериальное культурное наследие Китая // Общество: философия, история, культура. 2015. № 4. С. 25-29.
4. Чжао Мэн. Рождение оперы в Китае: периодизация процесса, стилевые особенности // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. С. 155-160.
5. Ян Шугуан. Цзинь, Юнчжэ. Исследование исполнения китайских народных опер // Китайская музыка. 2010. № 2. С. 180-189.
6. Lei D.P. Alternative Chinese Opera. in the Age of Globalization. Performing Zero. – London: Palgrave Macmillan, 2011. 232 с.
7. Leiter S.L. Encyclopedia of Asian Theatre. – Westport, CT: Greenwood, 2007. 512 p.
8. Lovrick P. Chinese Opera. Images and Stories. – USA: UBC Press, 1998. 110 p.

Bibliography

1. Xie Wei. Peculiarities of formation and development of Chinese opera // Image of the Motherland: content, formation, actualization: Proceedings of the V International Scientific Conference. – M.: MHPI, 2021. P. 779-784.
2. Sun Lu. Folk opera genre in the work of Wang Cujie and Zhang Zhuoy // Actual problems of higher musical education. 2018. № 2 (48). P. 51-54.
3. Hu Yanli. Chinese opera as an intangible cultural heritage of China // Society: philosophy, history, culture. 2015. № 4. P. 25-29.
4. Zhao Meng. The Birth of Opera in China: Periodization of the Process, Stylistic Features // Modern Pedagogical Education. 2021. № 9. P. 155-160.
5. Yang Shuguang, Jin, Yongzhe. Study of the performance of Chinese folk operas // Chinese music. 2010. № 2. P. 180-189.
6. Lei D.P. Alternative Chinese Opera. in the Age of Globalization. Performing Zero. – London: Palgrave Macmillan, 2011. 232 p.
7. Leiter S.L. Encyclopedia of Asian Theatre. – Westport, CT: Greenwood, 2007. 512 p.
8. Lovrick P. Chinese Opera. Images and Stories. – USA: UBC Press, 1998. 110 p.

Китайский балет в контексте национальных традиций

В настоящее время Китай занимает одно из ведущих место во всех сферах жизни общества, в том числе и культурной. Но жанр балета пришел на китайскую землю практически недавно, всего каких-нибудь сто лет назад, хотя танцевальная традиция в Китае имеет длинную историю.

В Китае танцевальное искусство за четыре тысячи лет его существования поднялось на невиданную высоту. Уникальные национальные особенности китайского танца оттачивались день ото дня на протяжении всего развития китайской цивилизации. Но балет как высшая форма танцевально искусства был неведом Китаю вплоть до XX века.

Следует отметить, что до начала современной эры развития искусства, которая началась в прошлом веке, в Китае существовало два вида танцев: народный и сценический. Сценический танец, исполнялся при дворе, т.е. был частью придворной жизни. Воплощая в себе образы поэзии, и художественное искусство во всех его видах (например, скульптуры) китайский танец был настолько утонченным и богатым, что поражал всех, кто впервые знакомился с этой формой китайского искусства.

Сегодня китайский народный танец, поражающий разнообразием стилей, стал активно использоваться в балетных постановках, расширяя тем самым рамки балетного искусства как искусства, приближающегося к народу. Что касается балета, то его формирование и становление приходится на 1950-1960 годы. И важную роль в этом сыграли традиции как национально-народного танца, так и русской балетной школы.

Можно сказать, что с балетом китайцы впервые познакомились в 1922 году, когда г. Харбин посетила балетная труппа Малого академического театра, в составе которой находилась Анна Павлова – гениальная танцовщица. Тогда харбинцы увидели «Спящую красавицу», «Лебединое озеро» и другие известные балетные постановки [2, с. 259]. Китайцы так были восхищены балетом, что по всей стране началось открытие балетных школ – сначала в Харбине, потом в других городах. Но бурное раз-

витие китайского балета началось после Октябрьской революции в России. В это время в Китай, большей частью в Харбин, потянулись потоки эмигрантов, среди которых было много деятелей искусства, в том числе и балетмейстеры, известные танцоры, композиторы. Прибыв в Китай, они продолжили свою работу, обучая китайцев классическому танцу.

Но полномасштабная подготовка национальных кадров в области балета началась в Китае лишь в 1954 году, когда в страну по приглашению Министерства культуры Китая были приглашены советские балетмейстеры. Обучаясь у профессионалов балетного искусства, китайские артисты передали у них «весь спектр эстетических особенностей классического западного балета, элегантность и простоту движений, симметрию и равновесие» [1, с. 97].

Однако, хореографы и артисты китайского балета не собирались полностью копировать русские балетные традиции, которые, в свою очередь, имеют европейскую первооснову. Материал для балетных постановок они брали из жанра китайской оперы, из боевых искусств, из мифологии и бытовых традиций, разбавляя его традиционными китайскими танцами. Исследователи утверждают, что современный китайский балет «возрождением древнего танца, придворного оперного танца и в целом китайской танцевальной традиции, имеющей древнюю многотысячелетнюю историю» [1, с. 97].

Первым шагом к созданию национального балета в Китае стала постановка «Голубь мира» (1950), посвященная корейскому народу, оказывавшему сопротивление американской агрессии. Однако, этот спектакль успеха не имел. Публика не принимала сочетания художественных приемов европейского балета и китайских танцевальных традиций при отражении современной темы [5, с. 20].

Но премьера следующего балета – «Красавица Рыбка», состоявшаяся в октября 1959 года и тоже представляющая синтез китайских и европейских танцевальных традиций, прошла с большим успехом. Причина кроется в том, что этот спектакль имеет мифологический сюжет.

Некоторые исследователи считают, что «Красавицу-рыбку» в прямом смысле национальным балетом назвать нельзя, что его структура по-прежнему выдержана в традиционном балетном стиле и имеет много общего с «Лебединым озером» по сюжету и расположению персонажей [4, с. 268]. Однако, в «Красавице-рыбке» можно увидеть много элементов китайского народного танца. И этот танец вводится в сюжет не спонтанно. Он привязан к сюжету и иллюстрирует сюжетную линию спектакля,

психологическое состояние героев, их эмоции, природные стихии и т.п.

Политическая стратегия развития страны не могла не сказаться на китайском искусстве, в связи с чем балетное искусство пополнилось рядом спектаклей, посвященных теме революционной борьбы (примером тому является героический драматический балет «Красный женский отряд»). По форме подобные постановки были приближены к европейскому и русскому балету. Но тематика революции, история революционной борьбы и жизни китайского народа в послереволюционные годы определила его национальную специфику.

Шедевром китайского хореографического искусства является балет «Седая девушка», поставленный по мотивам сюжета китайской оперы – национального вида китайского музыкального искусства. В эту постановку также был интегрирован китайский танец, подчеркивающий дух сопротивления и борьбы героини. Чтобы показать борьбу героини со зверем, в этот балет были добавлены такие традиционные китайские движения, как: «большой прыжок», «шаги на коленях» и др. Эти элементы являются частью китайской оперы, для которой характерна условность. Поскольку эта постановка показывает атмосферой повседневной жизни китайского народа, его культуру и этнические обычаи, то создатели спектакля включили в него мужские и женские массовые танцы, ритуальные танцы и т.п. Кроме того, на протяжении всего действия зритель не сводит глаз с позой и мимикой героев, так характерных для китайской оперы.

Таким образом, большинство балетных спектаклей Китая, в том числе и «Седая девушка», хоть и соответствуют драматической структуре русского балета, в танцевальных движениях, музыке, костюмах и других элементах стремятся к национализации. Именно «опора на национальные традиции, национальный эстетический вкус стал причиной успеха балета у китайского зрителя» [1, с. 100].

Но почему же китайский балет, унаследовав все формы, методы и технику балетного искусства так уникален? На этот вопрос исследователи отвечают так: «Как форма искусства западной культуры, балет полностью воплощает стиль, темперамент и культурную коннотацию западноевропейцев: тяготение к линейным передвижениям и удлинённым формам. А история цивилизации в Китае на протяжении тысячелетий сформировала совершенно иную и уникальную культурно-психологическую модель, отличную от западного мира <...> В национальных танцах Китая движения идут по спирали и кругу, потому что в китайской культуре круг символизирует основной эстетический закон – гармонию, через соеди-

нение простого и сложного, медленного и динамичного, виртуального и реального. В этом заключается суть китайской художественной концепции, ярко отражающей национальный характер, отточенную китайской философской мыслью на протяжении тысячелетий» [1, с. 100-101].

Еще одной национальной особенностью китайского балета является добавление в состав симфонического оркестра, укомплектованного европейскими инструментами, национальных инструментов. В первую очередь, это ударные, представленные в большом количестве в национальной китайской опере и танцевальных драмах [5, с. 135]. Китайские народные инструменты приносят в китайский балет национальный колорит и отражают национальное своеобразие развития китайского народа.

Итак, западные культурные традиции оказали большое влияние на китайский балет. Но тем не менее китайский балет в настоящее время – совершенно новый жанр в мировом искусстве. С одной стороны, он воспринял западную методiku построения танца, но с другой стороны, китайский балет принадлежит к подлинно китайскому национальному искусству. Его музыкальное сопровождение, хореография, особенности сценария отражают традиции народных танцев и танцев народной китайской оперы [3].

Создание национального балета является отражением творческого сочетания традиционной культуры, национальных особенностей Китая и европейских танцевальных традиций. Все это обогащает форму и содержание мирового балета.

Список литературы:

1. Амгаланова М.В., Вэй Цзыцин. Китайский балет: синтез национальных и европейских традиций // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2021. № 2 (180). С. 94-104.
2. Дрынкина Т.И., Ли Жуй. Истоки становления нового китайского классического танца // Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 257-261.
3. Цянь Сунь. Генезис китайского балетного искусства // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 9. С. 83-90.
4. Чжан Хуйюй. Становление балетного искусства в Китае в контексте развития мирового балета // Научные междисциплинарные исследования: сборник научных трудов. – Саратов: Добросвет, 2021. С. 267-271.
5. Чэнь Синьхэн. Китайские балеты периода Культурной революции: связь с европейской традицией: дисс. ... канд. искусств. – Нижний Новгород, 2022. 232 с.

Bibliography

1. Amgalanova M.V., Wei Ziqin. Chinese ballet: synthesis of national and European traditions // Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture. 2021. № 2 (180). P. 94-104.
2. Drynkin T.I., Li Rui. The origins of the formation of a new Chinese classical dance // Tsarskoye Selo readings: materials of the international scientific conference. Vol. 1. - St. Petersburg: Leningrad State University. A.S. Pushkin, 2017. P. 257-261.
3. Qian Sun. Genesis of Chinese ballet art // Bulletin of the Belarusian State University of Culture and Arts. 2008. № 9. P. 83-90.
4. Zhang Huiyu. The formation of ballet art in China in the context of the development of world ballet // Scientific interdisciplinary research: a collection of scientific papers. - Saratov: Dobrosvet, 2021. P. 267-271.
5. Chen Xinheng. Chinese ballets of the Cultural Revolution period: connection with the European tradition: diss. ... cand. art critic. - Nizhny Novgorod, 2022. 232 p.

Китайский национальный балет: традиции и новаторство

Любые значительные явления в искусстве возникают на пересечении традиций и новаторских тенденций. В каждом произведении, включенном в художественный процесс, всегда можно проследить, с одной стороны, черты преемственности, связывающие его с прошлым, а с другой, творческое новаторство. Балет, поднявший искусство танца на невиданную высоту, также существует на пересечении традиций и новаторства. Балетная постановка как губка впитывает в себя достижения накопленного ранее опыта балетного искусства. но не менее важно для этого жанра ощущение ритма современности и живые импульсы современности. Таким образом, в балете не просто пересекаются традиции, живущие в прошлом, им новаторство, опирающееся на настоящее. Традиции и новаторство живут друг в друге, составляя его подлинную душу [1, с. 167].

Но что такое традиции? Традиции – это жизнь прошлого в настоящем. Применительно к балетному искусству, традиции есть творческое использование завоеванных ранее достижений балетного искусства. В этом смысле китайский национальный балет не ушел далеко от классической европейской хореографии, которая посетила Китай более чем сто лет назад с приездом в страну русских балетных «миссионеров». Они привезли с собой лучших хореографов и лучших артистов. Открывая в Шанхае, Гуанчжоу и других городах русские балетные школы, они учили китайцев классическому танцу в контексте тех традиций, на которые опирались сами в процессе постижения балетного искусства европейских стран.

Хотя в то время лишь немногие китайцы имели доступ к этому западному виду искусства, балетные школы, открытые в Китае, и балетные спектакли, поставленные русскими артистами балета, сыграли ключевую роль в знакомстве китайского народа с этим искусством.

После основания Китайской Народной Республики в 1949 году для балета наступило золотое время развития. Профессиональные балетные труппы продолжали процветать по мере развития страны. А в 1954 году с открытием Пекинской школы танца, которая сегодня является Пекин-

ской танцевальной академией, начался новый этап развития балетного искусства в Китае, завершившийся основанием в 1959 году Экспериментального балета Пекинской школы танца, прародителя современного Национального балета Китая, выпустившего первых профессиональных китайских танцоров [5].

На первых порах постановки молодых балетных трупп Китая не имели самостоятельности. По сути дела, речь может вестись о переносе формы зарубежного балета в Китай, о чем красноречиво говорят балеты того периода – такие, как «Красавица-рыбка», «Седая девушка», «Голубь мира», «Красная Леди Армии» и др. Если внимательно приглядеться к этим работам, (особенно к «Красавице-рыбке» и «Голубю мира», то легко можно выделить в них черты русской (а значит и европейской) школы балетного танца. Это связано с тем, что профессиональное обучение европейскому классическому танцу в Китае изначально выстраивалось по аналогии с советской системой художественного образования [2]. Только после основания Китайской Народной Республики произошла трансформация китайского балета, придавшего классическому европейскому балету национальные черты.

Кстати, национальные черты, которые ворвались в традиционную школу балета, имели обоснование, о чем свидетельствуют И. Ирхэн и Ли Жуй. Они пишут: «Знакомство с «чужой» культурой, с русской балетной традицией – выразительностью и одухотворенностью исполнения, исполнительской точностью танцевальных движений и др. – порой наталкивалось на неприятие китайских танцовщиц, которые испытывали «культурный шок», особенно в балетных поддержках. Когда при поддержке партнер публично брал танцовщицу за талию, она «тряслась, как осиновый лист», боясь обвинений в безнравственности. Здесь очевидна ментальная разница между западной и восточной культурами» [3, с. 98].

Подобные нюансы, в основе которых лежит национальный характер и национальные традиции воспитания в китайских семьях, и подтолкнул китайский балет к созданию спектаклей на основе традиционной формы, но со своими национальными особенностями.

Эти национальные особенности тесным образом были связаны с тематикой произведений и историческим развитием Китая. Китайские артисты балета создали новые произведения на темы, связанные с китайской революцией, такие как «Красный женский отряд» и «Седая девушка», ставшие важной вехой в создании оригинальных китайских балетов. Эти две работы ошеломили мир своими уникальными китайскими особен-

ностями и помогли значительно популяризировать этот западный вид искусства в Китае.

С этого самого времени китайский балет стал развиваться в двух направлениях, которые искусствоведы охарактеризовали, как «красное» и «белое». «Белыми» балетами назывались постановки, ставшие традиционной классикой (например, «Лебединое озеро», «Жизель»). «Красные» балеты – это революционные китайские балеты, воплощением которых стал «Женский Красный отряд», поставленный еще в середине XX века, и «Желтая река», «детище» уже нового времени.

Когда мы говорим о новаторстве, то на ум сразу приходит отказ от традиционных форм воплощения образов в искусстве и поиск новых путей подачи классического искусства. Но в этой точки зрения китайский балет рассматривать нельзя, ибо новаторские тенденции в китайском балете – это возврат к прошлому, а именно – к национальным корням танца, которые в современную эпоху возродились в народной китайской опере. Таким образом, новаторство в современном китайском балете – это традиция, отправляющая нас в древнюю эпоху становления китайского национально-танцевального искусства. Так, «Красавица-рыбка» явилась первым опытом интерпретации традиции, соединившей европейский балет с китайским национальным танцем.

Заимствуя опыт советского хореографического искусства, балетмейстеры стремились сочетать формы балета с традиционным китайским танцевальным искусством. Опираясь на структуру классического балета, в спектакли на мотивы китайских сюжетов хореографы включали элементы китайских национальных танцев. Композиторы не заимствовали полностью фольклорный музыкальный материал, но, опираясь на китайскую древнюю традицию, создавали музыку с национальным колоритом, используя при этом европейские принципы развития сюжетного действия [4, с 29].

Говоря о предпосылках новаторского стиля китайского балета, нельзя не выделить тот факт, что европейская школа классического танца очень сильно отличается от китайской танцевальной основы своей философией, которая влияет на «разную векторность движений» [3, с. 99]. В китайской хореографии доминирующее положение приобретают круговые и спиралевидные движения, символизирующие гармонию восточной культуры, в то время как для европейского классического танца характерны линейные передвижения и удлиненные хореографические построения, что, впрочем не помешало китайским танцовщикам совер-

шить настоящий прорыв в области балета под руководством русских педагогов [3, с. 99].

Таким образом, впитав лучшие традиции русской балетной школы, китайский национальный балет являет собой самостоятельную, всемирно признанную школу танца со своей теорией, исполнительской техникой, формами выражения, что объясняется новаторскими тенденциями, построенными на национальных традициях китайского искусства и китайской философии. И в то же время без преемственности традиций русского балета, имеющего реалистическую направленность, китайский балет не сумел бы достигнуть столь блестящих успехов, ведь, как известно, отсутствие традиций рождает сложность решения любой творческой задачи в настоящем» [1, с. 169]. Новаторство же проявляется «в художественном языке, который обновляется с учетом новых идей, тем, образов, а также под влиянием смежных искусств» [1, с. 169]. С этой точки зрения современный китайский классический балет, представляя собой некое сплетение русской школы классического танца с национальным танцем и национальной культурой КНР, является уникальным явлением. В лучших образцах китайской хореографии и традиция, и новаторство существуют, хотя и во взаимном сопряжении, но друг от друга нераздельно, потому что «новаторство без опоры на прошлое останется лишь благим намерением, не найдет подлинно художественного воплощения» [1, с. 169].

Список литературы:

1. Ванслов В.В. Статьи о балете. Музыкально-эстетические проблемы балета. – Л.: Музыка, 1980. 192 с.
2. Ирхен И.И. Художественное образование в России: системы, динамика, векторы. – М.: Искусство в школе, 2008. 222 с.
3. Ирхэн И.И., Ли Жуй. Хореографические заимствования как форма распространения русской балетной традиции в Китае // Художественное образование и наука. 2020. № 1 (11). С. 95-100.
4. Чэнь Синьхэн. Китайские балеты периода Культурной революции: связь с европейской традицией: дисс. ... канд. искусствовед. – Нижний Новгород, 2022. 232 с.
5. Roy S. Step-by-step guide to dance: National Ballet of China // The Guardian. 2011. August 11 // URL: <https://www.theguardian.com/stage/2011/aug/11/dance-national-ballet-of-china>

Bibliography

1. Vanslov V.V. Articles about the ballet. Musical and aesthetic problems of ballet. – L.: Music, 1980. 192 p.
2. Irkhen I.I. Art education in Russia: systems, dynamics, vectors. – M.: Art at school, 2008. 222 p.
3. Irhen I.I., Li Rui. Choreographic borrowings as a form of spreading the Russian ballet tradition in China // Art education and science. 2020. № 1 (11). P. 95-100.
4. Chen Xinheng. Chinese ballets of the Cultural Revolution period: connection with the European tradition: diss. ... cand. art critic. - Nizhny Novgorod, 2022. 232 p.
5. Roy S. Step-by-step guide to dance: National Ballet of China // The Guardian. 2011. August 11 // URL: <https://www.theguardian.com/stage/2011/aug/11/dance-national-ballet-of-china>

Аннотации

Шупленков Н.О.

Шупленков О.В.

Этносоциокультурные конструкты эпохи цифровизации

Актуальность проблемы «цифровой экономики» непрерывно возрастает во всем мире. Одной из причин возрастающего интереса служит восприятие цифровизации в качестве новой промышленной революции и ожидание аналогичных по масштабу последствий. Исторически результатом подобных явлений оказывалось существенное увеличение эффективности экономической деятельности, в том числе производственной, являющейся ключевым источником роста общественного благополучия в материалистическом понимании развития человечества. Обзор научных исследований в данном аспекте научной проблемы позволяет сформулировать основные постулаты этносоциокультурной диалогизации в информационном пространстве.

Ключевые слова: информация, историография, производство, цивилизация, цифровизация, этносоциокультурная диалогизация.

Игнатов М.А.

Деменко И.А.

Авилова Ж.Н.

Смысловые поля коммуникативных практик студенческой молодежи в сети интернет (по результатам социологического исследования)

Стремительная трансформация условий социализации молодого поколения определяет потребность диагностики тематической направленности формулирования запросов студентов в интернет пространстве. Целью научной статьи является репрезентация социологической диагностики смысловых полей коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет. Авторы в результате интерпретации полученных данных, приходят к выводу о повышении значимости коммуникативного взаимодействия студенческой молодёжи в сети Интернет в условиях всеобщей информатизации общества, трансформации процесса социализации молодежи.

Ключевые слова: студенческая молодежь, сеть Интернет, коммуникативные практики, тематические запросы, цифровизация.

Узденова Б.Х.

Кочкаров Р.С.

Борлакова Ф.А.

Карабашева Х.И.

Узденова А.А.

Развитие информационного общества в современных условиях

В информационном обществе информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. Вопросы развития информационного общества, высокотехнологической экономики, формирования инновационного человека и компетенций инновационной деятельности возможны при формировании государством благоприятных условий, создания и совершенствования прорывных информационных и коммуникационных технологий, создаваемых в России.

Ключевые слова: информационное общество, информация, Интернет, информационные и коммуникационные технологии.

Дианов С.А.
Базарьева Л.П.
Кобяков А.В.

**Геобрендинг для угасшей территории:
стратегии продвижения культурного наследия на муниципальном уровне**

В статье представлена точка зрения коллектива авторов по проблематике продвижения современных концепт-идей брендов территорий на основе их историко-культурного наследия. Предметом исследования определён культурный феномен угасшей территории, исторические образы которой побуждают акторов креативного действия создавать новые проектные предложения в сфере территориального брендинга. На конкретных примерах показано, что не для каждой территории в XXI веке подходят «образные формулы», в основе которых лежит символическая легковесность толкования драматических событий прошлых эпох. Для таких территорий очевидна востребованность скорее не в брендинге на трендах индустрии гостеприимства, а в продвижении геокультурного образа посредством использования современных практик мемориального активизма. На основе политологического знания и методик прикладной культурологии в статье сформулированы существенные основы понятий «угасшая территория» и «геокультурная стратегия».

Ключевые слова: поселение, угасшая территория, историческая событийность, культурное наследие, геокультурный образ территории, геобрендинг, культурные институции, муниципальный уровень.

Старостенков Н.В.

**Советско-германский договор о ненападении (1939 г.):
взгляд сквозь призму принципов внешней политики стран Запада**

В работе исследована проблема кризиса доверия мирового сообщества к внешней политике стран коллективного Запада, на примере рассмотрения Советско-германского договора о ненападении (1939 г.). Показана важность оценки исторических событий исходя из соответствия их национальным интересам России, сформулированы рекомендации, позволяющие исследовать важнейшие исторические события во всей их полноте и многозначности на основе отказа от западно-центрического подхода к оценке процессов мировой истории.

Ключевые слова: внешняя политика, кризис доверия, Советско-германский договор о ненападении, оценка процессов мировой истории.

Гуреев Я.В.
Гаврилюк Н.П.

**Феномен новых партий в условиях российской политической системы
(на примере партийного строительства партии «Новые люди»)**

В статье предпринята попытка комплексного анализа истории становления и развития партии «Новые люди», практики использования различных инструментов и технологий при продвижении в рамках предвыборных кампаний 2020 – 2021 годов. Отличительной чертой деятельности партии «Новые люди», является практика регионализации деятельности с акцентом на проблему и специфику отдельно взятого региона, отдельного субъекта Российской Федерации. Результаты исследования, по заявленной теме, построены на использовании как общенаучных, так и специальных методов, в том числе, контент-анализ при изучении и анализе партийных документов, ивент-анализ при изучении общественно-политической деятельности, выборных кампаний, а также анализ партийного строительства «Новых людей».

Ключевые слова: партия «Новые люди», партийное строительство, феномен новых партий, избирательная система, предвыборная кампания, Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, Государственная Дума Российской Федерации.

Даев А.Н.
Терновая Л.О.

Социальные взаимодействия моды и спорта

В статье показана история взаимосвязей спорта и моды, которая берет начало на самой заре выделения спортивной активности из тех областей хозяйственной или военной жизни, в которых занятия спортом были частью ритуала, связанного с выживанием. По мере развития социума у людей появлялось все больше возможностей для спорта, а внутри самого спорта возникли тенденции, которые можно было обозначить с помощью моды.

Ключевые слова: спортивный стиль, спортивная форма, мода, геополитика, спорт-шик.

Старостенков Н.В.

Особенности деятельности партийных, государственных и общественных организаций Советского Союза по формированию у трудящихся мотивации к выполнению и перевыполнению задач, стоявших перед советской промышленностью в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

В работе рассмотрены некоторые принципы и методы, лежавшие в основе успешной пропагандистской деятельности партийных, государственных, комсомольских и профсоюзных организаций Советского Союза по мобилизации трудящихся СССР на выполнение производственных планов; показаны результаты использования для решения задач, стоявших перед советской промышленностью, таких форм коллективных действий, как социалистическое соревнование; даны некоторые рекомендации по использованию накопленного в годы Великой Отечественной войны опыта в современных условиях.

Ключевые слова: принципы, методы, мотивация к труду, пропаганда, социалистическое соревнование, трудовые подвиги и начинания.

Дианов С.А.
Дианова Ю.В.

Национальный проект «Образование» и трансформация системы профессионального образования в регионе (2005 – 2020 гг.)

В статье раскрываются особенности реализации национальных проектов «Образование» в Пермском крае – приоритетного национального проекта (2005 – 2010 гг.) и действующего нацпроекта (с 2018 г.). Показано, что в ходе практического осуществления проектных решений в регионе началась трансформация системы профессионального образования. Главными результатами следует признать оптимизацию сети образовательных организаций профессионального образования, переориентация их деятельности на подготовку действительно востребованных специалистов на рынке труда Пермского края. Состоялась апробация новаторских решений по преодолению существующей дистанции между учреждениями профессионального образования и реальными заказчиками – предприятиями государственного и негосударственного секторов. Первостепенная задача, которую были призваны решать акторы национального проекта в 2020-е годы, заключалась в достижении приоритетных целей в логике методологии проектного управления. Авторы делают вывод о том, что в настоящий момент переход с операционно-процессуальной на проектную деятельность в регионе все ещё не завершён.

Ключевые слова: образовательная политика, национальный проект, профессиональное образование, проектное управление, образовательные организации, регионализация профессионального образования.

Живец А.П.

Политические условия и цели коллективизации в СССР

В статье рассматриваются политические цели коллективизации сельского хозяйства в СССР

как одной из ключевых экономических реформ советской власти, имевших долгосрочные политические и экономические последствия для развития государства. При анализе коллективизации исследуются экономические и политические условия, в которых она проводилась: интересы и взаимодействие различных социальных групп, механизм принятия и реализации государственных решений, а также внешнеполитические условия, в которых существовало советское государство.

Ключевые слова: коллективизация, национализация земли, налогообложение, индустриализация, первый пятилетний план, агротехническая революция.

Абдуллаева А.Р.

Некоторые аспекты развития международного муниципального сотрудничества

В современных условиях международное сотрудничество начинает переходить с национального уровня на уровни регионов и отдельных муниципалитетов. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что Российская Федерация, как страна с наиболее протяженной государственной границей в мире, обладает мощным потенциалом для организации международного муниципального сотрудничества. Укрепление международных связей на местном уровне позволяет развивать взаимодействие с муниципалитетами тех государств, население которых имеет нередко много общего в историческом, культурном, экономическом контексте. Интенсивность и эффективность международного муниципального сотрудничества во многом зависит от властей на региональном и местном уровнях, которые как никто другой знакомы с потребностями и интересами жителей муниципалитетов в развитии социальных, экономических, культурных, образовательных связей. Таким образом, помимо государственных органов власти, к международному муниципальному сотрудничеству, все активнее вовлекаются региональные и муниципальные структуры. В настоящей статье рассматриваются различные аспекты международного муниципального сотрудничества. Особый акцент сделан на изучении роли местных органов власти в этом процессе.

Ключевые слова: развитие городов, международное сотрудничество, сотрудничество муниципалитетов, социально-управленческие взаимодействия.

Барковский Е.С.

Правильная постановка управленческой проблемы

Для правильной постановки управленческой проблемы важно принять во внимание следующие ее компоненты: лицо, принимающее решение, управляемые переменные, выбор, или принятие решения, неуправляемые переменные, внутренние и внешние ограничения, возможные исходы. Важно также знать и принять во внимание типичные проявления неправильной постановки проблемы: отсутствие четкой формулировки цели, игнорирование вероятных последствий достижения цели, игнорирование целей других лиц, игнорирование характера взаимосвязи целей, упрощение проблемы, неадекватное определение причинных связей, неадекватные ограничения.

Ключевые слова: управленческая проблема, постановка проблемы, управляемые переменные, неуправляемые переменные, внутренние ограничения, внешние ограничения, упрощение проблемы.

Абдуллаева А.Р.

Социальная технология как инструмент для развития международного сотрудничества на местном уровне

Развитие международного направления работы на уровне местного самоуправления является сегодня актуальным и перспективным, так как открывает новые возможности для развития потенциала непосредственно городов, поселков и иных муниципальных образований. Однако на

основе изученных материалов в источниках в сети Интернет можно заключить, что сегодня при существующих законодательных и организационных возможностях, муниципалитеты, а непосредственно их главы, не очень активно используют форматы международного муниципального сотрудничества для социально-экономического развития своих территорий. В связи с этим в статье описывается социальная технология, применение которой позволит сформировать и повысить необходимые компетенции глав муниципальных образований в области международного муниципального сотрудничества и способствовать активному использованию ММС на местном уровне. Данную социальную технологию предлагается использовать как рабочий инструмент для повышения качества кадров на местах, повышения компетенций руководителей органов местного самоуправления сначала на территории пилотных муниципалитетов, а в дальнейшем и в других муниципальных образованиях России.

Ключевые слова: компетенции глав муниципалитетов, международное муниципальное сотрудничество, социальная технология внедрения ММС.

Тамби С.А.

Панъевропейское движение и Эстония.

Часть 1. Установление и укрепление связей в межвоенный период, и истоки эстонского евроскептицизма

В настоящей статье на примере взаимосвязей Эстонии и старейшего европейского движения, выступающего за объединение Европы – Панъевропейского союза – рассказывается о зарождении и развитии европейских ценностей в этой прибалтийской стране в межвоенный период, а также о возникновении в то время эстонского евроскептицизма.

Ключевые слова: интеграция, евроскептицизм, панъевропеизм, политика, Эстония, Пан-Европа.

Гао Чуньюй

Гао Янь

Цяо Юй

Грусть - фоновый цвет русских эмигрантов

В Китае в городе Харбине существовала многомерная культура. Город Харбин никогда не забывает о вкладе, который внесли русские эмигранты в развитие города. Правительство Харбина организовало творить «Серия книг харбинской русской эмиграционной литературы». Китайский писатель Шан Чжифа написал одну из серии---роман «Моя пустынная любовная песня». Роман показал читателям трагедийную историю русских эмигрантов, которые умерли в чужой стране. Писатель объективно воспроизвёл калейдоскоп событий истории, больше обращал внимание на судьбу несчастливых героев, которых выгнала историческая ситуация. При проведении исследования автор использует такие методы научного познания, как историческое исследование, сравнение и библиография.

Ключевые слова: Харбин, русские эмигранты, роман «Моя пустынная любовная песня».

Цуй Фабо

Пример китайско-российского культурного обмена в 19 веке - создание китайской академии в России

Территория Китая и России соединена протяженной границей, официальные контакты и частные связи двух стран начали складываться достаточно давно и почти сразу стали достаточно тесными. В XIX веке Россия вступила в эпоху социальных перемен, сопровождавшихся национальным пробуждением, быстрыми темпами экономического развития и расцветом культуры. Развитие образования стало осознанной общественной необходимостью. Один за

другим открывались государственные университеты и частные высшие учебные заведения, создавались специализированные колледжи. Возрастал и интерес к китайской культуре, вследствие чего китаеведение в России приобретало все больший масштаб. Сложившиеся в российских университетах центры китаеведения сыграли важную роль в распространении китайской культуры в России. Со временем они претерпевали изменения, постепенно расширяясь: из первоначальных залов китайского языка вырастали специализированные кафедры в университете, а затем и отдельные институты.

Ключевые слова: китаеведение в России, китайская культура, специализированные кафедры китайского языка в университете, отдельные институты китайского языка.

Гусейнов Эльнур

Развитие ветроэнергетических проектов в Азербайджане: перспективы сокращения выбросов парниковых газов

На протяжении последних трех десятилетий вопрос освоения возобновляемых источников энергии был важным по ряду причин, прежде всего, в силу его вклада в уменьшение зависимости от ископаемых видов топлива и уменьшение загрязнения окружающей среды. Несмотря на такой позитивный вклад, существуют также определенные критические замечания в отношении ветроэнергетических проектов.

В настоящем научном документе представлена информация о разработке ветроэнергетических проектов в Азербайджане и их потенциале в плане сокращения выбросов парниковых газов (ПГ). Актуальность этого исследования имеет большое значение для объяснения аналогичных событий в других постсоветских странах. В статье затрагиваются проблемы развития ветроэнергетики в стране. К сожалению, в целом, зависимость от устаревших стандартов оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) в бывших советских странах затрудняет принятие новых правил экологической оценки. Однако, что интересно, разработчики ветровых проектов в Азербайджане утверждают, что пройти процесс ОВОС и получить необходимые разрешения было не так сложно, как кажется.

Во-первых, в настоящем документе рассматриваются плюсы и минусы ветроэнергетики. Также в нем освещается потенциал ветроэнергетики Азербайджана и разъясняется перспектива сокращения выбросов ПГ. Кроме того, в нем указывается, в какой степени некоторые проекты в области ветроэнергетики могут способствовать сокращению объемов выбросов ПГ. Более того, в документе разъясняется, каким образом система ОВОС и соответствующие разрешения были разработаны в Азербайджане.

Ключевые слова: Азербайджан, развитие ветроэнергетики, возобновляемые источники энергии, выбросы парниковых газов, ОВОС.

Ван Тин

Диалог культур в современном мире: проблемы и решения

В современном обществе культура становится центральным, фундаментальным понятием, в связи с чем встал вопрос о путях решения межкультурных и межэтнических конфликтов в контексте диалога культур – важного явления культурной глобализации. Автор данной статьи, выявляя значение диалога культур в системе межкультурного взаимодействия, рассматривает причины и условия возникновения межкультурных конфликтов и анализирует состояние вопроса, касающегося диалога культур в современном мире, составив прогноз его развития на ближайшие годы.

Ключевые слова: глобализация, диалог культур, межкультурное взаимодействие, межэтнический конфликт.

Пэн Хаоюй

Российско-китайская межкультурная коммуникация в условиях современности

Образ России в китайской периодике первого десятилетия XX века был разнообразным. В 1907 году были переведены некоторые произведения, написанные Львом Толстым, которого китайцы считали проповедником нравственности, более похожим на конфуцианца или даосского мудреца. Прямые параллели между Россией и Китаем по общественно-политическому строю в китайских революционных периодических изданиях и газетах. Они предложили использовать опыт русских людей. Здесь же следует отметить, что читательская аудитория подобных периодических изданий была весьма ограниченной, хотя они представляли весьма активный слой китайского общества.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, литературу, философия, писатели.

Сю Тинтин

Китайская народная опера как феномен национального искусства

В данной статье содержится новый взгляд на проблему создания и развития китайской национальной оперы, в основу которой легли как национальные черты, так и европейские музыкальные пристрастия. Их синтез и создал тот жанр, который мы называем китайской оперой. Автор статьи, описывая эволюцию этого музыкального жанра в Китае, утверждает, что китайская опера, пройдя длинный путь развития, и сегодня сохранила свою самобытность и оригинальность, несмотря на влияние западной школы оперного искусства.

Ключевые слова: народ, феномен, граждане, искусство, развитие, опера, театр.

Цзэн Лояо

Китайский балет в контексте национальных традиций

Каждая форма искусства обладает национальной спецификой. Исключением не является и жанр балета. Это связано с тем, что пути развития балетного искусства идут своим путем и в большинстве случаев используя национальные традиции. В данной статье рассматривается рождение национального балета в Китае, который, впитав в себя европейские корни, не отказался от национальных элементов и национальных видов искусства, которые были интегрированы в китайский балетный спектакль.

Ключевые слова: китайский балет, национальные традиции, китайская опера, народный танец.

Цинь Шиюй

Китайский национальный балет: традиции и новаторство

Данная статья посвящена проблеме взаимоотношения традиционного европейского балета с новаторскими тенденциями балетного искусства в Китае. Автор статьи по-новому осмысливает взаимосвязь традиций и новаторства на примере, национального китайского балета. Автор статьи приходит к выводу, что китайское национальное искусство, в том числе и балет, заимствовав европейские традиции, не может отказаться от национальных традиций, которые, вплетаясь в ткань произведения, приобретают новаторский характер.

Ключевые слова: традиции, новаторство, китайский балет, русский балет, национальные традиции.

Abstracts

Shuplenkov N.O.

Shuplenkov O.V.

Ethnosociocultural constructs of the digitalization era

The relevance of the problem of the “digital economy” is continuously increasing all over the world. One of the reasons for the growing interest is the perception of digitalization as a new industrial revolution and the expectation of similar-scale consequences. Historically, the result of such phenomena has been a significant increase in the efficiency of economic activity, including production, which is a key source of growth of social well-being in the materialistic understanding of human development. A review of scientific research in this aspect of the scientific problem allows us to formulate the main postulates of ethnosociocultural dialogization in the information space.

Keywords: information, historiography, production, civilization, digitalization, ethnosociocultural dialogization.

Ignatov M.A.

Demenenko I.A.

Aviliva J.N.

Meaning fields of communication practices of students on the internet (by the results of sociological research)

The rapid transformation of the conditions of socialization of the younger generation determines the need to diagnose the thematic orientation of the formulation of students’ requests in the Internet space. The purpose of the scientific article is to represent the sociological diagnostics of the semantic fields of student youth communicative practices on the Internet. The authors, as a result of interpreting the data obtained, come to the conclusion that the importance of the communicative interaction of student youth on the Internet in the context of the general informatization of society, the transformation of the process of youth socialization, is increasing.

Keywords: student youth, Internet, communication practices, thematic queries, digitalization.

Uzdenova B.H.

Kochkarov R.S.

Borlakova F.A.

Karabasheva H.I.

Uzdenova A.A.

Development of the information society in modern conditions

In the information society, information and the level of its application and accessibility dramatically affect the economic and socio-cultural living conditions of citizens. The issues of the development of the information society, high-tech economy, the formation of an innovative person and the competencies of innovative activity are possible with the formation of favorable conditions by the state, the creation and improvement of breakthrough information and communication technologies created in Russia.

Keywords: information society, information, Internet, information and communication technologies.

Dianov S.A.

Bazareva L.P.

Kobyakov A.V.

Geobranding for extinct territory: strategies for promotion of cultural heritage at the municipal level

The article presents the point of view of a team of authors on the issues of promoting modern concept ideas of brands of territories based on their historical and cultural heritage. The subject of the study is

the cultural phenomenon of the extinct territory, the historical images of which encourage the actors of creative action to create new project proposals in the field of territorial branding. Specific examples show that not every territory in the 21st century is suitable for “figurative formulas”, which are based on the symbolic lightness of interpretation of the dramatic events of past eras. For such territories, the demand is obvious, rather than in branding on the trends of the hospitality industry, but in promoting a geocultural image through the use of modern practices of memorial activism. On the basis of political science knowledge and methods of applied cultural studies, the essential foundations of the concepts of “extinct territory” and “geocultural strategy” are formulated in the article.

Keywords: settlement, extinct territory, historical events, cultural heritage, geocultural image of the territory, geobranding, cultural institutions, municipal level.

Starostenkov N.V.

**The Soviet-German non-aggression treaty (1939):
a look through the prism of the principles of western foreign policy**

The paper examines the problem of the crisis of confidence of the world community in the foreign policy of the countries of the collective West, using the example of the consideration of the Soviet-German Non-Aggression Treaty (1939). The importance of assessing historical events based on their compliance with the national interests of Russia is shown, recommendations are formulated to explore the most important historical events in their entirety and ambiguity based on the rejection of the Western-centric approach to the assessment of the processes of world history.

Keywords: foreign policy, crisis of confidence, Soviet-German non-aggression treaty, assessment of the processes of world history.

Gureev Y.V.

Gavrilyuk N.P.

**The phenomenon of new parties
in the conditions of the russian political system
(by the example of the party building of the « New people» party)**

In the article the attempt of the complex analysis of history of formation and development of party «New people», practice of use of various tools and technologies at advancement within the limits of pre-election campaigns of 2020 - 2021 is undertaken. Distinctive feature of activity of party «New people», is practice of regionalization of activity with the accent on a problem and specificity of separately taken region, separate subject of the Russian Federation. The results of the research on the stated topic are based on the use of both general scientific and special methods, including content analysis in the study and analysis of party documents, event analysis in the study of socio-political activity, election campaigns, as well as analysis of party building of the «New People».

Keywords: «New People» party, party building, new party phenomenon, electoral system, election campaign, «United Russia», «CPRF», «LDPR», «Just Russia», State Duma of the Russian Federation.

Daaev A.N.

Ternovaya L.O.

Social interactions of fashion and sports

The article shows the history of the relationship between sports and fashion, which originates at the very dawn of the separation of sports activity from those areas of economic or military life in which sports were part of a ritual associated with survival. As society developed, people had more and more opportunities for sports, and within the sport itself, trends arose that could be identified with the help of fashion.

Keywords: sports style, sportswear, fashion, geopolitics, sport chic.

Starostenkov N.V.

Features of the activities of the party, state and public organizations of the Soviet Union on the formation of motivation among workers to fulfill and exceed the tasks facing the Soviet industry during the Great Patriotic War (1941-1945)

The paper considers some of the principles and methods underlying the successful propaganda activities of party, state, Komsomol and trade union organizations of the Soviet Union to mobilize the workers of the USSR to high-performance work; shows the results of using such forms of collective action as socialist competition to solve the problems facing Soviet industry; gives some recommendations on the use of the experience accumulated during the Great Patriotic War in modern conditions.

Keywords: principles, methods, motivation to work, propaganda, socialist competition, labor initiatives and initiatives.

Dianov S.A.

Dianova Yu.V.

The national project “Education” and the transformation of the vocational education system in the region (2005 – 2020)

The article reveals the specifics of the implementation of national projects “Education” in the Perm Region – a priority national project (2005-2010) and the current national project (2018). It is shown that in the process of practical implementation of project solutions in the region, the transformation of the vocational education system has begun. The main results should be recognized as the optimization of the network of educational organizations of vocational education, the reorientation of their activities to train in-demand specialists in the labor market of the Perm Region. Innovative solutions were tested to overcome the existing distance between vocational education institutions and real customers – enterprises of the state and non-state sectors. The primary task that the actors of the national project were called upon to solve in the 2020s was to achieve priority goals in the logic of the project management methodology. The authors conclude that at the moment the transition from operational and procedural to project activities in the region is still not completed.

Keywords: educational policy, national project, professional education, project management, educational organizations, regionalization of professional education.

Zhivets A.P.

Political conditions and goals of collectivization in the USSR

The article discusses the political goals of collectivization of agriculture in the USSR as one of the key economic reforms of the Soviet government, which had long-term political and economic consequences for the development of the state. The analysis of collectivization examines the economic and political conditions in which it was carried out: the interests and interaction of various social groups, the mechanism of making and implementing state decisions, as well as the foreign policy conditions in which the Soviet state existed.

Keywords: collectivization, land nationalization, taxation, industrialization, first five-year plan, agro-technical revolution.

Abdullaeva A.R.

Some aspects of the development of the international municipal cooperation

In modern conditions, international cooperation is beginning to move from the national level to the levels of regions and even individual municipalities. The relevance of this study is due to the fact that the Russian Federation, as a country with the longest state border in the world, has a strong potential for organizing international municipal cooperation. Strengthening international relations at the local level allows developing interaction with the municipalities of those states whose population often

has much in common in the historical, cultural, and economic context. The intensity and effectiveness of international municipal cooperation largely depends on the authorities at the regional and local levels, who, like no one else, are familiar with the needs and interests of municipal residents in the development of social, economic, cultural, and educational ties. Thus, in addition to state authorities, regional and municipal structures are increasingly involved in international municipal cooperation. This article discusses various aspects of international municipal cooperation. Particular emphasis is placed on studying the role of local authorities in this process.

Keywords: urban development, international cooperation, cooperation of municipalities, social and managerial interactions.

Barkovskii E.S.

The correct formulation of the management problem

For the correct formulation of a managerial problem, it is important to take into account the following components: the decision maker, controlled variables, choice, or decision making, uncontrolled variables, internal and external restrictions, possible outcomes. It is also important to know and take into account the typical manifestations of the incorrect statement of the problem: the lack of a clear formulation of the goal, ignoring the likely consequences of achieving the goal, ignoring the goals of others, ignoring the nature of the relationship of goals, simplifying the problem, inadequate definition of causal relationships, inadequate restrictions.

Keywords: managerial problem, problem statement, controlled variables, uncontrolled variables, internal restrictions, external restrictions, problem simplification.

Abdullaeva A.R.

Social technology as

a tool for the development of international cooperation at the local level

The development of international work at the level of local government is relevant and promising today, as it opens up new opportunities for the development of the potential of cities, towns, and other municipalities themselves. However, on the basis of the studied materials in the Internet sources it can be concluded that today municipalities and their heads do not actively use the formats of international municipal cooperation for socio-economic development of their territories under the existing legislative and organizational possibilities. In this regard, the article describes the social technology, the use of which will form and improve the necessary competence of heads of municipalities in the field of international municipal cooperation and promote the active use of MMC at the local level. This social technology is proposed to be used as a working tool for improving the quality of local personnel, increasing the competences of heads of local government, first on the territory of pilot municipalities, and later in other municipalities of Russia.

Keywords: competence of heads of municipalities, international municipal cooperation, social technology of MMC implementation.

Tambi S.A.

Pan-European Movement and Estonia. Part 1. Establishment

and strengthening of ties in the interwar period, and the origins of Estonian Euroscepticism

This paper, using the example of the relationship between Estonia and the oldest European movement for the unification of Europe – the Pan-European Union – tells about the emergence and development of common European values in this Baltic country during the interwar period, as well as the emergence of Euroscepticism in Estonia at that time.

Keywords: integration, Euroscepticism, Pan-Europeanism, politics, Estonia, Pan-Europe.

*Gao Chunyu**Gao Yan**Qiao Yu***Sadness is the background color of Russian emigrants**

Harbin, a Chinese city with diverse cultures, has never forgotten the contribution of Russian expatriates to its development. The Harbin government organized and created the series of the Harbin Russian Emigrant Literature Book Series. “My Desert Love Song” is one of the novels created by author Shang Zhifa. The novel demonstrates readers the tragic history of Russian expatriates who died in a foreign country. The writer objectively reproduces the changeable historical events and focuses on the tragic fate of the protagonist abandoned by history. The author uses such methods of scientific knowledge as historical research, comparison and bibliography in conducting the study.

Keywords: Harbin, Russian emigrants novel, My Desert Love Song.

*Cui Fabo***An example of Chinese-Russian cultural exchange in the 19th century is the creation of the Chinese Academy in Russia**

Since the territory of China and Russia is connected by a long border, official contacts and private ties between the two countries began quite long ago and almost immediately became quite close. In the nineteenth century, Russia entered an era of social change accompanied by a national awakening, rapid economic development and the flowering of culture. The development of education became a perceived social necessity. One after another, state universities and private higher education institutions were opened, and specialized colleges were established. Interest in Chinese culture was also growing, consequently, Chinese studies in Russia were gaining in scope. The centres of Chinese studies established in Russian universities played an important role in spreading Chinese culture in Russia. Over time they underwent changes and gradually expanded: from the initial Chinese language halls specialized university departments and later separate institutes evolved.

Keywords: Chinese studies in Russia, Chinese culture, specialized university departments of the Chinese language, separate Chinese language institutes.

*Huseynov Elnur***Development of wind energy projects in Azerbaijan: prospects to reduce greenhouse gas emissions**

For the last three decades development of renewable energy sources has been an important subject for several reasons: primarily, due to its contribution to reduce dependence on fossil fuels and alleviating environmental pollution. Regardless of such positive contributions, there are also certain critiques for the wind energy projects. This research paper presents the development of wind energy projects in Azerbaijan and its potential to curb greenhouse gas emissions (GHG). Relevance of this research is of great importance to explain similar developments in other post-Soviet countries. The article touches upon the challenges for the development of the wind energy in the country. Unfortunately, in general, path dependence on outdated environmental impact assessment (EIA) standards in the former Soviet countries, makes it difficult to adopt new environmental assessment rules. Yet, interestingly, developers of the wind projects in Azerbaijan state claim that it was not as challenging as it sounds to go through the EIA process and get necessary permissions.

Firstly, this paper discusses pros and cons of wind energy. Then it sheds light on wind energy potential of Azerbaijan and explicates perspective on curbing the GHG emissions. In addition, it specifies how far certain wind energy projects can contribute to the reduction of GHG emissions. Moreover, the paper explains how EIA system and relevant permissions have been developed in Azerbaijan.

Keywords: Azerbaijan, wind energy development, renewable energy, greenhouse gas emissions, EIA.

Wang Ting

Dialogue of cultures in the modern world: problems and solutions

Nowadays culture is a central, fundamental concept. So the main problem is the search of ways for resolving of intercultural and interethnic conflicts in the context of a cultural dialogue – an important phenomenon of the cultural globalization. The author of this article, identifying the importance of the dialogue of cultures in the system of intercultural interaction, examines the causes and conditions of the emergence of intercultural conflicts and analyzes the state of the issue concerning the dialogue of cultures in the modern world, making a forecast of its development for the coming years.

Keywords: globalization, dialogue of cultures, intercultural interaction, interethnic conflict.

Peng Haoyu

Russian-Chinese intercultural communication in modern conditions

The image of Russia in Chinese periodicals in the first decade of the 20th century was diverse. In 1907, some works written by Leo Tolstoy, whom the Chinese considered a preacher of morality, more like a Confucian or Taoist sage, were translated. Direct parallels between Russia and China on the socio-political system in Chinese revolutionary periodicals and newspapers. They suggested using the experience of the Russian people. It should also be noted here that the readership of such periodicals was very limited, although they represented a very active layer of Chinese society.

Keywords: intercultural communication, literature, philosophy, writers.

Xu Tingting

Chinese folk opera as a phenomenon of national art

This article contains a new look at the problem of creation and development of the Chinese national opera, which is based on both national traits and European musical tastes. Their synthesis created the genre that we call Chinese opera. The author of the article, describing the evolution of this musical genre in China, argues that the Chinese opera, having passed a long way of development, has retained its originality and originality today, despite the influence of the Western school of opera art.

Keywords: people, phenomenon, citizens, art, development, opera, theatre.

Zeng Luoyao

Chinese ballet in the context of national traditions

Each form of art has a national specific features. The genre of ballet is no exception. This is due to the fact that the ways of developing ballet art pass their own way using national traditions and in most cases. This article examines the birth of the national ballet in China, which, having absorbed European roots, did not abandon the national elements and national art forms that were integrated into the Chinese ballet performance.

Keywords: Chinese ballet, national traditions, Chinese opera, folk dance.

Qin Shiyu

Chinese national ballet: traditions and innovations

This article is devoted to the problem of the relationship of traditional European ballet with innovative trends of ballet art in China. The author of the article interprets the relationship of traditions and innovations in a new way using the example of the national Chinese ballet. The author of the article comes to the conclusion that Chinese national art, including ballet, borrowing European traditions, cannot abandon national traditions, which, interwoven into the fabric of the work, acquire an innovative character.

Keywords: traditions, innovation, Chinese ballet, Russian ballet, national traditions.

Авторы

Абдуллаева А.Р. - аспирант кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества ИГСУ РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Авилова Ж.Н. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Базарьева Л.П. - аспирант кафедры Государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Барковский Е.С. - аспирант кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Борлакова Ф.А. - обучающаяся 2 курса, спец. 09.03.03 Прикладная информатика. Северо-Кавказская государственная академия.

Ван Тин - магистр, гуманитарный институт. Новосибирский национальный государственный университет.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Гао Чуньюй - профессор института иностранных языков, Цицикарский университет (Китай), аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета.

Гао Янь - магистр института иностранных языков, Цицикарский университет (Китай).

Гуреев Я.В. - студент I курса магистерской программы «Региональная история межнациональных отношений» Института истории и права Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского.

Гусейнов Эльнур - доктор философии, Университет Фрайе, Берлин. Глава немецкого отдела: Национальная Конфедерация Организаций Республики Азербайджан.

Дааев А.Н. - международный эксперт по спортивному праву, выпускник Университета Айовы, США (University of Iowa, USA).

Демененко И.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Дианов С.А. - доктор исторических наук, профессор кафедры Государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; профессор кафедры частного права, Пермский институт ФСИН России.

Дианова Ю.В. - кандидат культурологии, доцент кафедры Дизайна, графики и начертательной геометрии. Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Живец А.П. - аспирант ВВГУ (Владивостокский государственный университет).

Игнатов М.А. - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Карабашева Х.И. - обучающаяся 2 курса, спец. 09.03.03 Прикладная информатика. Северо-Кавказская государственная академия.

Кобяков А.В. - аспирант кафедры Государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Кочкаров Р.С. - старший преподаватель кафедры общей информатики. Северо-Кавказская государственная академия.

Пэн Хаоюй - Магистр, факультет искусств. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Старостенков Н.В. - доктор исторических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет».

Сю Тинтин - аспирант. Факультет музыкального искусства. Московский государственный институт культуры.

Тамби С.А. - соискатель кафедры интеграционных процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ).

Узденова А.А. - обучающаяся 2 курса, спец. 09.03.03 Прикладная информатика. Северо-Кавказская государственная академия.

Узденова Б.Х. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей информатики. Северо-Кавказская государственная академия.

Цзэн Лояо - аспирант, кафедра музыкального искусства Академия русского балета имени А.Я. Вагановой.

Цинь Шиюй - аспирант, Академия русского балета имени А.Я. Вагановой.

Цуй Фабо - докторант. Центр изучения русского языка и культуры, Хэйлунцзянский университет.

Цяо Юй - магистр института иностранных языков, Цицикарский университет (Китай).

Шупленков Н.О. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Шупленков О.В. - доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин Ставропольского государственного педагогического института.

Authors

Abdullaeva A.R., Postgraduate Student of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Aviliva J.N., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Bazareva L.P., Postgraduate of the Perm National Research Polytechnic University.

Barkovskii E.S., Postgraduate Student of Department of Sociology and Management Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov.

Borlakova F.A., 2nd year student, spec. 09.03.03 Applied Informatics. North Caucasus State Academy.

Cui Fabo, PHD candidate. Center for Russian language and culture Studies of HeiLongJiang University.

Daaev A.N., International sports law expert, graduate of the University of Iowa, USA.

Demenenko I.A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of sociology and management, Belgorod state technological University.

Dianov S.A., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University; Professor of the Department of Private Law, Perm Institute of the FPS of Russia.

Dianova Yu.V., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Design, Graphics and Descriptive Geometry. Perm National Research Polytechnic University.

Gao Chunyu, Professor, Institute of Foreign Languages, Qiqihara University, China, PhD student, Perm State National Research University.

Gao Yan, Master, Institute of Foreign Languages, University of Qiqihar (China).

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of History of the Institute of History and Law, Kaluga State University.

Gureev Y.V., Student of the 1st course of the master's program "Regional History of Interethnic Relations" of the Institute of History and Law of the Kaluga State University.

Huseynov Elnur, PhD, Free University of Berlin. Head of German De-

partment: National Confederation of Organizations Of the Republic Azerbaijan.

Ignatov M.A., Doctor of Philosophical Science, Professor, Head of department the Department of sociology and management of Belgorod state technological University.

Karabasheva H.I., 2nd year student, spec. 09.03.03 Applied Informatics. North Caucasus State Academy.

Kobyakov A.V., Postgraduate of the Perm National Research Polytechnic University.

Kochkarov R.S., Senior lecturer of the Department of General Informatics. North Caucasus State Academy.

Peng Haoyu, Art Department. Lomonosov Moscow State University.

Qin Shiyu, Vaganova Academy of Russian Ballet.

Qiao Yu, Master, Institute of Foreign Languages, University of Qiqihar (China).

Shuplenkov N.O., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Shuplenkov O.V., Associate Professor of the Department of history, law and social Sciences of the Stavropol state pedagogical Institute.

Starostenkov N.V., Doctor of Historical Sciences, Professor. Russian State Social University.

Tambi S.A., Candidate for a degree, Department for Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor. Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Uzdenova A.A., 2nd year student, spec. 09.03.03 Applied Informatics. North Caucasus State Academy.

Uzdenova B.H., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Informatics of the North Caucasus State Academy.

Wang Ting, Master, Humanitarian institute. Novosibirsk State University.

Xu Tingting, PhD, Faculty of Musical Art. Moscow State Institute (University) of Culture.

Zeng Luoyao, Graduate Student, department musical art Vaganova Academy of Russian Ballet.

Zhivets A.P., Post-graduate Student of Vladivostok State University.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 14,625